

Николай
ВТОРУШИН

**Хотите,
верьте –
хотите,
нет**

Николай ВТОРУШИН

Хотите, верьте – хотите, нет

Курган, 2009

ББК 84 (2Рос=Рус)6

В 87

85-летию Ханты-Мансийского района посвящается

Автор искренне благодарит за помощь в издании этого сборника рассказов:

Президента
ОАО «Ханты-мансийский банк»,
члена Союза писателей России,
талантливого поэта, лауреата
многих литературных премий
Д. А. Мизгулина,
а также первого Вице-президента,
доктора экономических наук
А. М. Смирнова.

Главу Администрации
МО «Ханты-Мансийский район»
Ю. Т. Манчевскова,
заместителя главы
Администрации
В. С. Седунова.

ISBN 978-5-87247-528-6

© Н. М. Вторушин
© Издательство «Зауралье».
Оформление

ЗОВ ТВОРЧЕСКОЙ ДОРОГИ

Николай Вторушин запомнился ханты-мансийским читателям сначала певучими лирическими стихами из книги «Лунные ночи», затем юмористическими рассказами из интересного сборника прозы «Просто курьёзы».

Не могу не напомнить читателям несколько стихотворений, ставших песнями, на музыку автора: «Песнь о Ханты-Мансийске», «Метельный загул», «Сон у костра», «Крапинки зари», «Любовь неземная» и другие. А как волнующе, душевно, а значит, незабываемо, звучат вот эти строки:

*...Ранним утром туман невысоко
Белым дымом накроет луга,
И по белому лугу намётом
Звонко цокают чьи-то слова.*

*Пробегут и исчезнут в тумане,
И не слышится больше стихов,
И, как в сказке, следов не оставят,
Только эхо у дальних стогов.*

В той же книге, а именно – в «Лунных ночах» читатели впервые познакомились с прозой Николая Михайловича. Рассказы: «Уполномоченный», «Руководитель», «Пятый секретарь» понравились всем реальностью событий, овеянных здоровым деревенским юмором, живостью, естественным поведением героев.

Здесь уместно вспомнить слова выдающегося писателя Советской эпохи Виктора Астафьева, сказанные на встрече с нами, слушателями Высших литературных курсов в 1986 году. Он

признался: «Писать короткие остросюжетные рассказы очень трудно. Они удались, пожалуй, только Юрию Бондареву, я не говорю уж о его замечательных романах, я тоже пробовал сочинять эти маленькие рассказы. Но считаю, что мой эксперимент не удался. Моя стихия в другом...»

Да, если говорить о форме коротких рассказов, они должны быть упругими, как пружина, а по впечатлению, образно говоря, – как весёлый выстрел. Эти литературные качества, особенности жанра, Николай Вторушин подтвердил сборником мини-рассказов «Просто курьёзы».

Теперь перед нами новая книга произведений Николая Михайловича под названием «Хотите, верьте – хотите, нет». Она написана, как говорится, в том же духе – состоит из маленьких рассказов. Но... автор уже обрёл опыт сочинения, познал в своей и общественной мере цену слова. И поэтому рассказы его, что весьма похвально, имеют афористический фон. Герои ярки, зримы. А юмор... – он не надуман, как на московских эстрадах, а взят точным, трепетным взмахом пера из жизни. Так что советую всем читать и читать эти увлекательные рассказы.

*Андрей ТАРХАНОВ,
мансийский поэт,
член Союза писателей России.*

Телега (или собака на сене)

Во время сенокосной страды в колхозе сломалась, одна из четырёх, телега. Бригада уехала на работу, оставив со злополучной повозкой бригадира с несколькими покосниками.

И тут из правления выбежал высокий, жилистый и горлопанистый председатель колхоза – Валентин Шашков, который мог не только обматюгать, но и поколотить при случае.

– Какого хера ишо не уехали? – заорал он на понуро стоящих мужиков. – Солнце уж к паужне, а вы всё ищите вчерашней день!

– Да, вот, – показал на телегу бригадир.

– Не смазывали!!! В рот вам дышло! – уже более угрожающе взревел председатель. – Распрягай!

Работнички споро распрягли коня. Шашков, не снимая с него сбруи, повёл послушного мерина к телеге, принадлежащей начальнику почты – Гаврилу Захарычу. Тот, увидев из окна, что его транспортное средство хотят умыкнуть, выбежал из дома и, не подходя близко, громко спросил:

– Ты пошто, свушай, без спросу телегу берёшь?

(Гаврил Захарыч не выговаривал букву Л. Как-то однажды он, увидев среди выгруженной с парохода почты кинобанку с названием «Волгодон», высоко поднял её над головой и громко выдал: «Товарищи, смотрите – «Вовгодон!» – за что и получил прозвище имени водного канала)

– А не пошёл бы ты от греха подальше, товарищ Вовгодон! – отмахнулся, продолжая запрягать, председатель.

– Я сказав тебе – не трогай телегу! – шагнув поближе, грозно повторил Гаврил Захарыч.

– Только подойди, подойди – тут и лягёшь! – меж делом выдал руководитель колхоза. Пыл у владельца повозки несколько поутих, однако он всё же изрёк многообещающе:

– Нечё-ё, я на тибя в исполком дуну!

– Дуй хошь японскому импиратору! – поставил точку в диалоге председатель и повёл запряжённого коня к ожидавшим его колхозникам...

Гаврил Захарыч настрочил-таки бумагу и, когда случилось заседание исполкома, отдал её председателю сельсовета. Тот, прочитав заяву, неожиданно принял сторону колхозников и безапелляционно заявил:

– Правельно поступил товарищ Шашков. Страда, понимаешь, а ты со своей телегой, как собака на сене!

– Кто собака?! – взвился, краснея жирным подбородком, Вовгодон.

– Да это поговорка такая.

– Сравнивай, сущай, свою бабу с собакой, а миня, как члена партии и ответственного руководителя, не шевель!!! – пылая лицом, выкрикнул Гаврил Захарыч и, растолкав объёмным животом толкущийся возле двери народец, выбежал на улицу.

Метаяк

 У ставшее солнце, поубавив свой пыл, незаметно клонилось к закату. Оно со снисходительной улыбкой освещало то, что рабочие лесоучастка успели сделать за длинный летний день, умудрено полагая о неизбежности повторения проделанного в завтрашнем дне. Светило, как прораб, пересчитывало аккуратно уложенные пачки досок и недовольным взглядом скользило по хаотично наложенным штабелям дровенника, где в пору играть в прятки.

Рабочий день закончился, и трудовой люд разошёлся по домам. Только неподалёку от штабелей ещё работала, доукладывая последнюю пачку досок, довольно-таки молодая бабёнка – Люська, не отличавшаяся высоконравственным поведением. Да по дороге со стороны ГСМ шёл директор лесоучастка. Он было прошествовал мимо, но, когда Люська, укладывая доски, стукнула одна об одну, обратил внимание и незамедлительно повернул к укладчице.

Подошёл, поздоровался и, слово за словом, стал похватывать Люську за интересные места, намекая при этом на неизбежность интимной близости. Укладчица осмотрелась и, поняв,

что помощи ждать не от кого, бросилась прятаться в штабеля. Директор, несмотря на свой грузный вес, резво кинулся следом. Долго ли, коротко ли гонял он меж штабелей Люську, но всё-таки где-то настиг жертву и, сотворив своё чёрное дело, весьма довольный продолжил свой путь. А укладчица, с удвоенной быстротой, тоже продолжила свою работу. Всю эту картину наблюдал из-за угла сарая Василий Дмитриевич, который по какой-то надобности задержался на работе.

Наутро, когда в курилку набралось полно мужиков и пришёл директор, Вася начал рассказывать о вчерашнем инциденте:

– Вчера вечером наш директор гонял Люську меж штабелей до тех пор, пока она не обессилела и не сдалась на милость победителя. Не смотри, что такая туша, а по штабелям летал, как метляк! – закончил свой рассказ под неудержимый хохот мужиков Василий.

Топор

 Как-то по осени бригада во главе с одноглазым мастером Иваном Кузьмичём проводила изыскание лесных массивов для отвода делянок и последующей заготовки древесины.

Дождя не было, но низкие тучи, почти задевая верхушки деревьев, хмуро проплывали, меняя одна другую, на юго-запад. А ветер всё гнал и гнал их, точно неутомимый пастух овец, и не было конца этому бесчисленному стаду.

– Вот здесь мы и отдохнём, – сказал мастер, когда они вышли на берег неширокой таёжной речки. Мужики расселись: кто на валёжину, кто, сломив несколько веток, прилёг на них, а Иван Кузьмич сел прямо на мох. Он устало вытащил из-за пояса топор и, положив его рядом, закурил.

Неожиданно метрах в тридцати от места стоянки пробежал лось. Он в два-три прыжка перемахнул речку и скрылся в зарослях противоположного берега.

– А что, если следом медведь? – настороженно спросил кто-то из мужиков.

– Ну, для этого случая у нас топор имеется! Вмиг ему башку отчекрыжим! – воинственно посверкивая единственным глазом, ответил мастер и, показав оружие работагам, опять положил его рядом с собой.

Как словом так и делом – буквально через полминуты следом за лосем выскочил громадный медведь. Мужики в ужасе устали на пробежавшего мимо них сажёнными прыжками медведя. А Иван Кузьмич, почти шёпотом, как заклинание, твердя одно и то же слово:

– Топор, топор...! – судорожно хватал и рвал обеими руками мох вокруг себя в поисках оружия обороны.

Медведь, не обращая внимания на оцепеневших мужиков, тоже кинулся в речку и вскоре скрылся в густом ельнике. Когда страх немного прошёл, работяги осмотрелись, закурили, а один из них, глядя на мастера, спросил с издёвкой:

– Ты зачем, Кузьмич, моху-то столько надрал? Избу, что ли, строить собрался?

Мастер удивлённо посмотрел на заготовленный мох и, достав из-под него топор, с натянутой усмешкой, ответил:

– Да вот искал, понимаешь, а топоришко-то, будь он неладен, оказывается, рядом лежал!

Через тернии к бабке

 Ветреная июльская ночь в деревне Луговая Суббота выдалась, из-за набежавших облаков, непроглядно-загадочной. Однако, несмотря на сгустившуюся над округой темень, крепко подвыпивший семидесятилетний дед Андрей решил навестить, по старой памяти, жившую на другом конце деревни бабку Марью.

Он положил в сумку несколько стерлядок и, приняв на посошок ещё кружку браги, вышел с гостинцем на берег полноводной в эту пору речки Кривая. Сориентировавшись на светящееся вдалеке оконце бабкиной избушки, дед резво завывал по выбранному маршруту. Но, так как он не учёл, что на его пути речка делает изгиб в сторону деревни, то и полетел, благополучно, с крутого яру в воду.

Пока дед барахтался в воде, то сумел утопить сумку со стерлядью, но когда он выбрался на берег, всё равно, несмотря на подмоченную «репутацию», пошёл к заветной цели...

– Ой-ё, ой-ё, Ондрий, это чё с тобой? – встретила вопросом на пороге избушки мокрого кавалера бабка Марья.

– Да вот шёл к тебе с гостинцем, а на улице-то – глаз коли, не видно, вот я и мырнул, язви его в душу-ту, с крутояру в Кривую, ну и утопил стерлядь вместе с сумкой, комуха его бей!

– Жалко, дедушко, жалко! – посочувствовала бабка.

– Ковда не жалко, – воскликнул дед, – полну сумку карышей утопил, да и сам чуть не сгинул! У тибя есть чё-нибудь сухое, чтобы переодеться?

– Да разве что в мою юбку.

– Ладно, давай! – согласился дед, и тут же, невзирая на присутствие бабки, разделся до гола и натянул юбку.

Потом попросил табаку, закурил и, когда немного отогрелся, то стал намекать хозяйке на цель своего визита.

– Ты чё это придумал, старый стручок? Ладно, хоть когда были молодые, а сичас-то у миня и камфорка-то уж остыла!

– Ничего, Марья, я тибя сичас разогрею! – ответил дед и, схватив бабку, потащил на кровать.

– Ой-ё, ой-ё, на ляшак старого дурака! Ты куды это миня потащил?

– Молчи, Маруся! – сдавленным шёпотом попросил не по годам агрессивный дед.

– Ты чё это, ишо целоваться, поди, придумал, старый мухомор? – пытаюсь отбиться от полужарких поцелуев деда Андрея, спросила бабка...

– ...Ну уж ни к чему, так ни к чему!

Генеральное блюдо

 Как-то однажды ответственному секретарю окружной организации Союза писателей России Николаю Ивановичу позвонили из Белого дома и сообщили, что к ним приедет американская делегация, так сказать, по линии культурного обмена.

Конечно, писатели решили, что нельзя перед иноземцами ударить в грязь лицом, и накрыли, по российским меркам, богатый вином и закусками стол. При этом в центре его водрузили «Генеральное блюдо» – поджаренное (неизвестно каким образом попавшее в руки писателей) медвежье сердце.

Вскоре радушные хозяева встретили гостей, познакомились, усадили за стол и, налив по первой, дружно выпили за встречу.

Когда первые стопки с водкой были опорожнены, то Николай Иванович загадочно улыбнулся и, показав рукой на «деликатес», предложил:

– Прощу отведать вот этой закуски и угадать из какого мяса она поджарена?

Американцы дружно потянулись к указанному закусону и, с аппетитом жуя, стали наперебой угадывать – что же им предложили хозяева?

– Это, по моём, будьет, – дал первый ответ руководитель делегации Стив, – му-у! – и, приставив пальцы ко лбу, захохотал.

– Нет!

– Можьет – хрю, хрю? – попытался угадать кто-то из гостей.

– Нет!

– О! Я знайт, – выкрикнул член делегации индеец Джо, – это есть, как это, – северный олень, о'кей!?

– Нет, – мотнул головой ответственный секретарь и торжественным голосом изрёк, – это медвежье сердце!

После этих слов у индейца вдруг округлились глаза, он заикал и, прикрывая ладонями испуганно-страдальческое лицо, кинулся в туалет. Когда он вышел оттуда минут через пять-шесть, то с натянутой улыбкой и всё ещё страдальческим выражением лица обратился к Николаю Ивановичу:

– О, Майкл, наши духи не расурешают нам кушайт мьясо ведведь.

– Ну, ничего, – всё образуется, – ответил хозяин и предложил, – давайте выпьем за дружбу!

За неё, конечно, все выпили, потом за солидарность, за сотрудничество, за Россию, а когда выпили за Америку, то индеец Джо, уже забыв про своих духов, снова стал, как ни в чём не бывало, закусывать медвежатиной.

А когда крепко подвыпившая американская делегация покидала писательские пенаты, то индеец пожал руку Николаю Ивановичу и, закатывая с восторженным испугом глаза, сказал заплетающимся языком:

– О, о! Майкл, ведведь – это о-о-о..!

Вчерашний суп

Плотно пообедав вчерашним супом, сорокалетний мужичок – Назар, вышел на крыльцо своего дома и закурил. Неторопливо попыхивая «беломоринной», он деловым взглядом осмотрел дворовое содержание и, когда его взгляд остановился на самодвижущейся колеснице-мотоцикле, то он вспомнил, что нужно съездить по кой-каким делам в райцентр.

Докурив папиросу, Назар точным щелчком отправил её в стоящее неподалёку ведро и решительным шагом ушёл в дом. Вскоре он вернулся оттуда экипированным согласно правилам дорожного движения – в шлеме и крагах.

Заученными движениями проверил состояние «драндулета», завёл его и, обседлав верного товарища, покатыл в нужном направлении.

Ласковое августовское солнце с доброй всепонимающей улыбкой сопровождало мчащийся экипаж и вслед успокаивало поднятую им пыль.

И только Назар, напевая: «По долинам и озгорьям...», въехал в кукурузное поле, как в животе у «водилы» начались рези. Он, поняв, что это сработал вчерашний суп, тут же остановил мотоцикл, скинул краги и рванул в кукурузу, которая в своём зеленом великолепии достигала недюжинной высоты.

В это время ехавшие ему навстречу в «Жигулях» гаишники сообразили, что водитель, видимо, пьян и поэтому, испугавшись, обратился в бегство. Недолго думая, дорожные стражи остановили машину и кинулись вслед за сбежавшим водителем. Назар, увидев, что прямо на него кто-то бежит, чесанул в сторону – преследователи за ним...

Бегали они так друг за другом минут пятнадцать, пока, в конце концов, красный мотоциклетный шлем не выдал беглеца.

– Ну что, попался, голубчик? От нас не убежишь, – назидательно сказал гаишник, защелкивая наручники, – пил, конечно?!

– Да, пил, – тяжело дыша, согласился Назар.

– Сейчас поедem в райцентр, проверим твоё состояние и задокументируем, – сказал один из гаишников. Посадил беглеца в машину, сел за руль и, развернувшись, поехал в райцентр.

Второй служака надел брошенные Назаром краги, завёл мотоцикл и тоже поехал следом.

Каково же было удивление инспекторов, когда они увидели, что измерительные приборы не показали ни капли спиртного.

– А какого хрена ты сказал, что пил? – угрожающе спросил милицейский лейтенант.

– Так я же чай пил после обеда! – удивленно ответил Назар.

– Ну, ладно, а какого же ты рожна побежал от нас?

– Да я не от вас побежал, а у меня живот скрутило, вот я и решил в кукурузе облегчиться!

– Ладно, будем считать, что вопрос исчерпан! – подавая ключ зажигания, сказал с еле сдерживаемым смехом лейтенант.

– Ничего, – миролюбиво согласился Назар, – Бог простит! Да и на легковой машине, как Президента, прокатили!

Не американский метод

 Не знаю, на каком именно из многочисленных номеров буровых установок и в какой нефтеразведывательной экспедиции нашего округа произошёл этот невероятный случай, но, по рассказам, похоже на правду, хотя смахивает и на анекдот.

Была середина ноября, и на улице стояла слегка морозная солнечная погода. Снегу ещё не было, но озера и речки уже покрылись уверенным прозрачным ледком.

Выспавшийся после ночной смены помбур Игорь встал, умылся, посмотрел на часы и, определив, что до обеда ещё далеко, вышел на улицу. Он осмотрелся, закурил и, послушав надсадный рёв дизелей, пошёл прогуляться до находящейся в полукилометре от буровой речки. Вскоре Игорь пришёл на место и от нечего делать решил проверить лёд на прочность. Каково же было его удивление, когда, пройдя несколько метров по зеркальной глади речки, он увидел спокойно плавающих солидных размеров щук.

Игорь понаблюдал пару минут азартным взглядом за рыбинами и, осознав, что – рыбка плавает по дну, хрен поймаешь хоть одну, вздохнул и быстро пошёл на буровую рассказать свободно шатающимся коллегам об увиденном.

Первым на пути помбура встретился дизелист и заядлый рыбак с непонятно как прилипшим к нему прозвищем, – Петя-Чешуя. Услышав про рыбу, он быстро сколотил бригаду из шести-семи свободных от вахты работяг. Вооружил всех кувалдами, сам же взял бензопилу, и отряд ускоренным маршем выдвинулся к речке.

На месте бригадир, оценив обстановку, расставил рыбаков по местам и, неожиданно скинув штаны, сел голым задом на лёд. Посидев несколько минут, руководитель встал и, надёрнув штаны, дал команду:

– Всем снять штаны, сесть на лёд и ждать, пока я буду вырезать прорубь!

Мужики – кто со смехом, кто вполне серьёзно поскидали штаны и расселись, как квочки, каждый на отведенном ему месте. Чешуя – отбежал чуть ниже по течению, завёл бензопилу и стал быстро вырезать прорубь. Когда он заглушил бензопилу и выкинул лёд из проруби, то дал команду:

– Всем встать! Застегнуть штаны! Взять в руки по кувалде и на счёт три стукнуть по льду!

И работяги так дружно бабахнули по сверкающему льду увесистыми кувалдами, что даже дробное недалёкое эхо отозвалось в ближайшем берёзовом колке. Вскоре зорко наблюдавший за прорубью дизелист Петя-Чешуя сумел выкинуть несколько ошарашенных ударом рыбин и закурил, весьма довольный проделанной работой.

Когда промысловый азарт у рыбаков немного поутих, то один из них крайне недоумённо спросил:

– Ну, ладно, Петруха! Я всё понимаю: бензопилу, кувалду и прочее, но вот зачем, скажи, мы на льду с голыми задками сидели?

– А ничего странного в этом нет, – назидательно ответил помбур, – как, по-вашему, рыба стала бы ждать, пока я с шумом пилил прорубь? Нет, конечно! Нужно было вызвать у неё удивление. Смотрите, рыбы до сих пор недоумённо озираются и очумело трясут головами, – как это так крепко голые мужские задницы сумели их оглушить?!

Святой нос

 Температура в парилке городской бани была накалена почти до предела. Мужики парились: кто внизу, а кто покрепче духом – повыше. Слышалось только шлёпанье веников да довольное побряхтывание любителей экстремального удовольствия.

Но вот в парное отделение зашёл славянин с выдающимся сине-красным носом. Когда он подбросил ещё «коксу», то мужики с верхней полки быстро ретировались вниз и стали наблюдать за выдающейся личностью. А наш герой, со словами:

– А мне такая температура по хрену – я все Африки прошёл! – полез на самый верх. Там он возлёт на спину и стал наслаждаться охватившим его брэнное тело жаром.

Неожиданно кто-то из мужиков снизу, показав пальцем на «африканца», воскликнул:

– Мужики, смотрите – свеча зелёная!

И действительно, шнобель нашего героя светился, как ореол святости, ярким сине-зелёным цветом. Мужик, услышав про свечу, тут же схватил себя за нос и пробасил удивлённо:

– Недаром мне мерещится какоё-то свет перед глазами. И от чего получилась такая конфузия – ума не приложу? Ведь я вчера, кроме пива, ничего не пил! Да-а, Африка не Азия – вышла безобразия!

И он, под оглушительный хохот нижнего люда, соскочил с полка и ринулся охлаждать свой пылающий нос. Когда любитель спиртного и высоких температур сунул своё светящееся сокровище в тазик с холодной водой, то нос ещё некоторое время пылал в воде, однако постепенно охлаждаясь, шнобель «африканца» принял своё рабочее сине-красное состояние.

Медвежий прострел

 В начале октября мастер леса Дмитрий Васильевич с подручным рабочим Иваном Архиповичем отправились на изыскание пригодного для заготовки леса. По приезду на место они споро выгрузили из тягача палатку, а так же всё необходимое для недельного про-

живания в лесу имущество. Водитель, пообещав вернуться к намеченному сроку, развернул машину и уехал.

Изыскатели покурили и, как только вдали затих лязг гусениц тягача, пошли искать подходящее место для стойбища. Вскоре они, облюбовав уютную полянку неподалеку от дороги, перетащили туда свой скарб и установили палатку. Пока разожгли костёр, сварили обед, то да сё, осенний день подошёл к концу. Быстро стало темнеть. Мужики посидели ещё час-другой возле догорающего костра и стали устраиваться на ночлег.

Когда они угнездились в спальниках, то Иван Архипович деловито заметил:

– Слушай, Демиетрей, надо было на всякий случай топоры-то с собой в палатку взять.

– Да брось ты бздеть, кого тут бояться-то!

– Ладно, смотри, молодец, как бы нам не пришёл капец!

Прошло ещё около часа, и лесовики было уже задремали, как неподалёку послышались осторожные шаги. Затем кто-то подошёл к ведру, закусил остатками обеда и, вернувшись к палатке, царапнул её лапой.

– Медведь! – тихо шепнул мастер.

– Похоже!

– А у нас даже отмахнуться-то нечем!

– Говорил тебе – не слушал! Топоры-то бы сейчас не помешали!

– У тебя вроде ножик был? – со слабой надеждой спросил Дмитрий Васильевич.

– Какой там ножик! Перочинник – он им только в зубах поковыряет, когда нас сожрёт!

После этих слов в животе у мастера начались рези.

– Слушай, Архипыч, что-то у меня живот скрутило? И чё я такое съел?

– Причём тут жратва – это тебя со страху медвежий прострел хватил!

Дмитрий Васильевич, тихо постанывая, полежал ещё некоторое время, но, когда у него снова начались невыносимые рези в животе, он взвыл и со словами:

– А-а-а, ...уж пусть лучше зверю в когти попаду, чем в палатке оконфузюсь! – выскочил вон.

...Сначала кто-то взвизгнул снаружи, а спустя секунду-другую раздался какой-то громкий непонятный звук – то ли медведь рявкнул, то ли мастер таким образом облегчился.

Минут через пять Дмитрий Васильевич вернулся в палатку и, положив рядом топор, обратился к Архипычу:

– Помнишь, когда мы выехали из посёлка, то собака моя, будь она неладна, за нами увязалась, а потом отстала? Ну, так вот, чёрт принёс, прости, Господи!

Пари

 Серёга сидел на лавочке возле своего дома и, щурясь от яркого, вышедшего из-за туч солнца, вяло перебирал в памяти сделанные и намеченные на сегодня дела. Спокойный ход его мыслей нарушали только грозно вьющиеся пауты да лающая без умолку соседская собака. В воздухе, после прошедшей утром грозы, остро пахло озоном, и лёгкий туман в дальних распадках подступающей к посёлку тайги как бы подчёркивал относительно умиротворённую тишину.

Неожиданно мимо Серёги пронеслась на приличной скорости «Девятка» жившего неподалёку Олега, а спустя некоторое время следом проехал на своём джипе его начальник – Эдик.

– Он на работу его загоняет, что ли? – заинтересовался Серёга.

Минут через десять первая машина пронеслась обратно и тормознула возле магазина. Водитель быстро забежал в торговую точку и, уже с пакетом, так же торопливо вышел оттуда, сел и уехал. Джип Эдика тоже не заставил себя долго ждать – промчался следом.

Прошло, наверное, с полчаса, и только Серёга собрался уходить, как мимо него снова прокатила «Девятка», а следом опять джип.

– Видимо, его Эдик догнать не может? – подумал Серёга, но всё-таки решил подождать, чем закончится ралли. Минут через пятнадцать, так и не дождавшись возвращения участников заезда, он пошёл было домой, но увидел возвращающийся джип. Он неспешно тянул за собой на буксире «Девятку», и, когда они поравнялись с магазином, сцепка остановилась. Из буксируемой машины опять выскочил Олег, сбегал в продмаг и снова вернулся с пакетом...

На следующий день Серёга, встретив Эдика, спросил:

– Ты чё это за Олегом вчера гонялся? На работу, поди, припахать хотел?

– Да нет, поспорили мы с ним, понимаешь, на пару «мерзавчиков», что ему не проехать через лужу, ну которая возле склада. А он, не учтя то обстоятельство, что утром прошёл нехилый дождь и лужа многократно разлилась, гордо заявил, что его «ласточке» данное препятствие – семечки.

Когда мы подъехали к причине спора, то Олег, увидев «окиян», молча развернулся и поехал обратно, тормознув у магазина. Однако, когда у него от выпитого воспылала душа и стало обидно за проигранное пари, он снова решил поспорить со мной, дескать, сейчас-то он, по-любому, форсирует препятствие...

Проехал он по луже метров пять, и машина, забуксовав, заглохла. Завести двигатель он уже не смог и попросил меня вытащить его «драндулет» из грязи. С превеликим нашим удовольствием, – отвечаю, – но только это будет стоить уже четыре «мерзавчика»!

– Ладно, быть по сему! – согласился Олег и побрёл в туфлях по луже цеплять трос.

Поросячья эпопея

 Тройка бравых ребят из нашего посёлка поехала в качестве группы поддержки помочь закупить полковнику поросят для его личного подворья. Полковник он был, конечно, не настоящий, а просто имел татуировку с обозначением этого ранга – отсюда и звание.

До поселения, где предполагался закуп животных, десант добрался без особых приключений. Они начались с того, что, во-первых: хозяина, у кого были поросята, не оказалось дома, и ждать его нужно дня три-четыре, а второе – где-то это время нужно было переждать.

– А поедем-ка в гости к моему брату. Он живёт тут, неподалёку, – предложил один из сотоварищей – Александр, – однако сразу предупреждаю – необходимо соблюдать величайшую бдительность! Пока он трезвый, можно жить спокойно, но как только выпьет и лысина у него засияет, как солнышко на Пасху, а взгляд сделается тяжёлым, исподлобья – всё! Ну уж тогда шапку в охапку и беги, не-то так отдубасит – мало не покажется!

Встретил хозяин незваных гостей довольно спокойно. Переночевали там наши странники пару ночей, а на третий день, к вечеру, Александр снова предупредил всю группу поддержки, дескать, будьте начеку, сегодня пятница, и братец может выпить.

И, действительно, Иван пришёл с работы в явном подпитии, и все описанные Александром признаки совпадали один в один. Гости, оценив сложившуюся ситуацию, сгруппировались поближе к выходу и настороженно притихли. Хозяин же, слегка покачиваясь, прошёл в комнату, сел да как трахнет кулаком по столу:

– Та-а-ак, и долго мою картошку жрать будем!!!?

Члены отряда особого назначения ломанулись, толкая друг друга, на улицу. Там они ускоренным образом, благо, дверцы были открыты заранее и ключ торчал в замке зажигания, позаскакивали в машину, завели и поехали. А выскочивший следом Иван погнался с криком за ними, держа высоко поднятый над головой кол:

– Я из вас выбью всю халявную картошку!!!

– Футы-нуты, кажется, пронесло – сказал, вытирая обильный пот, водитель Серёга, когда увидел, что преследователь с колом отстал.

Наконец, поросята и вся сопутствующая провизия во главе с пивом и водкой была закуплена, и наш десант двинулся в обратный путь.

Часа через три, изрядно приняв на грудь, захмелевшие пассажиры запели. Когда они исполнили песню о холодном айсберге в океане, то решивший закурить Александр потянулся за сиденье в поисках сигарет.

– Слушай, – вдруг закричал он, – да они ведь уже холодные!

– Кто? – насторожился полковник.

– Поросята!

– Хальт немедленно! – последовал приказ.

Серёга остановил машину, и все вышли. Затем открыли багажник и трянули мешок с поросятами.

Потревоженные проголодавшиеся поросята отчаянно завизжали.

– Слушай, Сашка, а как ты сумел дотянуться рукой из салона до багажника?

И, вообще-то, что ты там, интересно, нащупал! – спросил полковник.

Александр сел в машину и снова стал шарить руками за сиденьем. Наконец, лицо его расплылось в улыбке, и он вытащил на свет божий палку докторской колбасы.

– Вот что, а мне показалось, что поросятки-то уж и ласты склеили!

...Вскоре все снова расселись по своим местам, и машина, сопровождаемая пением и поросячьим визгом, продолжила свой путь.

«Дура» помогла

 Костя – водитель верного железного коня – «Урала», возвращался из дальней поездки на базу. Дело было уже ближе к вечеру, и рабочий день подходил к концу. Он посмотрел на часы и, определив, что домой ещё рано, подумал:

– А заеду-ко я к своей сударушке в Бобровку. Давненько её не навещал – соскучилась, поди! – и решительно свернул на заветную улицу.

Был уже одиннадцатый час вечера, когда крепко подпитый и вполне удовлетворённый столь редкими всплесками радости в этой жизни Костя продолжил свой путь.

– Время уже позднее и, конечно, весь народ, в том числе и гаишники, наверняка, уже спят, – стал сам себя успокаивать водитель, подъезжая к Горноправдинску, – однако, от греха подальше, поеду всё-таки окраинными улочками.

...И проехал было лихой водило почти весь посёлок, и вздохнул было уже спокойно:

– Ну, слава Богу – пронесло!

И только эта спасительная мысль пронеслась у него в голове, как из-за угла вывернулся, словно чёрт из табакерки, гаишник – Сергей Сергеич, и требовательно поднял руку.

– Тьфу ты, сатанинское отродье! – нажимая тормоза, выругался Костя. – И откуда только он тут взялся!?

Сергеич неторопливо взобрался в кабину, поздоровался и, показав водителю на пассажирское сиденье, изрёк:

– Пересаживайся. Ну что, будем делать проверку на вшивость, или так согласен на медаль «За пьянство»!?

– Что ты, Сергеич! Какая уж тут проверка! Попал, так попал, чё бодягу-то разводить! – покладисто согласился Костя.

Грозный автоинспектор сам довёл «Урал» до места, загнал в гараж и потом, вызвав по рации дежурную машину, отвёз штрафника до самого дома.

– Спасибо за доставку! До свидания!

– До свидания. – Ответил гибдешник и добавил: – Завтра, не забудь, к десяти часам ко мне с правами.

Наутро, в самом препоганом расположении духа, Костя, прихватив водительское удостоверение, отправился на голгофу.

Он подошёл к хорошо знакомой двери и только взялся за ручку, чтобы войти, как его похмельные мозги вдруг пронзило спасительной мыслью:

– А на всякий случай попробую-ко я «включить дуру» – авось, поможет!

Костя вошёл, снял шапку и подобострастно-елейным голосом спросил:

– Здравствуйте! А чё вызывал-то, Сергеич?

– Права, права мне на стол! – не отрываясь от бумаг, ответил инспектор.

– Ну что же ты, Сергей Сергеич, сразу-то не сказал, что удостоверение надо было взять с собой? Я бы прихватил!

– Что!? – взвился дорожный страж. – Пошёл вон отсюда, опойка, к чёртовой матери!

Обрадованный водитель, не надевая шапки, вылетел пулей из кабинета, а вслед ему неслось:

– Попади ещё раз мне на глаза в таком виде – не только прав лишу, но и всю душу твою алкогольную вытрясу!!!

Серьёзнейшее предупреждение

 Дмитрий Никифорович – пятидесятилетний рано ослепший из-за своей огневой работы кузнец, решив, что он ещё полон сил и вполне может хотя бы рыбой кормить семью, поставил со старшим сыном ловушки на озере. Сыну было недосуг заниматься рыбалкой, так как он трудился в колхозе, и поэтому кузнец предложил быть его зрячим помощником в этом деле жившей по соседству бабке Марье.

Это была отмеченная печатью весьма и весьма почтительного возраста бабка со странным прозвищем – Волк. Услышав предложение Никифоровича вместе заняться проверкой ловушек, она с радостью согласилась на сотрудничество – ещё бы – какой дурак не хочет свежей рыбки! На следующий день после разговора они надели кузова, каждый свой, бабка нашла подходящую палку, дала один конец кузнецу, за другой взялась сама, и процессия двинулась в путь.

На озере, когда они проверили ловушки, то улов оказался довольно-таки солидным – попало ведра два карасей. Рыбаки вышли на берег, и бабка Марья предложила хриплым, насквозь прокуренным голосом Никифоровичу:

– Давай-ко я разделю карасиков, у миня это быстря получится.

– Ладно, дели, – согласился кузнец.

– Вот и всё, – закончив работу, отрапортовала бабка, – и по-вирь, Митя, что в том кузове караси, что в другом!

Дмитрий Никифорович наклонился, запустил руку сначала в свой кузов, потом в бабкин и, глядя куда-то мимо зрячей напарницы, злобно ответил:

– Врёшь, хлоп твою в Волка мать! Я вот сичас поймаю тибя и, чтоб не жульничала, лищу твоё молодое тело дряблой невинности!

– Ты сначала поймай, а потом уж и грозися! – отпарировала, отступив от сексактивного напарника, бабка.

– Но если уж поймашь да ишо, не дай Бог, сотворишь со мной что-нибудь непотребное, дак я тибя туто-ка и брошу!

Кузнец молча поменял несколько рыбин и примирительно, но назидательным тоном стал внушать бабке:

– Ладно, Марея, в этот раз прощаю! Но смотри, комуха тибе бей, если ишо раз эдаким манером поделишь улов, то не посмотрю ни на что и распечатаю твой конверт!

– Ха, ха! Да его уж лет пятьдесят назад тому назад как распечатали! – ответила отошедшая от испуга бабка.

– Нечё-нечё! Поди, недаром ведь люди-то говорят, что древняя старуха почти что молодуха! – положил конец диалогу Дмитрий Никифорович. И вскоре нагруженная рыбой спарка неспеша двинулась в домашнюю сторону.

В семидесятых-восемидесятых годах прошлого столетия, в связи с быстронаступающим техническим прогрессом, в народном обиходе всё чаще стали появляться новые непонятные слова, выражения, термины, в том числе и медицинские. А это, в свою очередь, иногда приводило ситуацию к таким казустическим поворотам – нарочно не придумаешь.

Подуставший к концу рабочего дня врач-гинеколог – Валентин Фёдорович, принимал последнюю, записавшуюся на этот день пациентку. Он, почти не глядя на будущую молодую мамашу, задавал ей вопросы и заносил ответы в стандартную бумагу. Женщина, по всей видимости, первородок, негромко обстоятельно отвечала и, положив руки на объёмный живот, неотрывно смотрела на руку доктора, записывающую её исчерпывающие ответы.

– Какой у вашего мужа резус? – задал очередной вопрос врач.

Потенциальная мамаша, вспыхнув стыдливым румянцем на щеках, недоумённо уставилась на доктора. Затем хихикнула, опустила голову и, потупив глаза, отмерила двумя руками на юбке десять-двенадцать сантиметров.

– Резус, резус какой у вашего мужа? – нетерпеливо повторил врач. Роженица взглянула на доктора и, покраснев до корней волос, снова хихикнула, а потом заново отмерила кусок на юбке, но уже побольше.

Валентин Фёдорович нетерпеливо поднял взгляд от бумаг, недоумённо посмотрел на пациентку, на её руки, всё ещё отмечающие резус, умудрено-устало улыбнулся и повторил вопрос:

– Да я не спрашиваю – какой у вашего инструмент, – а какой у него состав крови?

 Обычай не устоял

В одном дружном коллективе, большинство которого составляли работницы славянской национальности, трудились во благо Родины две женщины мусульманской веры. Условия работы предусматривали двухсменный режим, и персонал заведения менялся сменами – день в первую, следующий – во вторую.

Утренняя смена обедала в местной столовой, а вечерняя питалась – кто как мог. Большинство приносили обед с собой, а несколько женщин организовали общий стол. Конечно, никому не хотелось ударить в грязь лицом друг перед другом, и поэтому меню питавшихся вместе женщин отличалось изобилием и разнообразием блюд.

Частенько среди прочей снеди на столе красовалось жаркое из свинины, которое, обильно приправляя горчицей, с аппетитом вкушали местестолующиеся. Долгое время наши мусульманки, тоже питавшиеся в складчину, отвергали свиные блюда.

Но однажды как-то получилось так, что еды оказалось маловато. Зато посредине стола красовалось, источая запах, вызывающий нешуточный аппетит, свиное жаркое. И тут блюстительницы мусульманских обычаев не выдержали – голод взял верх...

Одна из них сложила вместе ладони и, устремив взгляд в потолок, воскликнула с пафосом:

– О, Аллах! Прости, если можешь?! Русские меня в плен взяли! Кормят, чем попало! Пугу есть, что тают, а то с колоту стохну! – воткнула вилку в кусок свинины и, обмакнув её в горчицу, отправила в рот.

Вторая женщина – сначала удивлённо посмотрела на подругу, а потом поняла, что жаркого может и не хватить, быстро пробормотав:

– И меня прости, Аллах! Я тоже в плену! – потянулась к свинине.

Издержки памяти

 Недавно, нынешним летом, я встретил на речном вокзале соратника моего юного, да и части зрелого периода жизни тоже – Михаила Ивановича. Не виделись мы с ним лет десять. За это время он успел отрастить солидный животик, да и морда лица его улыбалась и лоснилась, как полная луна в рождественскую ночь.

Поздоровавшись, поговорили на общие, ничего не значащие темы, и тут Миша, как бы спохватившись, стал жаловаться:

– Слышь, Коля, живу я, в общем-то, вполне нормандельно, только вот одна беда – память отшибло напрочь. Знаешь, у

меня неподалёку от дома стоит небольшая сарайка, и хранится там всякий шурум-бурум. Сам понимаешь – коли живёшь, так что-нибудь, да и колотопишь помаленьку. Ну, так вот, иногда намечу, что мне необходимо принести оттуль и отправляюсь на выполнение задачи. И не дай Бог встретить мне в это время соседа или, ещё хуже того, заговорить с ним – всё – пиши, пропало!

Он, зараза, столько мне всего наговорит, что когда я, по окончании переговоров, захожу в сарайку, то сначала несколько минут смотрю кругом бессмысленным взглядом и вспоминаю – зачем же я пришёл? Но, когда понимаю, что все мои потуги вспомнить цель визита тщетны, покрыв матом соседа, за одно и свою дырявую память, отправляюсь за консультацией к жене. Дома мы с ней обсуждаем сложившуюся ситуацию и, переворотив все предшествующие моему походу дела, обычно вспоминаем, за какой хреновиной я ходил.

Не откладывая дела в долгий ящик, я снова направляю стопы своих натруженных ног в сарай. А сосед, вот ведь ехидна, видать, раскусил издержки моей феноменальной памяти, опять уж тут как тут!

– Слышь, Мишель, я тебе давеча-то забыл сказать, жекоховцы за свои услуги опять цены поднимают!

– Как поднимают? – возмущаюсь я.

И начинаю крыть в хвост и в гриву и ЖКХ, и власти всех рангов, и разоряюсь до тех пор, пока весь пар не выпущу. Естественно, после этого монолога я опять забываю, куда же меня, прости Господи, чёрт понёс. Однако, наученный горьким опытом, я сразу возвращаюсь домой, и жена напоминает мне про задание.

Когда же предпринимаю третью попытку принести требуемое, то уж не обращаю никакого внимания на активные попытки соседа вступить со мной в диалог. И только взяв нужную штуку, подхожу к нему с вопросом, о чём это он мне хотел поведать. А он, сволочь, говорит, что пока я ходил туды-сюды, самая наиважнейшая мысль у него из головы-то и ускользнула.

В это время по громкой связи объявили, что начинается посадка на «Метеор». Миша вздрогнул, схватил сумки и, на ходу крикнув мне:

– Тьфу ты, я ведь и забыл совсем, мне же домой ехать надо! – быстро пошёл на дебаркадер.

Главные выборы

Жила в нашем посёлке довольно пожилая пара – Никита и Лукреция Полуяновы. Хотя и наматывали они на колесо времени не один десяток лет совместной жизни, надоесть друг другу так и не смогли и жили, в общем-то, дружно. Одним словом – семья как семья, если бы не одно «но»...

Два раза в каждые четыре года, как только подходило время выборов Госдумы и Президента, их отношения вступали в непримиримый политический конфликт.

Бабка Лукреция традиционно поддерживала «ЛДПееРовскую» партию во главе с «Жиряноським», а Никита ратовал за «куманистов с Зюганом». И каждый раз, чтобы склонить оппонента на свою сторону, Лукреция варила брагу, закрывала её, до времени, на замок, а ключ вешала себе на шею. Таким образом, доступ деда к бражке был исключён начисто.

Голосовать бабка всегда уходила первой и, вернувшись, удовлетворённая исполненным долгом направляла деда:

– Иди давай, да смотри, голосуй за линию моей партии, а не то – будешь вместо бражки водой разговляться, понял, мухомор конопатой?! – и демонстративно помахав заветным ключиком, уходила в кухню.

Когда дед возвращался с избирательного участка, Лукреция выходила навстречу и, воинственно уперев руки в бока, вопрошала:

– Ну и чё? За кого это мой Полупьян голосил!?

– За кого надо, за того и голосил! – не глядя на старушку, прокуреным голосом басил дед.

– Понятна-а! Пойду-ка я чаёк разогревать!

– Можот, всё-таки осчастливишь бражкой-то?

– Куманисты осчастливят! – с металлом в голосе обрывала разговор Лукреция.

– Смотри, Лукреша, дело твоё, но мы ведь ишо и Президента выбирать будем! Можот, я за твоего Жихреновского голос отдам! – кидал вслед уходящей бабке последний увесистый аргумент Никита.

– А не омманёшь?

– Клянусь Зюганом!

– Ладно, поверим последний раз! – смягчала политическую ситуацию бабка и шла отпирать чулан.

Наутро, когда дед, невыносимо страдая с похмела, канючил у Лукреции бражку на предмет поправления пошатнувшегося здоровья, получал всегда один и тот же ответ:

– Ничего не получишь! Надо было за партию Жириновского голосовать, он всё же обещал убрать всех чёрных с базара, а твои куманисты чё обещают, а?

– Как хошь – можешь и не наливать, но тогда уж на главных-то выборах я точно за Жихреновского голосовать не буду!

...После этого убийственного аргумента консенсус наступал сразу, и заветный чуланчик с укрытой там заветной бражкой открывался незамедлительно.

Обуга

 Александр Иванович прожил свои юные года, да ещё и солидный кусок зрелой жизни, на тихой городской улице. Соседи-сверстники Александра, бывало, частенько собирались вечерами и праздничными днями «до кучи» и устраивали (как, наверное, большинство ребят такого возраста) попойки в складчину. И он сам был в этих мероприятиях не последним участником.

Но постепенно Сашка отошёл от этих сборищ, остепенился, поступил в Литературный институт и с успехом закончил его. По прошествии какого-то времени он написал несколько книг и стал известным писателем.

Однако друзья-соседи не забыли совместные попойки, и для них он был по-прежнему – Сашка.

При встрече они обычно здоровались, просили закурить, ну и меж делом одалживали (без отдачи – естественно) десятку-другую на пивко. Особенно часто повадился встречать его живший неподалёку – то ли татарин, то ли иной какой бусурманин – Фазиль. Он выслеживал, когда по пути на работу Александр Иванович подходил к его дому, и как бы ненароком возникал перед ним.

Сиятельно улыбаясь небритым лицом и хитро поглядывая через мусульманского разреза глаза-щёлочки, протягивал руку:

– Страствуй, Сашка! Как тела? Тай закурить!

Фазиль брал из протянутой пачки пару сигарет, одну прикуривал, другую – за ухо, и, как бы спохватившись, восклицал:

– О, слушай! Я вчера мала-мала перепрал, ну и вот – японскую болезнь подхватил – «Цё-то хренова-то» называется. Тай тесятку на лекарство!

В конце концов, Александру Ивановичу надоело его попрошайничество, и он при очередной встрече отшил соседа:

– Слушай, Фаза! А не пошёл бы ты на хутор бабочек ловить!?

Фазиль сначала опешил от такого привета, но, когда понял, куда его отправил писатель, обиженно крикнул вдогонку:

– Эх ты, писатель-претатель! А ишо поет называется!

Кастрация

 Летней порой в деревню Луговая Суббота приехал ветфельдшер Николай Жданов. Он сначала поработал с колхозными телятами, а когда закончил с ними свои ветеринарные дела, то пошёл по дворам – кому бычка подкастрировать, кому боровка и так далее...

Когда подошла очередь подхолостить своего бычка Михаилу Семёновичу Никитенко, он, увидев, что не хватает ещё одного человека на удержание животного во время операции, позвал на помощь проходившего неподалёку Петра со странным прозвищем Майор.

Кстати, оба героя рассказа требуют хотя бы небольшой характеристики, так как это были личности далеко не ординарные.

Никитенко представлял из себя крепкого телосложения пятидесятилетнего мужика с огромными чёрными усами и хриплым густым голосом. Как попал в наши края человек с хохлацкой фамилией (то ли был из сосланных бандеровцев, то ли сам приехал) – я не знаю. Был Михаил Семёнович мужик, в общем-то, смирный, но по пьяному делу куражу нагнать мог, и в деревне его побаивались.

Петр же Ильич, или Пётро-Майор, был такого же возраста, но в любом состоянии – трезвый или пьяный, имел характер покладистый. Сколько я его помню, он всегда ходил с трубкой в зубах, попыхивал дымком самосадного табака, и разговаривал гнусавым, со своеобразным оттенком, голосом. Как он подцепил прозвище Майор – одному Богу известно.

Ну, так вот, завалили они бычка. Жена Никитенко – Татьяна, стоявшая неподалёку с ведром воды, полила из ковшика в место, куда указал ветеринар, и операция началась. Как только Жданов сделал первый надрез, то бычок взревел, и так удачно махнул хвостом, что вышиб неизменную трубку изо рта у Петра Ильича, и она, описав дугу, упала на спину хозяина бычка. Тот нетерпеливо передёрнул плечами, трубка скатилась, но часть зажженного табака попала в штаны Михаилу Семёновичу.

Через секунду-другую адова смесь сделала своё чёрное дело – штаны у Никитенко задымили, и он заорал:

– А-а-а...! Ой-ё-ё...!

– Ты чего орёшь? Не тебя ведь кастрируют! – не переставая заниматься своим делом, спросил ветеринар.

– Да Майор, панимаешь, паджэг меня! Ой-ё-ё...! Милая Танюшка, плесни-ка мне вадицы в штаны, а то я и без кастрации лишусь своего достоинства!

Жена быстро оттянула дымящие штаны благоверного, вылила пару ковшиков, и Михаил Семёнович успокоился.

Вскоре с кастрацией бычка было покончено, и хозяин пригласил операционную бригаду обмыть это дело. Ветеринар выпил вместе со всеми за благополучный исход дела и вскоре, сославшись на занятость, ушёл.

Когда оставшиеся мужики выпили ещё стаканов по пять за каждое удалённое достоинство бычка, то захмелевший Никитенко стал удовлетворённо рассуждать:

– Знаешь, а харашо, что бычка падлажили! Меньше будет, панимаешь, карове надоедать!

Выпили ещё по стакану бражки, и вдруг хозяин спохватился:

– Слушай, Пётр Ильич, а ещё дед Пракоп остался! Гаварят, он нехарошими делами со сваей каровой занимается!

– Врут, поди! – вставил Майор.

После очередного возлияния Никитенко, как бы в продолжение темы, опять обратился к гостю:

– Пётр Ильич, а Пётр Ильич! Пайдём Пракопа убьём, а то он до маей каровы доберётся!

Петро-Майор крякнул, пыхнул трубкой и, видимо, не желая лишаться щедрого застолья, весьма дипломатично прогундосил:

– Так, а чё, Михаил Семёнович, токо дак завтра!

Конкуренция

Василий Дмитриевич, сорокалетний тракторист, имел в нашем посёлке, кроме жены, естественно, женщину. С которой иногда занимался любовными утехами, а также при случае мог всегда разжиться у неё бутылочкой-другой водки или ещё каким-либо горячительным напитком.

Однако с некоторых пор при попытке перехватить в заветном месте бутылёк он почти всегда стал получать неутешительный ответ:

– Да подь ты на хрен! Где раньше-то был? Федя только что унёс!

Понял Василий Дмитриевич, что, похоже, дорогу ему перебежал Фёдор Илларионович. Зажиточный мужик, имеющий крепкое хозяйство, в котором даже чёрно-бурые лисицы выращивались. А сам же Вася лишь изредка занимался охотой. Он только всё время обещал своей любовнице изловить соболя и украсить оным мехом её головку.

И тут как-то вскоре повстречались наши мужики на дороге. Поговорили о том о сём, и Василий Дмитриевич, набравшись решимости, задал прямолинейный вопрос своему супротивнику:

– Слушай, Ларивоныч! Ты пошто так нехорошо делаешь?

– А чё я такого сумнительного сделал? Вроде, пока ишо никому перцу в зад не насыпал!

– Как это не насыпал? – горячо возразил Вася. – А кто Капухе (Капитолине – так звали яблоко раздора), пока я соболя ловил, лису подсунул, а?

– А-а..., вот ты о чём?! – широко разулыбался довольный «Ларивоныч». – Так оно в нашем деле, видишь, как – кто как!

Мужики постояли какое-то время, покурили, и Фёдор, затоптав сигарету, сделал примирительное предложение:

– Ладно, Вася, давай договоримся так, пока бегаешь по тайге за соболем, я в это время с Капкой шурами-мурами займусь. А ежели добудешь звиря, там уж посмотрим, чей мех побасче окажется!

...И довольные соглашением мужики, пожав друг другу руки, мирно разошлись.

Страсти-мордасти

Александр Степанович – пожилой многоопытный писатель, прослышав, что у друга по писательскому цеху вышла книга, направился к нему с поздравлениями. По дороге зашёл в магазин, купил пару бутылок вина, закуску и вскоре, благодушно улыбаясь, постучал в знакомую дверь.

Друзья поздоровались, и Николай, виновник встречи, увидев выставленные Степанычем на стол бутылки, быстро сгношил необходимые для потребления одного продукта принадлежности. Вино есть вино, не водка, и пара бутылок незаметно осиротела на предмет содержания. Николай сбегал ещё за горячительным. И только потом, когда выпили и вновь принесённое, порядком захмелевший Степаныч изрёк слегка заплетающимся языком:

– Ну, давай хвастай!

Когда он увидел поданную ему автором книгу, то у него сначала, от удивления расширились глаза, а потом Степаныч с криком:

– Завалил! Завалил обложку! – стал плевать на изображённую страшноватую рожу. Николай сначала вяло оправдывался, дескать, это по сюжету так надо и т. п., но потом, обречённо махнув рукой, замолчал.

Разорялся и плевался Степаныч минут двадцать. Наконец, видимо, устав, снисходительно разрешил:

– Ладно, давай подписывай! – и вскоре, не попрощавшись, ушёл.

На следующее утро, ни свет ни заря, наш многоопытный писатель вновь заявился к опальному автору. Он буркнул что-то насчёт здоровья, быстро прошёл к столу и, не раздеваясь, налил себе полный стакан вина из принесённой бутылки. Когда взгляд Степаныча немного потеплел от принятой дозы, то он стал излагать вкрадчивым голосом причину столь раннего визита:

– Ну, слушай, дела-а-а! Пришёл я вчера от тебя, как говорится, нагруженный по самую ватерлинию, и лёг спать. Так вот, представь, ночью приснился мне изображённый на обложке страхолюдин. Крутит своим огромным сатанинским носом – принюхивается, сволочь. Понял я – меня ищет! А потом всё-таки отыскал, да как загундосит громогласно:

А-а-а – вот ты где!? Будешь ещё смеяться над моей личной!? – и ко мне!

Я от страха заорал, да, видимо, так громко, что спавший неподалёку пятилетний внук наутро подошёл и заговорчески сказал:

– Деда, ты ночью так громко кричал, что меня разбудил, но я никому не скажу!

Степаныч замолчал, снова набулькал себе полный стакан вина, принял сей божественный нектар и, сокрушённо качая головой, сказал:

– Надо же такому случиться! Кто другой рассказал бы – в жизнь не поверил! Не-е-т, больше так критиковать не буду.

Потом он три раза плюнул через левое плечо, столько же раз перекрестился и снова потянулся к бутылке.

Попытка диалога

 Тюменская писательская организация справляла юбилейную дату своего основания. На торжественном вечере, по традиции, проводились награждения, выступали местные писатели, приглашённые гости, – одним словом, всё шло, как обычно на подобных мероприятиях.

Затем (ну как без этого) участников встречи пригласили на организованное в этом же офисе застолье. И пишущая братия расселась по интересам и знакомству за расставленные в два ряда столы.

Через час-полтора один из писателей весьма солидного возраста – Захар Тарасыч, умудрился поднакушаться раньше остальных. Видимо, возраст всё-таки взял своё. Он подъехал на роликовом офисном стуле к группе оживлённо беседующих коллег и, тяжело ватлая непослушным языком, попытался вклиниться в разговор. Однако его потуги оказались тщетными, ибо его кресло тут же развернула чья-то нетерпеливая рука и катнула к противоположному ряду столов.

По приезде к месту назначения Захар Тарасыч, подёргав кого-то из писателей за рукав, снова пожелал вступить в диалог. Но, видимо, сегодня удача отвернулась от Тарасыча – его опять развернули и отправили к месту старта. И так катали бедолагу несколько раз. Наконец, кресло с пьяным седоком кто-то так

удачно толкнул, что оно подъехало к свободному столику, где красовался наполненный вином фужер. Ну уж тут Захар Тарасич не сплеховал. Он схватил обеими руками придвинувшееся к нему алкогольное счастье и без отрыва принял его во внутрь.

После этого действия наш писатель несколько минут смотрел мутным непонимающим взглядом на веселящуюся братию. Однако вскоре его буйная головушка поникла, по всей видимости, так и не поняв, в каком ряду столов он вёл коллегияльную беседу, да и вёл ли её вообще?

Предконцертная зарисовка

 В полупустом зале КСК студенты музыкального отделения педагогического колледжа готовились дать концерт. Зрители – в основном тоже студенты, оживлённо беседовали меж собой, и поэтому в зале стоял монотонный шум. Музыканты на сцене что-то негромко «пилили», каждый своё, и настраивали инструменты. Вскоре подошло время начала концерта, и по знаку руководителя участники ансамбля пошли за кулисы.

Тут кто-то из ребят крикнул им вслед: «Браво!»

В это время шедшая к зашторенному выходу на сцену девушка оглянулась на крикнувшего зрителя. Когда же она снова посмотрела вперёд, то увидела прямо перед своим носом торчавшую из-за шторы руку с фигурой из трёх пальцев, изображающих выразительный кукиш. Девушка улыбнулась и смачно плюнула на неожиданное препятствие – рука мгновенно исчезла. По залу прокатился лёгкий смешок, который перерос в дружные аплодисменты.

Доар

 Евстигней Евстафьевич – ещё крепкий для своего восьмидесятилетнего возраста старик, держал, на удивление односельчан, корову. А удивляться было чему – человеку шёл девятый десяток, а он сам косил и убирал сено, только метать копны и вывозить стога помогал работавший начальником участка сын.

Жена у деда умерла лет десять тому назад, и поэтому все работы по уходу за коровой ему приходилось делать самому, в том числе и доить. Мало того, что Евстигнею хватало сил на содержание коровы, у него ещё их оставалось для женщин, и, по слухам, они были весьма довольны его мужскими способностями.

А тут, как-то летом, приехала к нему из соседней деревни бабка, так сказать, попробовать пожить. Поехали они на покос. День выдался солнечный и ветреный, гнус не досажал, и поэтому они, раздевшись, для облегчения работы, до нижнего белья, стали неспешно косить. Бабка шла впереди и, покачивая перед дедом объёмным задом, равномерно помахивала косой.

Однако не прошло и часа, как Евстафеич бросил косу и со словами:

– Раздразнила ты меня! – потянул бабку в кусты. И так за день он совершил агрессию раза три. Дома, проснувшись по утру, дед увидел, что бабки нет, а на столе лежит записка:

«У меня и в молодости по эстольку раз не было, такого напору мне, конечно, не выдержать. Уезжаю домой, а не то заиздишь».

А ещё Евстафеич мастерски забодяживал ядрёную бражку. И сын частенько захаживал с каким-нибудь другом, так сказать, на дегустацию. Однажды вечером он пришёл с механиком лесоучастка, и гостеприимный хозяин, быстро сгношив на стол закуску, водрузил пятилитровую банку браги. Они посидели часа два, и тут порядком захмелевший дед вспомнил:

– Слушай, Натолей! А я ведь корову-то ноне ишо не доил!

– А как ты, папа, будешь её в таком состоянии доить?

– Ничего, вы меня уведите! Мне, сынок, лишь бы до титек добраться! – Мужики без лишних слов тут же взяли деда под белые руки и повели в стайку. Там они, несмотря на то, что их всех порядком штормило, с трудом усадили дояра на чурочку под корову. Он с грехом пополам чем-то смазал коровьи дойки и, приговаривая:

– Бздынь, бздынь – молоко, коровушка, вынь! – приступил к работе. Наконец, покончив с этим многотрудным делом, Евстигней дал команду сыну:

– Натолей, унеси молоко, а потом вертайся за мной!

Пока «Натолей» относил молоко, дед, покачиваясь на чурбане, затянул песню:

«Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» – механик, держась за ясли, невпопад подтянул ему. Корова сначала прислушалась

к певцам, а потом, видимо, решив принять участие в концерте, замычала. Однако вскоре вернулся сын, концерт был окончен, и троица снова взяла курс на продолжение банкета.

Лесины-то видней

Как-то два заядлых охотника решили в выходной день усладить свои души охотой на боровую дичь. Время было осеннее, ягоды уже созрели. И в эту пору вечные хозяева тайги – медведи (там, где они были), перед тем, как устроиться на зимовку по своим отелям, питались ягодами – жир нагуливали.

Наши охотники, конечно, не исключали возможности встречи с косолапым, поэтому разговор, нет-нет, да и касался этой темы.

– Слушай, Вася, а что это ты всё время позади меня идёшь? – спросил шедший передом Дмитрий.

– А я это тебя на упадь пускаю! – смеясь, ответил шедший в арьергарде охотник. – Ты вон, какой упитанный, мяконький да гладкий. Я думаю, меню на первое блюдо из твоего Величества медведя вполне устроит, и до второго очередь не дойдёт!

– Не ожидал я, что ты такой бздиловатый! А вот я так страху не ведаю, даже если нос к носу с косолапым столкнусь! У меня реакция, знаешь, какая! – в доли секунды уложу зверя наповал. Ты потом только ободрать его помоги! – и, поправив висевшее на плече ружьё, он решительно свернул в сторону от маршрута.

Василий некоторое время шёл неподалёку от не ведавшего страху охотника, но когда они зашли в густой ельник, то он решил устроить ему проверку на храбрость. Пригибаясь и стараясь не шуметь, Вася быстрыми перебежками догнал задумчиво вышагивающего охотника и, рывкнув, царапнул его за куртку.

Дмитрий в мгновенье ока подскочил к ближайшей ёлке, судорожно работая ногами и руками, взобрался, вместе с двустволкой, метров на пять-шесть и затаился.

Вася подождал немного, а потом как ни в чём не бывало крикнул:

– Эй, Митюха, ты где?

– Ну, чего тебе? – нехотя, отозвался верхолаз.

– А что ты на лесине с ружьём делаешь? – притворно удивился Василий.

– Да тут, по-моему, где-то зверь неподалёку затаился, а с земли-то разве его увидишь? Вот я и хотел, так сказать, с лабаза высмотреть и прошить его лобешник жаканом! А тут тебя чёрт поднёс со своим вопросом. Наверняка, он теперь уже за километр убежал – шкуру-то жалко! Вечно ты всё испортишь! – ворчливо закончил монолог невиданной храбрости охотник и с великой осторожностью стал спускаться вниз.

Эпизод

Николай Гаврилович – невысокий округлых телесных форм мужичок среднего возраста, всегда, сколько я его помню, отличался неразговорчивостью. Или, точнее сказать, разговаривал только при необходимости. Однако когда молчун находился в средней стадии подпития, то выдавал такие эпизоды из своего жизненного архива, что даже сомнение брало насчёт правдивости сюжета.

Однажды мне довелось погулять с Николаем Гавриловичем в одной компании. Когда все уже достаточно захмелели, он встал и, попросив внимания, начал своё повествование:

– Тихо, робяты! Я сейчас расскажу вам, какой эпизод произошёл со мной лет пять тому назад. Вы знаете, я люблю иногда пробежаться с ружьишком по тайге. Ну, так вот, во время одного из походов я выследил лосиную тропу и понял, что они ей частенько по ней хаживали. А так как дело было осенью, то я решил, что лосятинка в зиму не помешает, и поставил петлю.

Место это было неподалёку от посёлка, и я проверял ловушку каждый день. Но однажды задержался с проверкой, уж не помню из-за чего, дён на пять. И всё же на шестой, отбросив все дела, я прихватил ружьишко и отправился попроведать оправленную петлю. Когда же подошёл к нужному месту, то увидел, буквально в десяти шагах от себя, тушу лося и громадного, аппетитно закусывающего лосятиной медведя.

Тут у рассказчика округлились глаза, пухленькие щёчки полыхнули румянцем, на лбу выступил и заблестел обильный пот, и он замер, широко разинув рот. Николай Гаврилович так естественно изобразил испуг, что слушатели покатались со смеху. Но он повелительным жестом быстро восстановил тишину и продолжил:

– Я так и оторопел с открытым ртом. А что касася ружьёца, так у меня в этот момент всю память напрочь отшибло. Зверь же грозно рявкнул и мгновенно исчез в кустах. А я в великом оцепенении постоял ещё некоторое время, а потом сорвался с места и бросился бежать. И развил, скажу вам, такую скорость, что даже летевшая надо мной ворона сначала удивлённо по-матривала на меня – дескать, что это за зверь бежит с ней на равных, – в конце концов, не выдержала взятого мной темпа – отстала. Вдобавок ко всему в это время у меня прорезался голос, и я заорал. А об ружье вспомнил, только когда охрипший и в полном изнеможении присел на валёжину. Ну уж тут-то я отвёл душеньку, и выдал такую канонаду, что кто-то из мужиков на завтра сказал мне:

– Вчера в лесу из пулемёта, что ли, стреляли? Ты не слышал?

– Так, краем уха. Подумал, может, пускач в гараже завели или ребятишки палкой по частоколу балуют, – и от греха по-дальше оборвал разговор.

– Ну, это всё бы ничего, да только у меня, от испуга в животе начались боли, и я разрядился жесточайшим поносом.

Слушатели опять было захохотали, но Николай Гаврилович, погрозив пальцем собутыльникам, продолжил:

– Причём, позывы были настолько частые, что я только успевал снимать да надевать штаны. В конце концов, я их снял и пошёл до посёлка в трусах и сапогах, благо, хоть дорога широкая, и я не исцарапался.

Дома меня встретила жена и, удивлённо посмотрев на меня, спросила: «Николай, это что с тобой? С лица весь переменялся, да и худощавой какой-то стал? Чисто вьюнош!»

«Ага, как же – вьюнош, – прохрипел я, – сходи-ка сей же момент в магазин, пока он ещё робит, и купи пару бутылок водки».

«А с пары-то понос не прохватит?» – ехидно спросила жена.

«Ты лучше про понос мне не напоминай и лети мухой, куды сказал, а разбор полётов потом!» – и, не раздеваясь, тут же повалился на кровать. Однако у меня опять начались схватки, и я опрометью кинулся в туалет. Видимо, последствия столь приятного свиданья с медведем окончательно ещё не прошли.

Николай Гаврилович замолчал, схватил со стола подвернувшийся стопарик, одним махом отправил его в рот и под оглушительный хохот слушателей сел.

Коронация

У Николая на одном из зубов прохудилась коронка. Посетовав, что, к сожалению, ничего вечного нет, он пошёл в поликлинику на приём к зубному врачу – Вячеславу Владимировичу. Доктор осмотрел пациента и, неторопливо постукивая пальцами по столу, озабоченно изрёк:

– Да-а-а, тут придётся маленько поработать.

Он надвинул себе на лицо пластмассовое забрало и приступил к «экзакуции». Вячеслав Владимирович что-то там точил, сверлил, примерял и снова точил. Занимался он этими делами часа полтора, и когда измученный процедурами Николай увидел, что доктор отошёл от него, то подумал:

– Ну, слава те, Господи! Вроде, кырдык моим мученьям!

Однако когда Вячеслав Владимирович вернулся к пациенту с огромным шприцем, пожалуй, чуть меньше того, что ставили Моргунову в фильме «Кавказская пленница», то он понял, что «кырдык» ещё не наступил, и его мгновенно прошиб пот. Он намертво сцепил свои руки и в ужасе уставился на слегка улыбающегося доктора наготове со шприцем ужасающего вида. Врач сделал несколько уколов и снова стал сверлить, точить и примерять.

Прошло ровно два часа, когда Вячеслав Владимирович, наконец, убрал забрало со своего лица и произнёс спасительную для пациента фразу:

– Ну, ладно. На сегодня хватит.

Николай с великим трудом расцепил свои схваченные намертво руки. Неловко поднялся с кресла и, шепелявя непослушным языком, пожелал:

– Шпашибо! Дай Бог Вам доброго здоровья! До швиданья!

– И Вам не хворать! – ответил доктор, улыбаясь добрым всепонимающим лицом.

– Поштараяушь! – прошамкал пациент и почти бегом выдвинулся из кабинета.

Когда Николай немного очухался от проведённой операции, то обнаружил себя сидящим на скамейке центральной площади города. А его неснятые больничные бахилы весело отсвечивали под ласковым июньским солнцем ярко-голубым, почти небесным цветом.

За мирное сосуществование

Василий Дмитриевич постарался прийти домой ближе к полуночи, из-за того, что где-то в глубине души у него иногда проскакивала слабой искрой, надежда – авось, жена спит. И хотя Вася находился почти в такой стадии опьянения – когда собака лижет языком твоё лицо, и ты не можешь сказать – «Цыц», какая-то лёгкая тревога всё-таки точила его воспалённую головушку.

И поэтому, зная крутой нрав жены, он постарался явиться как можно позднее. Однако его чаяньям не суждено было осуществиться – Клавушка не спала! Она сидела за столом и, как только муженёк возник на пороге дома, тигрицей кинулась на благоверного. Борьба шла с переменным успехом, но, в конце концов, Дмитрич, сконцентрировав свои иссякающие силы, повалил жену на пол.

Супруга попыталась было вырваться, однако, поняв, что держат её довольно-таки крепко, со смехом сказала:

– Ладно, хватит! Отпусти!

– Ну, если по-хорошему, так это совсем другое дело! – заплетаящимся языком согласился победитель и, опёршись на поваленный в пылу борьбы стул, с трудом поднялся. Затем сделал два шага к дивану и, рухнув на него как подкошенный, заснул.

– Ах ты, алкашствующая твоя морда! И когда хоть напьёшься? Ну, ничего, я завтра из тебя хмель-то повышибу! – мстительно ворчала, раздевая поверженного богатыря, жена.

Однако Василий проснулся раньше жены и, понимая, что взбучки не избежать, потихоньку оделся и слинял. Гонимый неутолимимым желанием опохмелиться, несмотря на ранний час, он уверенно пошёл к соседу – Анатолию. Жена у него куда-то уехала, и собутыльники оттянулись вчера вечером по полной программе.

Анатолий уже сидел за столом и поправлял пошатнувшееся здоровье. Вскоре друзья порядком захмелели – на готовое-то много ли надо – и запели песни. Потом снова пили и опять пели до тех пор, пока, заспорив из-за мотива одной из песен, не уст-

роили возню. Вася уже совсем было одержал победу, да попал палец его руки в рот соседа. Тот сжал челюсти...

– Ой-ё, ой-ё, Толя, отпусти! – возопил Дмитрич.

– Вот так тебе, едрёна мать! Со мной шутки плохи! – ослабив хватку, согласился участник боя.

– Какая-то чёрная полоса у меня началась, – отдышавшись, посетовал Василий, – вчера, мне кажется, схватка с женой, вроде, была. Сёдни с тобой поединок обозначился! Давай-ко, Толя, лучше выпьем за мирное сосуществование равносильных мужиков!

Святая простота

 Илья Васильевич овдовел. Жить ему бобылём в сорокалетнем возрасте, естественно, не хотелось, и он стал, особо не афишируя, навещать одиноких женщин. Мужик он был вполне состоятельный: имел хозяйство, скотину, выпивал в меру, одним словом – достойный хозяин. Правда, имелся у вдовствующего небольшой изъян – его рот, в результате ранения во время войны, сильно косил. И поэтому особо желающих вдовушек выйти замуж было не много, но всё же некоторые из них не стали бы возражать, если бы такое предложение поступило.

Первым объектом пристального внимания Ильи Васильевича оказалась женщина из соседней деревни. Однако она, прослышав о его намерениях, дала отлуп:

– Было бы дива, чтоб Марфа Андреевна – красавица, да за Ильёю косоротова замуж вышла!?

(Правда, в последствии они всё-таки поженились).

Получив неожиданный отказ, жених решил попытать счастья со своей соседкой – Марьей Фёдоровной. Дело было в пятидесятых годах – годах тяжёлых, полуголодных, и поэтому Илья Васильевич иногда умасливал свою избранницу куском другим мяса.

Как-то однажды к Марье Фёдоровне зашла прояснить обстановку одна из претенденток на руку Ильи Васильевича. Но хозяйки дома не оказалось, а за столом сидела лишь её семилетняя дочь и ела жаркое. Женщина знала, что мяса у них почти никогда не бывало, а тут такое аппетитное жаркое, поэтому спросила:

– Слушай, Шурка, а вам кто мясо-то даёт?

Девчущка торопливо так, видимо, ладом не прожевав, проглотила кусок и с каким-то назидательным укором ответила:

– Дядя Ыля! Он ведь у нас один простой в деревне!

Важная встреча

 Когда приезжающий в окружной центр по своим делам писатель – Пётр Михайлович, каждый раз звонил своему другу – Андрею Андреевичу, и тот незамедлительно спешил на встречу. Когда они закупали сопутствующую встрече провизию, то в меню обязательно входила литровая бутылка водки и банка тушёнки. По первости писатель упрашивал друга:

– Ну зачем нам литровая посуда? Давай возьмём поменьше, а то у меня ещё дел много.

– Ты пей, сколько сможешь поднять, – нетерпящим возражений голосом парировал Андрей, – а остальное я приму на себя.

– Ну, хорошо, – вяло соглашался Пётр Михайлович, – но тушёнку-то зачем? Что, мы хорошей закуски взять не можем?

– Из принципа, исключительно из принципа, – пояснял друг, – жена мне запрещает её есть, а я, пока она не видит, выкушаю, для услады чрева, баночку. И хоть таким образом выражу решительный протест ущемлению свободы!

В этот раз, прибыв в город, Пётр Михайлович, как обычно, позвонил Андрею. Тот, конечно, обрадовался предстоящей встрече, но, прикрыв трубку рукой, тихо попросил:

– У меня, к великому сожалению, жена дома, а ты сам знаешь, как она относится к нашим встречам на высшем уровне. Ты соври ей там что-нибудь.

– Хорошо! Передай трубку. Наташа, здравствуй! Ты знаешь, сегодня в нашей организации важная встреча, и руководитель просил обязательно присутствовать Андрея Андреевича.

– Ладно, – быстро согласилась Наталья, – но раз встреча важная, то и я пойду, как-никак, я в организации не сторонний человек.

– Ни в коем случае! – услышал в трубке голос взвизгнувшего друга Пётр Михайлович, – меня же только зовут!

– А, что, солнышко моё необъятное, ты меня с собой не берёшь? Всегда брал, а нынче воспротивился, любовницу завёл, пооди?

– Вечно тебе красная сволочь мерещится! – ответил известной фразой из кинофильма муженёк и, поняв, что заговор раскрыт, обречённо махнул рукой.

Когда чета прибыла на «важную» встречу, то Андрей Андреевич с кислотоватой улыбкой поздоровался со всеми и с отрёшнённым видом сел на диван. А Наталья же, наоборот, одала всех лучезарной улыбкой, поздоровалась и, посмотрев на мужа победным снисходительным взглядом, примостилась рядом.

P. S. Встреча прошла в тёплой дружественной, но «сухой» обстановке.

Без переводчика

 Группе финских туристов, приехавших в Ханты-Мансийск для постижения азов русского языка, предложили встретиться с писателями города. Николай Иванович – руководитель писательской организации, по этому случаю накрыл с товарищами щедрый закусками и вином стол. И, конечно же, такое изобилие предвещало быть встрече весьма и весьма плодотворной.

Однако ему не давало покоя одно сложившееся обстоятельство – дело в том, что в гостиной комнатке писательского дома уже второй день не просыхал от творческого загула приехавший по своим делам поэт – Яков Митрофанович. Характер он имел буйный, а при случае мог и в морду заехать, и не посмотрел бы, кто перед ним – финн или эфиоп. Поэтому Николай Иванович, предвидя, что в случае выхода коллеги из заточения могут возникнуть негативные последствия, принёс ему в «нумера» водки. Принёс с тайной надеждой, что, поглотив содержимое, поэт, несомненно, успокоится. И, действительно, через полчаса из гостиной не стали доноситься хрипло исполняемые песни.

Вскоре подъехала финская делегация, и всех пригласили к столу. Николай Иванович произнёс приветственный тост, затем, через переводчика, ответную речь толкнул финский руководитель, и трапеза началась. Уже через час-полтора объединяющая и вдохновляющая сила, я имею в виду водку с коньяком, сделала своё дело. Финны и наши писатели объединились в группки по интересам и, не прибегая к услугам переводчика, повели занимательную таратору.

Так как прозаики и поэты земли Югорской говорить по-фински – ни в зуб ногой, то некоторые изъяснялись на пальцах, жестикнулировали и даже выразительно стучали книгой по своему или по финскому лбу. А гости отвечали тем же, разница была лишь в том, что они всё-таки чуть-чуть кумекали по-русски, но при этом так коверкали слова, что наши писатели иногда хватались за животы. И вот в разгар этого живительного общения, когда у нашего руководителя пронеслась спасительная мысль, дескать, пронесло и загулявший писатель, возможно, не появится, – дверь с треском отворилась, и он возник на пороге.

Покачиваясь и шаря по сторонам не совсем осмысленным взглядом, Яков прошлёпал босыми ногами к столу. Пятернёй правой руки заехал в свои взъерошенные волосы, левой подтянул трусы, так как кроме них на нём ничего не было, и замер. Но тут его взгляд упёрся в стоящую возле финна рюмку, наполненную коньяком. Яков Митрофанович цепко схватил её и незамедлительно отправил в свой рот, а когда, заметив ещё одну, он выплеснул содержимое вслед за первой, – финны захлопали в ладоши.

А наш бедолага взял рукой из тарелки какую-то закуску, пожевал и только после того, когда сознание его немного прояснилось, присел к одному из делегатов. Вскоре они с соседом по столу, пропустив ещё по паре стопок, обнялись и стали не совсем уверенной походкой, прогуливаться по холлу. Всё это время между ними шёл оживлённый диалог, причём, изъяснялись высокие стороны, каждый на своём языке. Однако общение было недолгим, потому что после того, как наша парочка ещё несколько раз приложилась к коньяку, Яков Митрофанович, выражаясь механизаторским языком, «запарил». Коллеги, увидев его безнадёжное состояние, быстренько взяли поникшего поэта под белые руки и водрузили в гостиную комнату.

Затянувшаяся

опохмелка

Игнат – сорокалетний тракторист, в силу своей профессии просто вынужден был иногда напиваться. Посудите сами – в деревне все друг друга знают, у многих родственные отношения, и как тут будешь брать деньгами за подвозку дров или сена. А вот угостить, при-

чём, хорошо угостить, чтобы он пошёл домой с песнями, – так это ж совсем другое дело!

Жена Игната – Нина, работавшая завучем в школе, держала в строгости не только своих учеников, но старалась приструнить и своего муженька. Особой психологической обработке подвергалась мать – тёща благоверного. Ну кто, как ни она, избавит любимого зятя от страданий! И поэтому Нина частенько ругивала свою маманю за её сердобольство. Мать, чувствуя свою вину, или отмалчивалась, или обещала проводить твёрдую антиалкогольную линию и ни при каких обстоятельствах не похмелять зятя. Так они и жили – супруга жёстко преследовала муженька за пьянку, а он, при удобном случае, напивался. А выпивал тракторист крепко, но знал меру. Или, вернее, пил с таким расчётом, чтобы ему хватило сил, не доходя до своего дома метров пятьдесят, затянуть любимую песню: «Меж высоких хлебов затерялся...», зайти домой и рухнуть как подкошенному на диван.

Этим утром Игнат проснулся в стадии величайшего похмеля. Он кое-как, разливая воду из трясущихся ладоней, сполоснул лицо и не совсем уверенной походкой пошёл – куда? – конечно же, к тёще. Однако она, упреждая его просьбу, относительно поправки здоровья, решительным, не терпящим возражений голосом отказала:

– Даже и не проси! Лонись вон Нинка приходила и строго на строго запретила мне опохмелять тебя. Так что извини, зятёк, хотела бы, да не могу! Вот если чайку с горячими шаньгами желеешь, так я мигом на стол спроворю!

– Нет уж, ты меня тоже извини, – хрипло отпарировал Игнат, – но чай с шаньгами пей сама! А опохмелится можешь и не давать, я всё равно – где-нибудь, да найду! Что же касаемо дров, которые я сегодня хотел тебе подвезти, так, я думаю, пока перетопчешься! Конечно, недели через две, если за это время трактор не сломается, я, может быть, и подвезу твои дровишки, а пока пойду к Семёнычу, у него-то наверняка опохмелюсь.

– Стой, змий подколодный! – воскликнула тёща. – Знает ведь гад, чем изуись меня! На вот кружку и лезь сам в подполье. Там бидон с брагой стоит – но выпей не больше двух кружек, считать буду – понял?

– Всё исполню в точности и незамедлительно! – воспрявшим голосом согласился Игнат и, схватив кружку, ринулся в подпол.

В это время стукнула входная дверь, и в сенях послышались чьи-то шаги. Тёща, от греха подальше, быстро прикрыла западню и только отошла к окну, как в дом вошла дочь – Нина.

– Ты моего алкаша не видела? – не здороваясь, спросила она с порога.

– Да нет, не заходил, – пряча взгляд от дочери, ответила мать.

– И куда его черти унесли? Опять ведь где-нибудь напьётся! – ставя стул на западню, посетовала Нина. – Ну, погоди, Змей Горилкович, попадись только мне!

Постепенно разговор перешёл на разные житейские темы. Игнат же, видимо, поняв, что беседа матери с дочкой закончится не скоро, стал принимать брагу кружку за кружкой. И пил он, сердечный, до тех пор, пока не дошёл до нужной кондиции. А когда пленник понял, что сил ему осталось только чтоб пройти заветные пятьдесят метров, то и взвёл свою любимую: «Меж высоких хлебов затерялося...».

– Он, наверное, где-то на улице поёт? – всполошилась, для вида, мать и, старясь отвлечь внимание дочери от злополучного подпола, выбежала из дома.

Однако многоопытную Нину не так-то просто было провести. Она посмотрела в окно, прислушалась и, определив, где находится солист, открыла подпол.

Увидев возле открытого бидона с брагой Игнашу, выдала отливающим металлическими нотками голосом команду:

– А ну вылазь сейчас же оттуда, паразитина! Ишь, как хорошо пристроился, что твой телок до вымени! Быстро – я сказала!!!

Игнат, качаясь и не переставая петь, с великим трудом возник из подпола, сделал три шага и рухнул как подкошенный на тётцин диван.

Сано и Бугулай

 Александр, которого в посёлке все почему-то звали – Сано, шёл в радужном настроении из очередной явочной точки, вероятнее всего, к следующей. Распрекрасному состоянию его духа, видимо, поспособствовали только что принятые, в качестве подзарядки внутренних подсевших за ночь похмельных аккумуляторов, пара-другая стаканчиков живительного эликсира. И сей-

час, когда водка благостным теплом растеклась по его воспрявшему организму, Сано, напевая какие-то странные строчки:

– И за что это поп получил неожиданно в лоб... – шёл мимо конторы.

Когда его радостно-возбуждённый взгляд остановился на мирно пощипывающем траву бодливом баране по кличке – Будулай, то Александр достал пачку сигарет и, как будто хлебом, приманил его. Баран понюхал предложенный гостинец и, обиженный коварным обманом, попятился. Затем грозно опустил увенчанную солидными рогами голову и пошёл в атаку. Сано в прыжке раздвинул ноги, и баран промахнулся. Будулай непонимающе оглянулся и опять повторил маневр, однако оборона тоже среагировала мгновенно.

В очередной же раз Александр подпрыгнул не совсем удачно и рассыпал все сигареты. Он, позабыв о баране, опустил на колени и стал собирать курево. А тем временем Будулай, не теряя драгоценных секунд, так саданул противника чуть ниже неосмотрительно подставленного зада, что тот щукой растянулся на дороге.

Сано вскочил, но когда увидел, что баран готовится для новой атаки, то, согнувшись от боли и держась рукой за место, где сходятся штанины, чесанул в контору. Он ещё не успел как следует прикрыть за собой дверь, а Будулай уже врезал по ней своим непрошибаемым лбом, и бегущий с поля боя посрамлённый воин мгновенно оказался в приёмной директора. На столь великий шум повыскакивали встревоженные сотрудники конторы, но когда Александр объяснил им причину, то поднялся неудержимый хохот.

– Тише вы! – попытался урезонить их перепуганный вояка, – а то, не дай Бог, Будулай услышит, да ещё, чего доброго, подумает, что над ним смеются – наверняка, дверь вышибет!

Мужчина, он и в старости мужчина

 Тёплым июньским вечером, когда серая мгла лишь слегка притушила яркие краски летнего дня, дед Григорий со своей женой бабкой Аксиньей возвращались домой с гуляния на именинах родственника. Дед – шустрый невысокий старичок с бородкой, как

всегда, поднакушался раньше ещё оставшегося гулять люда. Он шёл и выписывал ногами такие кренделя, что бабка почти тащила его на себе.

Аксинья – крупная полная женщина, с трудом выговаривая слова из-за нагрузки осевшего на её плече мужа, скорее всего, по привычке «поливала» его всевозможными оскорбительными эпитетами:

– Вечно ты, недомерок, нажрёшься раньше других. Росточка-то Бог не дал, а глотка уноровлена к браге, как у бугая. Таскаю вот тибя на себе всю жись! Ты хоть раз пришёл, скажи, с какой-нибудь гулянки своими ногами, пришёл, я тебя спрашиваю!? – тяжело дыша, с перерывами в обличительной речи разорялась бабка. – Ну кому ты нужен, а? А мне-то уж и вовсе на какую лихоманку бы ты сдался, пользы-то от тибя почти никакой!

Дед поначалу безропотно слушал обвинения в свой адрес, но когда до него дошёл смысл последнего сказанного бабкой предложения, вдруг воспрял и, оттолкнув Аксинью, грозно спросил:

– Так, говоришь, не нужен?

– Конечно, не нужен! – подзадорила бабка.

– Ах, так! – воскликнул Григорий и, мгновенно сориентировавшись в обстановке, кинулся через ров с водой к ближайшему колодцу.

Подбежал, быстро скинул ограничитель с рукоятки ворота, обседлал ведро и, схватившись руками за цепь, рухнул в бездну колодца.

– Ой, батюшки светы! Ох ты, горе моё! – закудаhtала, заполошно хлопая руками по объёмистым бёдрам, бабка. – Ведь утопнет, старый дурак!

Она с трудом перелезла через ров и, заглянув в колодец, испуганно спросила:

– Ты хоть там живой, Гришенька?

– Пока ишо живой, – донёлся глухой голос деда из недр колодца, – если я тебе нужен, то спасайте меня, но если нет, то сейчас же долейте воды!

– Ладно, ладно, сейчас вытащим тебя, вот только народ позову!

Когда подоспевшие мужики выкрутили цепь, и под воротом показался воинствующий дед, то он первым делом снова спросил бабку:

– Так нужен я тебе или нет?

– Нужен, нужен, будь ты неладен! Вылазь оттуль скорее, да пошли домой, испромёрз, поди, уж весь!

– Ну то-то же, смотри у меня, а то в другореть колодец-от поглубже выберу! – ответил удовлетворённый дед и протрезвевшей уверенной походкой направился домой.

Коза пропала

 Как-то вечером, общаясь на кухне с соседями по коммунальной квартире – Людмилой и Виктором, я решил (уж не знаю, какого рожна мне взбрело это в голову) их озадачить простым, на первый взгляд, вопросом:

– Послушайте, где-то в одном селе у мужика сдохла коза. Так вот, он после этого вышел на улицу и стал делиться со встречными своим горем:

– У меня вчера коза пропала! Было три – четыре стало!

– Как это так? – вопрошали односельчане.

– А-а-а...! – отрешённо отмахивался он и шёл дальше.

– Как вы думаете, – спрашиваю я соседей, – почему он так считал своих коз?

Полчаса соседи наперебой пытались найти логический ответ на мой вопрос. Первой сдалась Людмила. И, когда Виктор куда-то ненадолго отошёл, я шепнул ей ответ, но при условии, что она скажет мужу моё пояснение только при полной его капитуляции перед поставленной задачей. Однако не тут-то было! – Виктор, как бывший военный, так просто сдаваться не собирался.

Прошло, может, часа два. За это время мы несколько раз сталкивались с ним в коридоре. Он озабоченно проходил мимо – то с чашкой кофе, то с кружкой пива, и каждый раз просил меня об одном:

– Не говори!

Когда, наконец, понял, что не сможет справиться с поставленным вопросом, он позвонил старшему сыну в Петербург и тоже озадачил его. Так и не дождавшись ответа от старшего, Виктор снова позвонил в Петербург, но уже младшему сыну. И только он заикнулся о павшей животине, как сынок, перебив отца, отпрапортовал:

– Да о твоей козе уже половина Петербурга гадают!

Я до сих пор остаюсь в неведении – решила ли половина северной столицы козий вопрос? А то, что его не решил сосед – сомнения не вызывает. Он рассказал мне, что лишь глубокой ночью разбудил жену и обречённо попросил её: «Ладно, говори! А не-то я всю ночь не усну!»

Ну, а я тоже оставляю козий вопрос открытым – кто догадается – молодец! А кого не осенит, и он будет мучительно искать ответ, так милости прошу разыскать меня в нашей писательской организации.

«Слепой» поворот

 Одна из улиц поселка Малиновский заканчивается нехилым спуском в низину, причем, с крутым, а если выразиться водительским языком, то и «слепым» поворотом. Поэтому водители в зимнее время, всегда притормаживая на этом каверзном спуске, постепенно превращают его в катушку. Конечно, аккуратно можно проехать и без проблем, но стоит немного превысить скорость перед этим участком – тормозить бесполезно, и, скорее всего, лихача ожидает «оверкиль». И таких перевертышей за «удачный» сезон набирается до пяти-шести.

Не обошлось без приключений на этот раз и для водителя «Жигулей», шустро гнавшего своего ярко-красного «коня». Он, увидев, что не вписывается в поворот, тормознул, и машина сразу же перевернулась на крышу, затем ещё кувырок, и снова, как ни в чём не бывало, встала на все четыре опоры. Ошарашенные, так толком, видимо, и не понявшие, что случилось, водитель с пассажиром выскочили из машины. И, стараясь унять дрожь в коленках, нервно запохаживали вокруг замершего «коня».

В это время в «слепой» поворот резво вкатила ведомая то ли мужской, то ли женской рукой иномарка. Водитель, сообразив, что сейчас врежется в стоящие внизу «Жигули», ударил тормозами по всем четырём «копытам». Иноземка тут же, взбрыкнув, легла на крышу и в таком интересном положении плавно подъехала к первоперевертышам. Седоки из «Жигулей» подбежали к припарковавшейся чужеземке и с великим трудом извлекли оттуда средних лет женщину-водителя.

Когда она немного отошла от шока, вызванного падением, то со слезами запричитала:

– Да лучше бы меня задавило в этой проклятой машине! Ведь муж меня сейчас убьёт!

– Да ты что, дура! – постарался успокоить её водитель «Жигулей». – Тут же слепой поворот, к тому же на этой чёртовой катушке в любой момент можно перевернуться! Я объясню твоему мужику, что во всём виноват гололёд и на твоём месте мог оказаться любой!

– А-а-а..., – бесполезно! – обречённо махнула рукой женщина. – Всё равно убьёт!!!

И тут она увидела спускавшегося с горы мужа...

– У-у-у..., – с ужасом взвыла пострадавшая и без всякой перегазовки резво чесанула за ближайšie дома.

– Беги, беги, Шумахер! – грозно крикнул ей во след муж. – Только не забудь по пути завернуть в бюро и оплатить свои похороны!

Серьёзное дело

 Гоша – мужичок четвёртого десятка лет жизни, договорился со своим другом – Василием, съездить на двух шлюпках в соседний посёлок за покупками.

Каким-то образом узнав, что Гоша едет туда без жены, к нему в попутчицы напросилась весьма соблазнительная вдовушка – Людка.

По приезду в посёлок наши десантники закупили необходимые товары, ну и, естественно, для «сутрева» души и тела водки. Перед тем как тронуться в обратный путь, оба рулевых, со своими спутницами, крепко выпили и отправились, «благословясь», к родным очагам. Не доезжая с километр до своего поселка, Гоша, разгорячённый водочкой, решил завернуть с вдовушкой в укромное местечко и, сбросив обороты, стал отставать от шлюпки друга. Тот, в свою очередь, тоже сбавил ход и спросил:

– В чём дело?

– Езжайте, не ждите меня! – махнул рукой Гоша.

И вскоре шлюпка, видимо, что-то сообразившего товарища ушла на приличное расстояние. Гоша же завернул в речку, что впадает в Иртыш напротив поселка, и, доехав до оставшегося на берегу с зимы сена, повел свою спутницу к нему. Причём, в явной спешке он забыл закрыть сливной краник на шлюпке, который открыл на ходу, чтобы слить накопившуюся воду.

Вернулась наша парочка к своему транспортному средству через полчаса. А Гоша, ещё издали увидев, что шлюпка почти затонула, дал команду Людке:

– Раздевайся!

– Да ты чё? Мы же только что кувыркались!

– Кувыркались! А теперькупаемся! – показал он на шлюпку.

Домой они приехали где-то через час после Василия, а там по берегу, видимо, почуяв неладное, уже похаживала Гошина жена.

– Ну и где ты был столько времени!? – ничего хорошего не предвещающим голосом спросила она капитана шлюпки.

– Да искра, понимаешь, в гусеницу ушла! – елейным голосом ответил кэп.

– Сейчас я вам обоим искру найду!!! – снимая гребь с борта шлюпки, грозно выдала жена капитана. Людка не стала дожидаться кульминации встречи и рванула на берег. Однако разъярённая Гошина половинка успела-таки отоварить её гребью по заду, со словами:

– Я ещё разберусь с тобой, вертихвостка!

Когда Гоша увидел, что разборки принимают нешуточный оборот, не стал дожидаться гребной порции и, поняв, что мимо жены ему не сквозануть, выскочил по пояс в воду. И ускоренным маршем двинул на берег и дальше в гору.

– Ты куда это, гад, устремился!? А ну-ка подожди!

– Не до тебя, – отмахнулся Гоша, сажёнными прыжками покоряя пространство, – мне одно серьёзное дело безотлагательно совершить надо!

И он, поднимая пыль и брызгая намокшими одеждами, взял курс на ближайший туалет, где и разразился, от пережитого волнения, жесточайшим поносом.

Армейская выучка

 Стоял август шестьдесят восьмого года, естественно, прошлого века. Вот ведь как устроена жизнь: уже и годы другие, и век другой, да и жизнь совсем не такая – лучше или хуже, не берусь судить, но не такая, и все. А кажется, это я вчера, отслужив около трёх лет в армии, вернулся домой мужественным, закалённым физически и духовно старшим сержантом.

Тогда мы погуляли с неделю, отметив всей деревенькой моё возвращение, и наступила после бурлящей армейской жизни благостная тишина, и в моей душе, и в деревне.

Дни стояли хоть и не столь жаркие, как в июле, однако солнышко припекало довольно ощутимо. Оно, как рачительный хозяин, вызоревало хлебные поля, по-отечески осматривало и грело каждый картофельный куст, одним словом, занималось своей солнечной работой.

Так как в доме было спать жарковато, то я предупредил родителей, что буду спать на вышке (так у нас называют чердак). Там был натянут марлевый полог от комаров, и в нём, естественно, постель. И я возлег, в гордом одиночестве, на выбранное ложе и, прислушавшись, удивился абсолютной тишине. Нарушали которую лишь контролирующие свою территорию немногочисленные комары.

И только дремота обуяла моё брненное тело, как неподалёку послышалось громкое частое дыхание. Впечатление было такое, словно бежал человек и остановился, тяжело дыша. Я с испугом глянул на свои командирские, со светящимся циферблатом, часы и замер – было ровно двенадцать ночи! Вдруг в направлении моей постели послышались частые шаги с характерным стуком когтей по доскам, и всё это сопровождалось шумным дыханием.

Я почувствовал, что мои волосы поднялись дыбом, и сам я сжался от страха, как пружина. Шаги затихли, но когда они снова послышались уже у моего изголовья, то я, обрывая полога, рванул с верхотуры вниз. И уже через несколько секунд, сказала армейская выучка, стоял дома возле постели родителей.

– Чё с тобой случилось? – с испугом спросила мать.

– Да там на вышке нечисть какая-то ко мне подкрадывалась – когтями железными стучит, и дыхание такое, как будто сам чёрт прибежал по мою душу!

– Эх ты, боец-молодец! – со смехом сказала мать. – Как ты Родину-то собирался защищать, если маленького цыплёнка испугался!

– Нас учили, как защищаться от вражьей силы, а не от нечисти! – со смехом отпарировал я, и, осенив себя крестным знаменем, отправился восстанавливать порушенный во время панического отступления спальный шатёр.

(стихотворный вариант)

Ж

ил когда-то в прошлом веке
На селе среди людей –
Сказ введу о человеке, –
Его звали дед Андрей.

Был тот дед рыбак фартовый,
Осетров ловил и щук.
Лёд долбил почти метровый –
Не жалел ни ног, ни рук.

Рыбу ложил в сараюшке,
Клал отдельно осетров.
Дверь сарая лишь на клюшку
Закрывал он от воров.

Рядом с домиком Андрея,
Скажем так – рукой подать, –
Жил Толян с душой злодея,
Что угодно мог урвать.

Как-то раз, лишь потемнело,
Дед Андрей подался спать.
Толя-вор задумал дело –
Осетра у деда взять.

Выбрал рыбину в сарае,
С ней пустился наутёк.
Да соседский пёс залаял:
«Всё – попался, ёк-марёк!»

Так подумалось Толяну,
Грустно стало на душе:
«Ладно, спёр бы рыбу спяну –
Вон бегут с колом уже..!»

Под крыльцо чужого дома
Толя тут же занырнул,

Но уже в лазило схрона
Кто-то больно в вора ткнул.

«Не уазь, острожник дикой, –
Страж кричит, а сам дрожит, –
Я тебя колом, как пикой,
Вмиг затычу, паразит!»

Понял вор при лунном свете:
«Право, нечего терять!»
Тут же вылетел, как ветер,
Сбил охрану и бежать.

Шум услышали и вскоре
Все сбежались мужики.
Встретил их охранник-горе –
Полны снега сапоги.

«Ты пошто, тряси холера,
Вора тут не удержал?»
«Так ляшак ту силу мерял, –
Им охранник отвечал, –

Я его колишшом тыкал,
И ругался, как басмач,
А он выскочил, зафукал,
Прямо – вылитый косач!»

С той поры прилипло, вроде,
Не отлепится никак –
Стали Толю звать в народе
Не иначе, как Косач.

Творческий склероз

 Владимир Михайлович работал, впрочем, не важно кем он работал, – главное, это был творческий человек. Причём, творчеством он занимался тоже на профессиональном уровне и был лауреатом нескольких высоких премий в области литературы. Конечно,

ему как писателю, не всегда хватало времени на обдумывание сюжетов своих будущих книг. Поэтому Владимира Михайловича частенько можно было увидеть вышагивающим в великой задумчивости с работы.

Вот и сейчас, закончив по какой-то надобности работу немного раньше обычного, шёл домой и, машинально обходя весеннего разлива лужи, глядел на свои чистые ботинки и думал:

– И как это я, не замарав обуви, на работу пришёл?

Когда Владимир Михайлович оказался у своего дома, то в такой же задумчивой рассеянности взглянул на место, где всегда стояла его машина, и замер – его верного самодвижущегося коня не было.

– Украли! Обездолители! – возопил писатель, и незамедлительно стал обзванивать все точки, где бы ему могли помочь с розыском машины. Когда, озадачив своим заявлением внутренние органы и некоторых знакомых, он, расстроенный и опустошённый, присел на скамейку возле подъезда, то решил позвонить работающей с ним в одном офисе жене:

– Слушай, хочу сообщить тебе пренеприятнейшее известие – у нас машину украли!

– Как украли?

– Ну, пришёл домой, а её нет!

– Тьфу ты, напугал! Да как она может быть дома, – со смехом ответила жена, – коли мы на ней на работу утром приехали! Она и сейчас вон под окнами стоит!

Владимир Михайлович убрал мобильник от уха, посмотрел недоумённо на него и, спохватившись, стал звонить в милицию:

– Алло, милиция!? Я тут недавно заяву вам катнул на счёт пропажи автомобиля, так вот – отбой! Нашлась моя Савраска! У меня на сидении в машине были брошены визитки, где указано, что я экстрасенс и к тому же избавляю страждущих от вредных привычек. Видимо, ворюги поняли, чью тачку они умыкнули!!! И поэтому, от греха подальше, бросили её неподалёку от моего офиса. Так что простите великодушно за причинённые хлопоты!

«Кровожадный» сказочник

Кате – трёхлетней девочке, мать каждый вечер перед сном рассказывала сказки. Героем этих сказок постоянно был зайка-Петя. Он каждый вечер по сюжету попадал в различные пикантные ситуации: то его волк на тропинке прищучит, то лиса подкараулит, а то и охотники целую облаву учинят на бедолагу. Но всегда наш герой из этих передряг выходил победителем. Выходил – пока за это дело не взялся Катеринин отец.

В этот день мать девочки белила избу, и поэтому с уборкой задержалась до позднего вечера. А тут незаметно подошло время укладывать дочь спать и, конечно, с обязательной сказкой.

– Ну-ка, папаша, давай, иди, укладывай ребёнка спать, – дала она команду курившему возле печки мужу, – и не забудь ей сказку рассказать про зайку-Петю.

– Да я не умею!

– Ну, тогда мой пол! – и сунула ему под нос вехоть.

– Нет уж, дудки! – кинув окурок в печку, нехотя согласился муженёк. – Я лучше сказку рассказать попробую.

В спальне он раздел дочь и, уложив в постель, заботливо укрыв одеялом. Затем, усевшись поудобней на стуле, прокашлялся и приступил к выполнению задания:

– Ну, хорошо, слушай! Вот я сегодня вечером заряджу побольше патронов и завтра, пораньше, пойду на охоту. Отыщу где-нибудь под кустом зайку-Петю, ухлопаю его наповал, а дома мы из него потом суп сварим!

– Как ухлопаешь? – насторожилась Катерина.

– Как, как? Лупану картечью – и, пожалуйста, – уши в одну сторону, хвост в другую. Знаешь, какой я хороший охотник! Любого зайца с первого выстрела убиваю!

– А-а-а...! – взревела Катерина. – Убили, убили!

– Кого убили? – забежав в спальню, спросила встревоженная мать.

– З-зайку-Петю убили-и-и!

– Кто убил?

– Па-а-пка! Он сказал, – сквозь слёзы пояснила дочь, – что завтра пойдёт на охоту и убьёт нашего зайку-Петю! У-у-у...!

– Ты что это тут за ахиною несёшь!?

– Да я сказку, – заоправдывался, ретируясь из спальни, заячий охотник, – сказку ей рассказывал! Ты же сама велела!

– Ничего тебе нельзя доверить! Иди, моймай пол, Андерсен! – и, кинув кровожадному сказочнику половую тряпку, стала успокаивать всё ещё всхлипывающую дочь.

Салага – он и есть салага Бывальщина комроты

 В о время службы в армии моим ротным командиром был майор Сыроветник, человек довольно-таки строгий и требовательный. Однако когда он проводил какие-нибудь занятия или инструктажи, то частенько вспоминал из своей длительной армейской службы такие невероятные и смешные истории, что солдатики только за животы хватались.

Помню, как-то проводя занятия по воинскому уставу, он рассказал, как на действительной службе в танковых частях ещё молодым солдатом попал в непредвиденную ситуацию:

– После учений наш полк приводил в порядок материальную часть. К тому же ожидался приезд командира дивизии, поэтому мы, как говорится, «вылизывали» танк с особой тщательностью. Мне, тогда ещё салаге, было приказано гудронить гусеничные траки. И вот сижу я, малюю, да и сам порядком извоженный в этой мазуте замечаю, что всех «стариков» моего экипажа как ветром сдуло: кто в танк улизнул, кто под него, – только я остался, как витязь на распутье, с квачем в руках. И тут смотрю, подходит ко мне какое-то воинское начальство и один из них спрашивает:

– Ну, так чем, сынок, занимаешься?

– Да вот, мажу!

– Так, доложить бы надо!

– А что тут докладывать? Мне приказали мазать так, чтоб сам генерал похвалил, вот я и фуфлыжу!

При этом я так бахнул квачем по гусенице, что несколько мазутных брызг попали на сапоги интересующегося моей работой начальника.

– Да-а-а, в усердии тебе не откажешь, однако! – засмеялся начальник и добавил: – Ну ладно, фуфлыж, сынок, дальше, авось генерал и правда похвалит!

И вся эта компания пошла своей дорогой. И только они скрылись из виду, так все «старики» моего экипажа повыскакивали из своих убежищ. Ребята подбежали ко мне, повалились на землю, сучили ногами и с визгом хохотали, показывая на меня пальцами. Наконец, командир танка сквозь смех спросил:

– Ну и как, понравилось генералу твоё художество?

– Какому генералу?

– Так ты сейчас с ним беседовал!

– Надо же, а я думал, что это какой-нибудь интендант из штаба – низенький, толстенький!

– Моли Бога, что у этого интенданта было хорошее настроение, а не то он бы тебя суток на десять за незнание устава на губу пристроил!

Находчивый часовой

 Наше подразделение заступало в наряд по полку, и командир роты лично провёл занятия по уставу караульной службы. И, как обычно, завершил свой инструктаж припомненной к месту историей:

– Как-то однажды, я тогда был ещё взводным, мы заступили в караул. Служил в моём взводе до того изворотливый и находчивый солдат, что приходилось временами только диву даваться. И вот этот проныра оказался часовым у знамени части. Иногда, особенно среди ночи, мне, как начальнику караула, положено проверять посты. Захожу я в штаб и вижу, что часовой стоит на посту у знамени части и курит. Но когда, после переклички паролей и отзывов, я подошёл к нему, то сигареты у него не оказалось. Хотя дым вокруг него стоял коромыслом.

– Курил? – спрашиваю.

А он, бестия, не моргнув глазом, отвечает:

– Никак нет! На посту курить строго запрещается!

– Да как не курил – дыму вокруг тебя столько, хоть топор вешай!

– Не могу знать, товарищ лейтенант, откуда тут возникла пелена такая!

Я поставил часовым пришедшего со мной караульного и приступил к поискам окурка у подозреваемого. Обшарил все его карманы, заставил снять ремень с гимнастёрки, даже разуться заставил – ничего!

«Ну, хорошо, – наконец, сдался я, – так и быть – прощу тебе курение на посту, мало того, увольнительную дам, только скажи – куда дел чинарик?»

А этот гадёныш берёт прислонённый к стенке карабин и с улыбкой невинного младенца вытряхивает из ствола злополучный окурочок!!!

Шорник

 При очередном заступлении роты в наряд по полку командир провёл инструктаж. При этом он, как священник перед паствой, сначала прочитал проповедь о значимости второстепенных постов и, кстати, припомнил один из эпизодов армейской жизни:

– В нашем полку в то время для выполнения хозяйственных работ содержалось несколько лошадей. Днём за ними присматривал конюх-сверхсрочник, а ночью выставлялся дежурный солдат. На сей раз надзирателем туда определили того же солдата-проныру, что курил на посту.

Где-то часа в два ночи, после смены караулов, я решил навестить дежурного по конюшне. Захожу и вижу, что кони мирно жуют сено, а надзиратель так же мирно спит. Я тихонько подошёл, снял хомут со стены и резко одел его на голову охранника.

– Спишь, воин? – спрашиваю.

– Никак нет, по инструкции не положено! – вскочил он, ошарашено моргая спросонья.

– Та-а-ак, а чем же ты, позволь спросить, разлюбезный, занимаешься?

– Да вот же, товарищ командир, делать-то всё рано нечего, я и решил пользы дела для хомут починить! – и теребит, каналья, с деловым видом гужи...!

Шутливый бригадир

Вскоре после войны в поселение лесозаготовителей Дальний Массив Самаровского района привезли сосланных за сотрудничество с немцами украинцев. Мужиков, в основном, определили непосредственно на лесозаготовки, а женщин: кого сучкорубами, кого на подсобные работы. В зимнее время часть леса трелевали конями к речке Бобровке, где складывали в штабеля и весной по половодью сплавляли. А часть вывозили по ледянке, опять же конной тягой, в центральный посёлок.

Ледянка – это хорошо накатанная конная дорога, колеи которой для лучшего скольжения груженных лесом саней поливали водой. То есть на санях стоял чан, его наполняли из речки водой, и при движении она лилась через два отверстия на санный след. Обслуживание этой ледянки составляло довольно-таки важное звено в цепи лесозаготовки. Во время снегопада, вернее, после него, на сложный рельеф ставились рабочие, которые мётлами расчищали порученный участок дороги. Причём, очищали ледянку от снега даже ночами, чтобы с утра вывозка шла бесперебойно.

И вот как-то с вечера прошёл снег. Мастер леса – Дмитрий Васильевич, быстро собрал бригаду, человек пять, из новоприбывших женщин и направил на расчистку дороги. Бригадиром назначил опытного сорокалетнего работягу Рошова и объяснил ему, какие участки необходимо расчистить.

Когда снегоочистительная бригада вышла по назначению, было уже темно, и хотя светила луна, лес стоял пугающей тёмной стеной. Мороз стоял градусов за тридцать, и поэтому деревья нет-нет, да и потрескивали. А женщины, пугливо озираясь на тёмный лес, теснились возле бригадира и шёпотом спрашивали:

– Что это такое трещит?

– Медведь балуется – сучья ломает от голода. Конечно, он не против человечинкой-то полакомиться! Вы вон какие аппетитные! – похватывая за груди испуганных подопечных, ответил опытный северянин. Женщины визжали, и ещё теснее сплывались вокруг своего начальника.

Наконец Рошов, расставив почти всех по своим местам, объяснил, что нужно делать, а самую молодую увёл на крайний участок с тайным умыслом – пообжиматься с нею. Когда при-

шли на место, то бригадир показал в каком месте убирать снег, а сам, немного отойдя обратно, решил напугать молодку:

– Когда она побежит мимо меня, то тут я её поймаю, ну а там уж разберёмся, что дальше делать! – и, став за дерево, рывкнул.

Однако, молодка взвизгнула, бросила метлу и мгновенно пронеслась мимо «медведя». Рошов, поняв, что получилось не совсем ладно, кинулся следом.

– Сто-о-ой! Сто-о-ой, хохлацкая твоя душа, – я же пошутил!

Но, где там! «Хохлацкая душа» летела, как молодая важенка от волка.

Следом, часто и тяжело дыша прокуренными лёгкими, топал и непрерывно кричал Рошов:

– Стой! Стой, каналья быстроногая!

Вскоре из его горла стал доноситься не призыв остановиться, а лишь тяжёлое хриплое рычание.

Молодка добежала до первой разметавшей снег женщины, и, выдохнув одно слово:

– Ведмедь! – без остановки промчалась дальше.

Работница тоже бросила метлу и резво устремилась во след. И вскоре весь снегоочистительный десант забежал в контору, где всё ещё сидел мастер, и сгруппировался позади него. Следом, весь потный, тяжело дыша открытым ртом, ввалился Рошов. Он плюхнулся на табурет и, немного придя в себя, прохрипел:

– Вы куды, дуры, побежали!? Какой сейчас медведь в лесу? Он же в берлоге дрыхнет! Я просто пошутил!

– Он, видите ли, пошуйтив! А ты глянь, вражина, шо я со своимы ляжками зробыва! – сказала самая пышная работница и, скинув ватные штаны, показала стёртое до ужасного состояния место, где сходятся ноги...

...И был суд, правда товарищеский, и присудили шутнику выплачивать пострадавшей десять процентов заработка, вплоть до её полного исцеления.

Отголоски войны

 Мой единокровный братец – Гоша, приехал после странствия по морям-окиянам в отпуск. В то время он деньги имел солидные, а так как был человеком холостым, то и мог распоряжаться ими по своему усмотрению.

– А скажи-ка мне, папаня, – обратился он, по-приезду к отцу, – что бы я мог хорошего для тебя сделать?

Отец разулыбался всем своим небритым щетинистым лицом и дал достойный любого русского мужика ответ:

– А купи-ка мне, сынок, водки!

– А сколько?

– Ну-у-у, к примеру-у-у, – задумчиво протянул отец, – бутылка десять меня бы, пожалуй, устроили! Али кишка тонка?

– А не вопрос! Но при одном условии – про войну не рассказывать!

– Да я, вроде, и не рассказываю.

– Ага, – не рассказываешь?! Как напьёшься, так у тебя за столом каждый раз Курская битва происходит!

– Не мардань! – засмеялся отец.

Купил Егорушко водки, и вечером после того, когда папаша почти прикончил вторую бутылку, Великое сражение всё-таки началось.

Отец воевал в артиллерии и всегда начинал с озвучивания полёта снарядов с их последующими разрывами.

– А мы со своей гяубицы, как ё...м по хрицам, – покачиваясь, начал своё повествование отец, – так только немецкие сапоги вперемежку с ихним вонючим поносом по округе сверкают!

Папаня приосанился и так трахнул кулаком по столу, что тарелка с ершами, подскочив, перевернулась, и рыбка разлетелась по столу, испуганно уставившись варёными осоловевшими глазами на артиллериста.

– Чё, не нравится тебе моё угошшениё, фашистская нечисть?! – погрозил им кулаком вошедший в раж солдат.

Задремавший было братец испуганно подскочил на кровати, но, оценив ситуацию, предупредил участника сражения:

– Папа, не утихомиришься – спрячу водку!

Рассказчик посмотрел мутным непонимающим взглядом в сторону сына и продолжил:

– Ага, потом пехота, мать его-то за ногу, – сто километром прошёл, ишо охота, в атаку кинется – «Ура-а-а-а!».

Отец схватил за хвост попавшую под руку щуку и со словами:

– Держи, фашист, гранату! – кинул её под порог спальни. Младшая сестра Аня, потихоньку наблюдавшая оттуда за «боем», мгновенно прикрыла за собой дверь.

– А-а-а, гад, в блиндаже укрылся! Нечё! Чичас мы тибя оттуль выкурим! На вдобавок ишо лимоночку! – и кинул вслед за щукой кисет с табаком.

Тут взгляд отца остановился на неосмотрительно оставленной неподалёку стиральной доске. Он тут же взял её и стал имитировать на ней ложкой треск пулемётов и автоматов.

Потом папаня немного посидел в задумчивости, встал и, видимо, решив помолиться пред сном, повернулся к иконам. Он было перекрестился несколько раз, но тут у него в памяти опять всплыли фашисты, и начал, сердешный, вместо молитвы, (да простит его Бог) такие маты выдавать перед иконами...

После этого удовлетворённый отец утихомирился и пошёл спать.

Акустика подвела

 Говорили, что этот случай произошёл где-то в Донских краях, но я не исключаю, что подобное могло быть где-нибудь ещё или, вообще, это просто охотничья байка. Сам я при этом не присутствовал, одним словом – за что купил, за то и продаю.

В одном из охотничьих хозяйств развелось довольно много диких кабанов, и администрация каждый сезон разрешала лицензионную охоту на этих зверюг. Конечно, водилась в зоне ответственности и другая живность, но она, согласно правилам, ни при каких обстоятельствах не должна быть объектом охоты. Особенно это касалось лосей, так как этих лесных великанов, по словам егерей, осталось всего три особи.

Старший егерь хозяйства – Кондрат Пахомович, всегда лично сам организовывал и проводил сезонную охоту. Перед началом каждого промысла он подробнейшим образом инструктировал охотников: где кому стоять, когда и в какую сторону вести огонь, а главное – в кого стрелять. И каждый раз его наставления кончались примерно такими словами:

– И упаси вас Бог подстрелить лося! Но если кто-нибудь из вас всё-таки совершит такое злодейство, буду гонять по лесу до седьмого поносу!

В этот раз подготовка к охоте тоже прошла как обычно. Охотники разошлись по номерам, а загонщики шумной ватагой отправились поднимать и гнать зверей. Где-то уже через полчаса раздались первые выстрелы. Дело приближалась к концу, когда после очередного выстрела неожиданно послышался громкий испуганный голос одного из охотников:

– Пахомы-ы-ы-ч! Иди скорей сюда, я какого-то громадного вепряку укокошил!

Вскоре подбежавшие на крик егерь с загонщиками подошли к заросшему густым ельником месту, куда указывал стрелок, и разглядели убитого лося.

– Ты кого это, гад, завалил, а? – схватил за грудки Пахомыч оробевшего горе-охотника.

– За каким чёртом ты на охоту, слепой куян, ходишь, если свинью от лося отличить не можешь?

– Оно, конечно, насчёт зрения-то ты прав Пахомыч – вижу хреновато! А вот слух – слух-то у меня отменный! Бывает, жена схватит у меня со стола бутылку и спрячет куда-нибудь подальше, так я обязательно найду, потому как слышу, где она шебуршит. А этот, – указал рукой на тушу лося провинившийся охотник, – гадом буду, хрюкал!!!

Луноход

 В зимний субботний день к поселковой бане, порывкая мотором и скрипя железными суставами, лихо подкатила водовозка. Устало выдохнула тормозами, и сразу же из кабины появилась одетая в мазутную шубу, валенки с калошами и в шапку излохмаченного вида фигура водовоза – Гены.

Он неторопливо обошёл машину, снял сливной шланг и, вставив его в нужное место, открыл кран. Затем, сморщив чумазое лицо, посмотрел на яркое солнце и, со вздохом, закурил. Постоял минуту-другую и, задумчиво глядя себе под ноги, направился в баню.

Пока он выполнял эти процедуры, всё его одеяние закуржело, побелело, и только лицо водовоза с торчащим, как кобель на горе, носом, порой извергающим синеватый дым, оставалось вызывающе тёмным.

Зайдя в помещение, Гена, по привычке, хотел поздороваться с банщицей, но её на месте почему-то не оказалось.

– Вот старая прошва, вечно где-то шарится! А пойду-ко я взгляну – сколько ещё воды, мать её так, надо долить? – пробурчал он и, словно Дед Мороз, белея одеждами и не обращая внимания на моющих, прошёл по мужскому отделению к ёмкости. Заглянул внутрь, с тайной надеждой, что возить много не придётся, но, увидев, что воды мало, громко матюгнулся.

И только Гена повернулся, чтобы уйти, послышались женский визг, хохот, и в нашего несчастного водовоза полетели мочалки, мыло, даже тазик метнула чья-то проворная женская рука. Гена побежал к выходу, но перед дверью, наступив на предательски подвернувшийся под ногу обмылок, упал. И тут же, со словами:

– С гуся вода, с водовоза худоба! – был облит то ли горячей, то ли холодной водой, через шубу-то разве поймёшь?

Открыв головой дверь, Гена на карячках проворно выдвинулся в приёмное помещение, где был встречен возгласом не лишённой юмора старушки-банщицы:

– О, кормилец, с лёгким паром! Я тебя предупредить-то не успела, что в женском отделении что-то неладно, вот они и моются первыми в мужском, а пютом уж ваш брат – кобельё. Ну да ничего, вишь, вон как проворно выкатил, чисто луноход!

Удлиненные сутки

 В прокуренной диспетчерской горноправдинской экспедиции царило обычное для конца месяца оживление. Водители, трактористы заполняли путёвки, подсчитывали отработанное время, и сдавали их деловито дымящей сигаретой и непомерно щедрой на непечатные выражения диспетчеру – Кристине Петровне.

Она, щурясь от сигаретного дыма, проверяла путевые листы и, если всё было заполнено правильно, подписывала, ложила их в отдельную стопку и выдавала команду:

– Всё, мазутик, свободен!

И тут подошла очередь сдавать свой драгоценный документ Алексею Ивановичу – здоровенному трактористу с перемазанным мазутом лицом.

– Прими, Хрестя, и мою писанину, – пробасил он, подавая путевые листы. Кристина Петровна взяла его бумаги и углубилась в подсчёты. Неожиданно брови нашей столоначальницы изумлённо приподнялись, и она грозно спросила:

– Ты что это здесь написал, чумазое мурло? У тебя же получилось в сутках двадцать шесть часов! На, исправляй, солидольный математик!

Алексей Иванович взял путёвки, отошёл к окну и глубоко-мысленно задумался. Наконец, тяжело вздыхая, он что-то исправил в своих бумаженциях и, с отрешённым взором, отдал

их диспетчеру. Та проверила и, положив путёвки, выдала свою неизменную команду. Тракторист же, глядя куда-то поверх головы Кристины Петровны, скорее всего, для себя, пробасил утвердительно:

– А что ты, Христя, не говори, а я всё-таки один хрен, обед прихватывал!

Аллах Акбар

 Майское небо весны две тысячи пятого года повисло хмурыми облаками над разлившимися речками и готовыми к пробуждению от зимнего летаргического сна лесами. Порывистый ветер легонько посвистывал пока ещё в безлистных ветвях осин и берёз и шумливо расчёсывал белёсую прошлогоднюю траву. Он также беспокоил зеркальную гладь воды, которая недовольно морщилась серой, под стать небу, рябью.

Неподалёку от воды, на небольшой поляне, горел костёр, а возле него, уютно устроившись на разостланном брезенте, лежали два рыбака – Александр и Федор. Перед ними красовались куски свежесваренной рыбы и стояло несколько бутылок водки. Чуть поодаль, выделяясь на траве чужеродным элементом, уже валялась опорожненная стеклотара.

И только наши герои лишили невинности вторую бутылку, как над поляной, словно подкравшись, завис вертолёт. А так как в наших местах всегда действует весенний запрет на вылов рыбы, то мужики сообразили, что это к ним пожаловали рыбнадзор с охотоведом.

Понюхавшие порошу в Афганистане Фёдор с Александром понимающе посмотрели друг на друга, схватили открытую бутылку, стаканы и со словами:

– Душманы здесь не пройдут! – кинулись под вертолёт. Сели, обнявшись, и стали, как ни в чём не бывало, наливать водку в стаканы. Вертолёт снизился метров до двух, но пилот, увидев, что ребята не намерены уходить, снова приподнял машину и перелетел на другое место. Однако бывалые вояки в мгновение ока снова оказались под вертолётном.

Пилот, сделав ещё три-четыре попытки приземлиться, понял, что ему здесь ни мягкой, ни твёрдой посадки совершить не дадут, поднял машину над лесом и повёл её восвояси, возможно, про-

клиная или восхищаясь мужеством рыбаков. А Фёдор с Александром налили по полному стакану, чокнулись и после слов:

– Аллах Акбар, Сашка!

– С Богом, Федюха! – выпили и пошли к костру закусить за-
прещённой к вылову рыбкой.

Система зажиганья

 В субботу сорокалетнего тракториста Василия ожидал длинный зимний вечер и предвыходная ночь. Ну, коли суббота, то непременно нужно сходить в баню и, как закон, принять во внутрь сто и более граммов спиртосодержащей жидкости.

Поэтому, предвидя, что пьянки не миновать, Вася предупредил жену:

– Мы сегодня с мужиками из нашей бригады договорились маленько клюкнуть после баньки, так ты не теряй меня, если задержка, панимаешь, получится.

– Смотри, панимаешь, – передразнила жена, – не наклюкайся, как в прошлый раз! – и, погрозив мужу кулаком, ушла в кухню.

Однако ни с какими мужиками Василий не собирался встречаться. Он сходил в баню, помылся и направил стопы своих блудливых ног прямо к одной безотказной вдовушке. Хозяйка радушно встретила желанного гостя. Собрала на стол закуску и вдобавок водрузила пару бутылок водки, при виде которых Василий мгновенно воссиял от радости.

Сели за стол, потрапезничали час-полтора, и тракторист, решив, что аккумулятор у него зарядился достаточно, пригласил вдовушку в постель. Не откладывая дело в долгий ящик, они погасили свет и легли. Но тут Васю постиг небывалый конфуз – то ли аккумулятор перезарядился, то ли наоборот, но система зажиганья у него отказала.

И что только не делали любовники – толку никакого. В конце концов, хозяйка, разозлившись, дала команду Василию:

– Убирайся отсюда и пока не отремонтируешь систему, чтоб духу твоего здесь не было!

– Ладно, пойду, – согласился тракторист и, одевшись, пошёл к выходу. Но только он взялся за ручку двери, тут же услышал, как, топнув ногой, вдовушка выдала новую команду:

– Вернись!

– А, чё? – обернувшись, спросил Василий.

– А давай ишо попробуем!

Два закадычных друга – Антон и Павел, решив отметить Международный женский день, купили три бутылки водки и подались к одной вдовушке, с которой в тайне друг от друга каждый не прочь был позабавиться.

Вышедшая на стук в дверь хозяйка внимательно осмотрела непрошенных гостей и, жмурясь от яркого солнца, насмешливо спросила:

– Ну, и что вам угодно, кобельеры?

– В общем и целом, – заискивающе улыбаясь, стал отвечать Павел, – пришли поздравить тебя и, э-э-э, в твоём лице (тут он многозначительно поднял палец) всё женское сословие с праздником.

– Ты нам закусончик приготовь, а пошло у нас своё, – добавил из-за спины друга Антон.

– Ладно, заходите, – пригласила хозяйка и пошла накрывать стол. И вскоре наши друзья, желая счастья всем дамам мира, уже поднимали рюмки. Первые две бутылки выпили довольно-таки быстро, но когда подошла очередь последней, то Павел, увидев, что предмет ихнего вожделения вышел в кухню, предложил Антону:

– Давай, Антоний, сделаем так – кто три раза подряд перетянет другого на пальцах, тот и останется с хозяйкой допивать последний пузырь, договорились?

– У матросов нет вопросов, – сыто икнув, согласился друг.

И началась нешуточная борьба, победу в которой с большим трудом одержал Антон. Он вышел из-за стола, плюхнулся на диван и, по-хозяйски развалившись на нём, захохотал, показывая пальцем на проигравшего пари друга. Такой тройной обиды Павел стерпеть уже не смог. Он подскочил к Антону и со словами:

– Ну, чё ржёшь, мериньё! – сунул указательный палец в широко разинутый рот Антона. «Мериньё» резко сомкнул челюсти и стал жевать попавшее ему в рот инородное тело.

Выбежавшая на шум хозяйка быстро оценила ситуацию и тут же вытолкала обеих «кобельеро» за дверь, и им ничего не осталось другого, как пойти: одному домой, другому в больницу. Там Павлу сделали рентген, и хирург, несмотря на возражения пациента, ампутировал ему палец. И, конечно, после этого случая закадычные друзья стали почти что врагами.

Однажды вечером, сидя на крыльце, Павел, увидев проходившего неподалёку с сигаретой в зубах бывшего друга, поднял руку с обрубком пальца и громко выкрикнул:

– А чё ты не здороваешься, людоед!?

Но «людоед», как будто это его не касается, невозмутимо прошёл мимо, и только сгустившийся сигаретный дымок, говорил о том, что язвительное посланье владельца руки с недостающим пальцем достигло цели.

Кусачки

 Проснулся Гоша среди ночи. Его слегка подташнивало, и мучительно хотелось пить. Оглядев при слабом льющемся через небольшое оконце лунном свете незнакомую комнату, он стал ворошить архивы своей похмельной души. И только когда Гошин взгляд остановился на стоящем против окна стареньком комод, его осенило, что он находится в гостях у тётки. Зятёк, поставившая, встал и, сориентировавшись в обстановке, решил испить водицы. Нашёл на столе кружку, взял её и пошёл к бачку с водой, попутно выплеснув содержимое в помойное ведро. Погремев крышкой, зачерпнул полную посудину, на его счастье, холодной воды и, притушив полыхающий пожар похмелья, довольный отправился досыпать.

Уже рассвело, когда Гоша, услышав скрип половиц и ворчанье тётки, открыл глаза. Он тут же вскочил, взял знакомую кружку и, утолив жажду, направился было возлечь на отведённое ему ложе, но был остановлен вопросом тётки:

– Зятёк, ты мои кусачки не видел?

– Какие кусачки? Плоскогубцы, что ли ?

– Да нет, зубы.

– А где они были?

– Да вон в той кружке, – показала тётка на только что поставленную им посудину,

– Что-о?!!! – взревел Гоша и, схватившись за живот, стремглав выбежал на улицу.

Вернулся он минут через пять и, вытирая слёзы, изрёк болезненным голосом:

– Если твои клыки были в этой зелёной кружачии, то я их выплеснул вместе с водой в помойное ведро.

– О, Господи, я же из ведра вылила всё на улицу! – воскликнула тётка и, накинув какую-то одежину, ринулась искать пропажу.

Вскоре она вернулась и, сияя улыбкой, показала зятюку найденные зубы. Но Гоша резво отвернулся к стене и, сдерживая рвотные потуги, мстительно подумал:

– Жаль, что ты нашла свои «кусачки», тёща без зубов – это, считай, двойная выгода – ела бы меньше, да и на меня бы пореже скалилась.

Двойной испуг

В поселковом клубе вовсю гремела музыка, и народ, встретивший горячительными напитками Новый год, самозабвенно танцевал. Так же в такт музыке легонько покачивались нарядные ветви установленной посередине зала ёлки.

В общем, танцевали все, кроме Толика, паренька лет пятнадцати-шестнадцати, который сидел в сторонке, смотрел на танцующих и напряжённо замышлял натворить такое, чтоб эта новогодняя ночь надолго всем запомнилась. И тут неподалёку от него собрались разгорячённые танцами девчонки, которые, немного пошептавшись, договорились пойти прогуляться по посёлку.

– Ночь уж больно хорошая, – добавила одна из них.

– Ишь ты! Погулять захотели! Пойду-ка я, пугну их маленько! – тут же решил Толька и, прихватив забытую кем-то устрашительного вида маску, выбежал на улицу...

А ночь была действительно хороша: до бесстыдства обнажённая луна чувственно источала ровный желтоватый свет, и звёзды, радостно перемигиваясь, поздравляли её с Новым годом, и вдоль дороги кое-где тускло серебрился непритоптанный снег. С восхищением, любуясь сказочностью ночи, Толя быстро вышагивал по дороге, в то же время, огорчённо поглядывая на луну, размышлял:

– При таком освещении и спрятаться-то негде.

Однако вскоре он увидел неподалёку поленницу дров, которая отбрасывала слабую тень.

– Здесь мы и устроим засаду, – решил паренёк и, вывернув полушубок, надел его. Затем достал из-под полы пиджака прихваченную из клуба маску чёрта, нацепил её и, прижавшись к поленнице, затаился.

В это время в стоящем рядом доме скрипнула дверь, и к поленнице быстрым шагом направилась старуха, приговаривая:

– Ой-ё, ой-ё..., до таалета, однако, не донесу, придётся у дров опростаться!

Она зашла в тень поленницы, развернулась и, сдёрнув панталоны, присела, почти задевая кормой внушительных размеров Толика.

– Как бы мне под струю не попасть, – подумал он и отодвинулся, скрипнув снегом. Бабка молниеносно обернулась, увидела нечистого, вскочила и, заполошно крестясь, со словами:

– Ой, батюшки-святители, чёрт! – кинулась, не надевая панталон, к дому. Однако сделать она успела всего два шага и, запутавшись в одежине, упала. Дальнейшее продвижение бабка осуществляла уже на четырёх лапцах.

Толька, подумав, что бабка может и простудиться, догнал её и, приподняв маску, выдал скороговоркой:

– Это я, не узнала меня, что ли, а, баба Луша?

– Изыди, сатано, – не останавливаясь, взмолилась старуха, – не про тебя моя душа! – и вскоре исчезла в проёме двери.

– А, ладно, отмолится, – махнул рукой Толька, – вон девки, однако, подошли. Уж этих-то я пугну как следует!

Шуры-муры

 Как-то летом Гоше – капитану маломощного двадцатисильного катера, жена дала задание – сходить по-приезде в Горноправдинск на квартиру к медработнице и сказать, что она может приехать в Бобровку на его тихоходной лоханке.

– Но, но, попрошу не оскорблять мою быстроходную яхту. Как-никак, а пять-то километров в час она даёт, – отпарировал, улыбнувшись, капитан и, закурив, подался на работу.

В Горноправдинске Гоша закрыл рулевую рубку на замок и неспешно отправился выполнять поручение жены. С трудом отыскав среди улочек и переулков двухэтажный дом, капитан негромко постучал в дверь с нужным номером.

Вскоре послышались шаги, щелкнул замок, и в дверном проёме показался молодой парень, вопросительно уставившись на Гошу.

– Здесь живёт зубной врач? – спросил кэп.

– Да.

– Слушай, паренёк, как только твоя мать появится дома, то передай, что я жду на берегу, чтобы отвезти её на своём быстром лайнере в Бобровку.

Гоша закурил и, пустив дым в прокопчённый потолок коридора, мечтательно добавил:

– А ты знаешь, как хорошо с твоей матерью ездить в наш посёлок. Бывает, дорогой с ней маленько выпьем, песню какую-нибудь споём, но и, конечно, всякие там шуры-муры.

Капитан помолчал, вздохнул и после слов:

– Так, смотри, не забудь, передай матери-то, а то у вас, молодых, одни девки на уме, – повернулся и неторопливо пошёл к выходу.

– Ладно, передам я ей про ваши шуры-муры, – буркнул ему вслед каким-то странным голосом паренёк.

Возвратившись на катер, капитан уютно устроился на верхней палубе и, надвинув на лоб памятую фуражку с сильно потемневшим «крабом», задремал. Очнулся он от чувствительного удара дамской сумочкой по голове – перед ним стояла медработница и, не переставая наносить сокрушительные удары, приговаривала:

– Получай, щучий твой нос! Ты про какие это шуры-муры наговорил, лягушачий капитан, моему мужу!? Отвечай, водная твоя душа, а то за борт выброшу!

– Кому-у? Мужу? – защищаясь и отступая к машинному отделению, удивился кэп.

– Да, мужу, чёртов Врунтель! Как ты думаешь, сколько мне лет, а? – наступала женщина.

– Столько не живут! – осклабился было капитан. Но, получив очередной удар по увенчанной «крабом» «тыковке», скрылся в машинном отделении.

Вскоре он завёл громогласный двадцатисильный двигатель, дал катеру задний ход и, отвалив от берега, направил свой «лайнер» с крейсерской пятикилометровой скоростью в сторону Бобровки.

Глухарь

Дождливым осенним днем по лесовозной дороге быстро катил, разбрызгивая за собой комья грязи и выхаркивая из выхлопной трубы чёрный дым вперемежку с искрами, гусеничный тягач.

Наверху сидели мужики с ружьями и зорко следили – не вылетит ли какая-нибудь дичина. Когда они потеряли всякую надежду на удачную охоту, неподалеку взлетел глухарь и сел на ёлку. Охотнички мгновенно открыли по нему беглый огонь, и глухарь, поднявшись с лесины, спикировал в траву. Тягач остановился, и все, перезаряжая на ходу ружья, кинулись искать подранка.

Спрыгнул с открылка тягача и водитель – Гоша.

– Пойду-ко и я, разомну ноги, – решил он и, выломав прутик, пошёл, непринуждённо посвистывая, вслед за охотниками. Вдруг Гоша резко остановился, прямо перед ним, под ёлочкой затаился глухарь.

– Вот он! – крикнул охотникам Гоша, показывая прутиком под лесинку.

Однако напрасно он это сделал – глухарь, поняв, что терять ему уже нечего, выскочил из засады. Глаза и брови у него от злости налились кровью, он весь расфуфырился и, яростно шипя, кинулся на водителя.

Гоша мгновенно развернулся и, крикнув:

– Помогите! – рванул к тягачу.

Глухарь, вытянув шею и яростно шипя, побежал за ним. Кто-то из охотников выстрелил вдогонку, и дробь щёлкнула по сапогам Гоши.

– Опойки! Вы в кого стреляете?! – крикнул он и, подумав. – Теперь моя очередь прятаться, – упал на кочку.

Глухарь, видимо, поняв, что обстоятельства изменились не в его пользу, пробежал мимо притаившегося водителя, и кто-то из охотников протопал за ним.

Гоша подождал немного, а затем поднял на прутике свою кепку из-за кочки и, убедившись, что никто не стреляет, встал и, облегчённо вздохнув, направился к своему транспорту.

Вскоре охотники всё-таки добыли глухаря и подошли к тягачу.

– Вам только по бутылкам стрелять, – встретил их Гоша, – а если бы заряд пришёлся выше?!

Он нервно передёрнул плечами и завёл двигатель. Мужики расселись по своим местам, и тягач, лязгая на поворотах гусеницами, продолжил свой путь.

По реке тащил баржу буксирный пароход. Он не утомимо шлёпал плицами по зеркальной глади воды, надолго оставляя после себя пологие волны и серый, постепенно рассеивающийся дым. На пароходе и на барже тускло отливали под осенним солнцем штыки уезжающих на север белогвардейцев. Хмурые солдаты стояли, лежали, кто-то сидел и курил, с тоской глядя на покидаемую ими навсегда реку с песчаными косами и обрывистыми берегами.

Неожиданно с правого лесистого берега по каравану началась ружейная стрельба. Это мужики из деревни Чёрный Яр решили оказать помощь Советской власти и нанести невосполнимый урон вражескому войску. Однако сделать из своих шомпольных ружей они успели лишь по два или три выстрела. Бывалые солдаты быстро развернули и навели стоящую на корме пушку, и так лупанули по берегу, что даже деревья попадали.

Увидев такую разруху, сопровождаемую ужасным грохотом, мужики побросали ружья и побежали куда глаза глядят. Сгоряча они промахнули свою деревню и уже в лесу, отдышавшись, рассудили, что дома им оставаться опасно и будет лучше уйти в глухую деревню, находящуюся километрах в сорока от места великого сраженья. И уже в сумерках, несмотря на осеннее бездорожье, добровольные помощники Советской власти были на месте.

Жили они там целую неделю и только к началу следующей, поздно вечером, вернулись домой. Зашли в крайний дом и спросили у жившего там одинокого деда про белогвардейцев, и не искали ли они их.

— Да пароход даже ходу не сбавил — как шёл, так и прошёл, — объяснил дед, усмехаясь в бороду, — кому вы на хрен нужны, такие храбрые лыцари. Говорят, скоро ишо один пароход с беляками пойдёт, можот, упеть стрельните, ружья-те ваши прибрали, да и прямым ходом на Лункой, дорога-та теперича, слава Богу, вам хорошо знакома!

Испытатель

Славка сделал поджиг и, осмотрев изделие на расстоянии вытянутой руки, остался весьма доволен. – А сейчас самое главное – это провести испытания, – подумал он и вытащил из кармана полнѣхонький коробок спичек. Наскоблил серу и, засыпав в ствол гремучую смесь, крепко уплотнил гвоздѣм бумажный пыж.

Зарядив оружие, стрелок стал высматривать мишень, чтобы ахнуть в нее из своего самопала. В это время к нему подошёл соседский парень и спросил:

– Чем заряжен?

– Только сера со спичек и бумажный пыж, – ответил Славка.

– Ну, тогда стреляй, – подставил зад сосед и скептически добавил: – Я в армии всякого оружия насмотрелся, а твой самопал – это просто фукалка. Из него даже муху не убьѣшь.

– Дело твоѣ, смотри-и-и..., – сомнительно протянул Славка и направил ствол на задницу соседа.

– Смерть немецким оккупантам! – воскликнул испытатель оружия и поджѣг запал.

Грохнул выстрел, парень упал, но тут же вскочил, хромя, с воем побежал домой. Вскоре, нарушая воем сирены покой тихой улочки, подкатила «неотложка», и парня увезли в больницу.

Утром, когда Славка сидел на уроке, в класс заглянул милиционер и, отыскав взглядом его притаившуюся за спинами товарищей фигуру, позвал на выход. В милиции его допрашивали целый день, даже с собакой выезжали на место происшествия, но он гнул своё – дескать, нашѣл самопал и решил его испытать. Наконец, стражам порядка надоело с ним возиться, и они, наградив Славку парой подзатыльников, выгнали его вон.

Выскочив на кособоко пристроенное к зданию милиции крыльцо, он, наслаждаясь свободой, облегчѣнно вздохнул.

– Эх-ма, закурить бы сейчас! – мечтательно осмотрелся Славка и тут же увидел на перилах крыльца источающую нежную струйку дыма сигарету. Он быстро схватил её и блаженно затянулся.

В это время к крыльцу подошли два сотрудника с носилками, полными самопальными оружия, и, поставив их на асфальт, зашли в здание. Славка сначала безразлично посмотрел на этот

арсенал, но тут его внимание привлёк самопал, внешне напоминающий винтовку. Наш оружейный конструктор заинтересованно спустился с крыльца и, воровато оглянувшись, склонился над носилками.

– Интересно, заряжен он или нет? – подумал Славка, прикладывая окурки к зажигательному отверстию...

...Ухнуло так, что из дежурки, держась за кобуру и пригибаясь, с испугом выскочил милиционер.

...На остановку автобуса Славку провожали с почётом. Два мента вели его под руки и, изредка угощая пинками, напутствовали:

– Больше нам никогда на глаза не попадайся, «Ворошиловский стрелок»!

У Гаврила Захарыча из деревни Луговая Суббота была мотолодка со стационарным мотором марки «Л-6». Прежде, чем поведать о всех перипетиях, случавшихся с его лодкой, следует сказать несколько слов о самом хозяине этой посуды.

Это был толстый (что для деревни в те времена большая редкость), средних лет, всё время занимающий какие-то руководящие посты человек, к тому же он не выговаривал букву Л. В последнее время Гаврил Захарыч работал начальником почты, а посему деньжонки у него, в отличие от остального колхозного крестьянства, водились всегда. Это обстоятельство и привлекло внимание жившего неподалёку от стоянки его мотолодки тракториста Вениамина, которого в деревне все звали Венком.

Гаврил Захарыч, бывало, любил в субботу после бани, подвыпив, покататься на лодке. Но с какого-то момента, именно в субботу, мотор на его лайбе заводиться не стал. Наш капитан-механик крутил заводной рукояткой двигатель до изнеможения. Он раскачивал лодку так, что по воде шёл вал и пот летел по обеим бортам посуды. А так как Захарыч в технике был профан, то и шёл, в конце концов, на поклон к трактористу:

– Свущай, Венко, что-то «ЭВ-6» у меня опять забарахлив, не заводится, посмотри, в чём дево?

– Мне, вообще-то, некогда, – для вида «ломался» Венко, – ну да ладно, пойдём.

Он с деловым видом вывёртывал свечи, чистил их, ставил на место, смотрел клапана, а потом незаметно вытаскивал из контактов магнето сунутую им же туда накануне бумажку. Затем, крутнув двигатель, легко заводил его.

– Ну, свушай, моводец, – восхищался Гаврил Захарыч, – зовотая говова!!!.

После этих слов наш капитан шёл в лавку и покупал бутылку, которую они с «зовотой гововой» благополучно распивали.

И так повторялось до тех пор, пока, наконец, владелец лодки не понял, что дело тут не ладно. Он быстро соорудил железный короб и закрыл им мотор на замок – «ЭВ-6» ломаться перестал.

А тут как-то поехал Гаврил Захарыч с женой – Физой, в соседнюю деревню Шалимово ва лесом для постройки бани, заготовленным ещё по зиме. На месте капитан зацепил сплочённый на воде лес и подал конец верёвки Физе. Завёл мотор, дёрнул плот – жена, конечно, не удержала каната, и так до двух раз. Когда муж предпринял третью попытку буксировать лес, то Физа примотнула верёвку за рукоятку руля и, естественно, «крейсер» врезался в берег. Тут нервы вспотевшего капитана дальнего плавания не выдержали, и он закричал на жену:

– Вывазь к едрене матери, рулевое упеть присева!

– Держи сам, толстопузой! – огрызнулась жена и подала ему верёвку.

Гаврил Захарыч, матерясь на весь свет, привязал канат к шпангоуту лодки, и вскоре караван, ведомый опытной рукой капитана, скрылся за поворотом реки.

Кита́йский плацкарт

 Хмурым октябрьским утром пассажирский поезд Уренгой – Казань неторопливо катил в сторону конечной станции и, монотонно постукивая на стыках, отмерял свои железные километры. Так же неспешно навстречу ему летел и летел крупными хлопьями редкий снег и падал где-то позади состава, устраиваясь на зимовку.

Едущие в этом поезде пассажиры одного из плацкартных вагонов, в основном, оттрубившие свою смену вахтовики, просыпались, как бы не хотя, постепенно: кто-то курил в там-

буре, равнодушно посматривая в окно, кто шёл умываться, накинув казённое полотенце на хмельную голову. Некоторые ещё спали, беззаботно дыша тяжёлым перегаром в плацкартное нутро вагона.

Но вот один из вахтовиков, спавший на «боковушке», продрал свои похмельные глаза и, приподняв обросшее рыжей щетиной одутловатое лицо, недоумённо уставился на окружавших его пассажиров. Видимо, он помнил, что ехали с ним люди европейского обличия, а теперь всё купе было забито китайцами, которые, обложившись баулами и сумками, деловито беседовали меж собой на родном языке.

Работяга, отбросив одеяло, сел и, не отрывая удивлённого взгляда от сидевшего ближе к нему китайца, спросил хриплым, но довольно-таки громким голосом:

– Товарищи китайцы, скажите мне, как хоть ваша станция называется?

«Товарищи китайцы» поначалу притихли, но когда один из них перевёл его сокроментальную фразу на родной язык, дружно захохотали.

– Вот ведь косоглазый народец, до чего непонятливые, мать вашу так, толком объяснить не могут, как у них, в этом чёртовом Китае, станции называются, – недовольно пробурчал пассажир с «боковушки». И тут он увидел проходившего мимо со товарища и, обрадовавшись ему, как родному, спросил, кивая на китайцев:

– Лёха, будь добрый, скажи, мы, что, по Китаю едем?

– Ага, – ощерился Лёха, – Шанхай проехали, сейчас Пыть-Ях будет, однако.

– Пыть-Ях, Пыть-Ях, – опустив голову, тяжело задумался обладатель рыжей щетины, – что-то знакомое.

Наконец, взгляд его просветлел, и он, снова уставившись на «товарищей китайцев», захохотал, повалившись на подушку. Угомонившиеся было китайцы дружно поддержали его. А вскоре, узнав из-за чего содрогаются от смеха «китайское купе», захохотали и соседи по вагону.

...А поезд продолжал равнодушно отмерять свои железные километры, отмечаясь монотонным стуком, на каждом рельсовом стыке. И вскоре сквозь редкую пелену летящего навстречу снега стали просматриваться первые постройки «китайской станции» Пыть-Ях.

Опытные наблюдатели

 По деревенской улице, лениво отмахиваясь хвостами от редких паутов, шло стадо коров. Впереди, низко опустив могучую голову, шествовал бык. Тут же, слегка поднимая пыль, бычки что поменьше гоняли нетель. Иногда они пробегали мимо коровьего предводителя, но он не обращал на них никакого вниманья.

На скамейке сидели довольно древнего вида три бабки и внимательно следили за проходящим мимо них скотом. И тут одна из старушек, странно поелозив старой кормой по скамейке, завела разговор:

– Нет, деушки, скажу я вам, бык-то американскому Клинту и в подмётки не годится. Нисколько не сексуальный стал, наверно, минять уж его надо.

– Ладно, хоть другим не мешат делать приятное дело, – вникла другая.

– А ведь верно, не сказал бы, да скажешь, – свою лепту внесла в разговор третья бабка, – вот у миня мужик был, дак главной-то орган у его рано на полшестого стал показывать. А за мной следил, царство ему небесное, как ястреб за клушкой. Но нечего, когда мне удавалось поймать кайфу на стороне, то я своего благоверного неделю блинами с маслом кормила. Он, конечно, ел, но посматривал на миня шибко подозрительно.

Бабки замолчали и продолжили участливо следить за бычками, неутомимо гонявшими нетель.

ТВ (тяжелый бомбардировщик)

 Стоял конец июня, было тепло. В это время ехали как-то мы с братом и мать на телеге вдоль поля, засеянного озимой рожью, которая игриво волновалась под упругими струями ласкающего ветерка... Дело было то ли в пятьдесят шестом или седьмом году прошлого столетия, впрочем, суть не в этом.

– Ребятишки, смотрите, шершневое гнездо, – как бы между прочим заметила мать, когда мы проезжали мимо

старого засохшего дерева. И действительно метрах в трёх-четырёх над землёй, под толстым, похожим на показывающую вдаль руку суком притулилось солидное (размером чуть ли не с кринку*) шершневое гнездо.

Мы с братом подошли, я взял палку и ткнул ею в жилище, и стали ждать, что будет дальше? Потревоженный ангар загудел, и оттуда один за одним, с тяжёлым злым жужжанием, стали вылетать похожие на гружёных бомбардировщиков шершни. Если кто не видел их, то я поясню: они почти такие же, как осы, только гораздо больше. Ну, как минимум, с дамский мизинец величиной.

...Поняли мы с братцем, что спасти нас могут только ноги... Гошка, с завидной резвостью, чесанул вдогон уже отъехавшей довольно далеко телеге. А я, как сейчас понимаю, – по глупости, побежал по озимому полю. На котором, естественно, простор. Ну меня и заметил один из «мессершмитов» – догнал и так саданул в затылок, что я мгновенно упал в рожь.

Когда поднялся, то «бомбардировщик» с победным облегчённым жужжанием возвращался к своему ангару, а у меня тут же вздулась на затылке объёмная шишка, которая рассосалась только к следующему утру.

А ещё мне однажды рассказал коллега по работе, как он нечаянно потревожил шершневое гнездо. Приехали они с другом на рыбалку в д. Шалимове. Деревни, как таковой, уже не было, а вот вдоль речки стояли несколько коптилен, но ими давно никто не пользовался.

Выставили сети, развели костёр, а Игорь (коллега) от нечего делать стал ходить от одной коптильни до другой и шуровать внутри прутиком. Неожиданно у второй установки он взревел и, попятившись, упал. Когда Игорь подошёл к огню, то его лицо уже начало опухать. Как оказалось, он потревожил шершневое гнездо, и один из обитателей «поздоровался» с ним между глаз.

Через час бедолагу было уже не узнать: глаза заплыли так, что только по бровям можно было догадаться, где они находятся. И чтобы видеть белый свет, он вставил спички, как бы придерживая ими веки. Без смеха смотреть на его «раздобревшую» рожу было невозможно, особенно когда он закуривал...

* Кринка – сосуд для молока (прим. автора)

День рождения

Теплым майским вечером, решив отметить день рождения жены, Леонид Фёдорович собрал гостей. Когда уселись за столы, хозяин встал и, видимо, желая подчеркнуть, что ему знакомы правила светского этикета, выдал тост: «Но ладно, Татьяна, вечная память!»

Гости изумлённо уставились на хозяина. Однако Татьяна – грузная пятидесятилетняя женщина со свекольным цветом лица и гнусавым голосом, не растерялась, чокнулась с мужем и пожелала с пафосом:

– И тебе, Лёушко, земля пухом!

Дружным хохотом оценили гости ответ хозяйки и выпили за её здоровье.

Постепенно и гости, и хозяева нагрузились, как говорится, по самую ватерлинию. На этой вечеринке гулял и мой отец. Когда он достиг того состояния, при котором, кроме чужих жён, никого и не замечаешь, папаня стал оказывать всяческие знаки внимания хозяйке дома. Он: то пытался с ней танцевать, то украдкой прижимал, наивно полагая, что никто этого не замечает.

И всё же его донжуанство заметил-таки родственник хозяина, Александр. Вскоре мой отец вышел на заднее крыльцо, то ли покурить, то ли по иной надобности, а следом хозяйка по своим делам. Туда же потянулся и Александр. Он покурил и, зайдя в дом, решил разыграть Леонида Фёдоровича.

– Ты вот тут сидишь и ничего не знаешь, а дядя Миша на заднем крыльце тётю Таню щупает! – горячо стал нащёптывать он хозяину.

– Ох, ёж твою мать, и как я просмотрел! Ведь красившее её, в деревне нет ни одной бабы! – пьяно прокричал он и, схватив себя за волосы, стал раскачиваться, с каким-то волчьим подвывом.

– Что с тобой? – подойдя с тарелкой холодца, спросила жена.

– О, ты тут!? – воспрял Леонид Фёдорович и потянулся к жене с рюмкой. – Давай выпьем, Татьяна! Вечная память!

– Земля пухом! – поддержала тост хозяйка.

Было довольно поздно, и в посёлке установилась относительная тишина. Относительная потому, что где-то, нет-нет, да и гавкнет, нехотя, собака, или хлопнет отпущенная неаккуратной рукой калитка. Казалось, что даже садовые деревья создавали тишину – вернее, прислушивались к ней.

Но вот неподалёку с лёгким скрипом открылась и закрылась входная дверь, и послышались грузные шаги – это директор лесоучастка вышел подышать вечерней прохладой перед сном. Он постоял, послушал и, как бы удивившись тишине, решил:

– Пойду-ко я проверю сторожей, что-то уж больно тихо.

Первым попавшимся объектом на его пути оказалась будка сторожа возле магазина. Когда директор заглянул внутрь, то увидел на раскинутом прямо на полу матрасе сладко спящую сторожиху. Он неслышно снял пиджак, накинул его на голову охраннице и, придавив ее туловищем, стал ощупывать интимные места. Сторожиха мычала, охала и, пытаясь вырваться, отчаянно махала руками и дрыгала ногами.

Наконец, директор отпустил сучившую ногами охранницу и пошел, предупредив:

– В следующий раз, если будешь спать, сделаю с тобой кое-что посерьёзнее.

– Напугал кобеля буханкой! – крикнула вдогонку сторожиха – Да в следующий-то раз я сразу спать завалюсь! Так что – милости просим!

Директор махнул рукой и пошёл проверять другой объект. Там он, предполагая, что сторожиха тоже спит, потихоньку открыл дверь, но женщина сидела за столом и вязала шарф. Она на миг приостановила работу, поздоровалась и снова уткнулась в своё рукоделье. Чтобы как-то оправдать свой визит в столь поздний час, проверяющий поинтересовался знанием своих обязанностей сторожихой:

– А вот, что ты будешь делать, если на тебя нападут?

– У вороны одна оборона, – ответила, не поднимая головы, женщина, имея в виду, что отбиться можно только женскими прелестями.

– А вдруг я нападу?

– Э, нет! Ты лицо официальное, и поэтому не имеешь права. Вот если придёшь среди ночи, да возьмёшь чего-нибудь горячительного, может быть, тогда и прорвёшь оборону.

По дороге домой в директорской голове промелькнула и застряла где-то в глубине души греховно-деловая мыслишка:

– Почаще, однако, надо проверять эти объекты и причём по очереди. А инспекцию проводить ночью, бдительность у охранниц наверняка притупится, и я прорву оборону.

Талант

В нашей деревне одно время жил Иван Петрович – мужик, про которых говорят – тёртый калач. Он успел побывать на войне, точнее, около неё, так как заведовал армейскими складами, и к тому же Иван Петрович был интересный собеседник. Но особенно поражало его умение замысловато (я бы сказал, талантливо) ругаться. И мы, пацаны, частенько с восхищением слушали, как он иногда «косарил» какого-нибудь деятеля вместе с роднёй до седьмого колена. Так же удавалось разозлить его и вызвать на ругань Федьке – рыжему пареньку лет четырнадцати.

Бывало, он в вечернее время, натягивал проволоку около его крыльца и, подкравшись к окну, стрелял из ружья в воздух. Иван Петрович выбегал из дома, запинаясь, падал на траву и, ещё не успев подняться, крыл Федьку такими эпитетами, что нам оставалось только диву даваться – из каких закоулков памяти он их добывал.

– Ах ты, Махно конопатое! Врангель недобитой, скырла востробрюкая! Чтобы тебе черт лепёшки пёк и карасином смазывал! Болдуин ты эфиопской, турецкой паша – Опполхреномбей, яскозобистая ты рыба рожка! – орал он.

А тут, как-то по утру, увидев, что Иван Петрович повёл привязывать бычка, Федька одел сильно шумевший при ходьбе прорезиненный плащ и, спрятавшись за копной сена, резко хлопнул полами. Бычок с испугу дёрнул за верёвку, Иван Петрович упал, а неизменный атрибут его одежды – засаленная председательская фуражка – отлетел в сторону. Он сел и, одной рукой удерживая верёвку, а другой пытаясь достать неразлучную фуражку, стал «поливать» бычка:

– Стоять! Хлобысь твою в попа, в царя, в губернатора, мать!
– Хорошо излагает, – подумал Федька и, выйдя из-за копыны, поздоровался.

– Здорово... – начал было отвечать Иван Петрович, но бычок опять дёрнул, – а, чтоб тибя, травяная пуза! Смирна стоять, прошмандей лихоимной, рогатое отродье, фуфлыган хвостатой, востряк тебе в копыта-те!

Федька, непринуждённо насвистывая, отправился восвояси, при этом старался как можно сильнее шуметь плащом.

Пуще прежнего встревоженный бычок забегал, задравши хвост, вокруг Ивана Петровича, а тот, сверкая лысиной, поворачивался на пятой точке опоры и крыл его последними словами. До слуха довольного Федьки ещё долго доносилось что-то про архиреев, архангелов, про Колчака и даже про Врангеля вместе с Деникиным.

Главное дело

 Мастер газовой службы со товарищи в одной из квартир подключали к трубопроводу кухонную плиту. Они подробнейшим образом объяснили и показали хозяину, в каком порядке нужно зажигать и гасить эту установку, как-никак, газ дело нешуточное – может и взорваться.

– Смотри, Витя, и запоминай, – поучал хозяина мастер, – показываю в последний раз: сначала открываешь основной кран, потом зажигаешь спичку и, повернув одну вот из этих хреновин, получаешь огонь на камфорке. Всё понял? Ну давай теперича сам.

Виктор согласно кивнул головой и, приговаривая:

– Мы люди с понятием и уж в двух-то кранах разберёмся, – быстро зажёл газ.

– Ну, а сейчас гаси, – дал команду инструктор.

– Гасить – не зажигать, и чего тут понимать, – удачно срифмовав, скороговоркой выдал хозяин. Он повернул выключатель, погасил огонь и, не закрыв основной кран, быстро отошёл от плиты. При этом его лицо выражало, если не пренебрежение, то уж превосходство над специалистами – наверняка.

– Ну и какое главное дело ты не сотворил? – требовательно прищурясь, спросил инструктируемого мастер.

– О, да! Конечно, мужики! О чём речь!? – и он, круто повернувшись, «нырнул» в холодильник. Так же торопливо прикрыл коленом дверцу, прошёл к столу и, водрузив на него бутылку водки со шматом сала, пригласил:

– Садись, газовая служба – обмывать будем!

Но «газовая служба» издавала какие-то странные звуки и за стол не спешила, Виктор в недоумении обернулся и замер, уставившись на газовиков: слесарь, облокотившись на плиту, тряся в беззвучном хохоте, а мастер жалобно всхлипывал сквозь смех, притулившись к стене.

Когда хозяину объяснили, с трудом, из-за чего сыр-бор – хохотали уже втроём. Смеяться-то смеялись, но «главное дело» обмыли так, что «газовая служба» пошла домой с песнями.

Восхвалил

 Шел третий день фольклорного фестиваля, когда два поэта пришли в одно учреждение на творческую встречу.

В небольшом уютном холле собралось десятка два-три сотрудников, среди которых броско выделялась одеждой и миловидным лицом со вздёрнутым носиком интереснейшая особа средних лет.

Пожилой Макарыч осмотрел опытным взглядом старого ловеласа собравшуюся публику, и сразу наметил для себя даму сердца. А Сергей, хотя и был гораздо моложе своего коллеги, так же имел немалый опыт в амурных дедах и тоже наметил женщину, способную ублажить его поэтическую натуру.

Первым выступал Макарыч. Он самозабвенно читал стихи, с вождедением глядя на избранницу, толкал какие-то речи, и, в конце концов, дама стала посматривать на него с интересом. Как только Серега понял, что они с напарником охмуряют одну и ту же сударушку, то решил избавиться от соперника проверенным методом. И когда пошла очередь выступать, то он начал свою речь с «восхваленья» Макарыча:

– Прежде, чем читать свои стихи, я хочу сказать несколько слов о нашем поэте-патриархе, – картинно показал рукой на сподвижника Серега, – он стал писать, когда мы все, сидящие здесь, еще под стол пешком ходили. И сейчас, несмотря на свой доисторический возраст, он обладает феноменальным здоровь-

ем: почти каждую неделю крепко выпивает, да и в женщинах недостатка не имеет!

После этих слов симпатичная мадам многообещающе улыбнулась уже Сереге. А он, окрыленный вниманием красавицы, завершил разгром амурного соперника убийственной фразой:

– Так пожелаем ему быть неутомимым в любовных делах, и творческих успехов тебе, Макарыч, на следующую сотню лет!

Собравшиеся дружно поддержали аплодисментами эмоциональное выступление оратора. Макарыч благодарно кивал головой, изображая на лице дежурную дипломатическую улыбку, а сам, глядя на Серёгу, мстительно думал:

– Ну, погоди, молодой гвездырь! В следующий раз первым выступать будешь ты, а я уж в долгу не останусь!

Дружественный визит

 В один из погожих июльских дней, после обеда, когда ласковое умиротворяющее тепло разлилось по деревне, мой отец решил совершить ознакомительную поездку. Конечной целью маршрута предполагался дружественный визит к туристам, недавно поселившимся на другой стороне речки, поблизости от деревни. Решение было принято под воздействием тоже разлившейся по отцовскому телу благодати, полученной им от выпитой изрядной доли спиртного.

Отец поставил в перемётку «Спидолу», врубил её на полную громкость и поехал, весело поглядывая по сторонам. Туристы, услышав музыку, с любопытством подошли к речке. Лихо, причалив к берегу, отец встал во весь рост и, покачнувшись, ухнул всем телом за борт. Охая и рывкая, как медведь, он, весь в иле и тине, стал выбираться на сушу. Кто-то из туристов забежал по берегу, пытаясь ему помочь, а другие в это время со смехом фотографировали финальную часть дружественного визита. «Спидола», оставшаяся в лодке, невозмутимо продолжала петь голосом Руслановой:

– Поедем, красotka, кататься...

Отец с грехом пополам сумел-таки влезть назад в лодку.

– Ты ишо, пигалица, тут визжишь! – остервенело ткнул выключатель и, оттолкнувшись, направил нос своего крейсера в домашнюю сторону.

– Ты что, к туристам-то в одежде и с радиовом в зубах плавал? – встретила его дома мать.

– Тибe бы эдак-ту поплавать! Дайке, лучше, сухие кальсоны и налей чего-нибудь для сугреву, а то дрыбаган колотит, – сурово выдал отец. Он переоделся, выпил бражки и отправился спать. А дружественный визит, видимо, откладывался на более удобное время.

Память победы

 Иван поехал в гости к родственникам в посёлок Болчары. В свои тридцать лет он отслужил в армии, женился, развёлся, имел работу и потерял её. И сейчас находился в состоянии полной независимости, в чём, наверное, по-своему был счастлив.

Прилетев в Ханты-Мансийск, Иван сел в автобус и поехал искать квартиру, где его должен был ждать родственник, чтобы увезти в посёлок. Понадеявшись на свою феноменальную память, Иван поленился достать блокнот с адресом, а просто стал следить из автобуса за мелькавшими номерами домов.

– Ага! Вот и мой номерок, выходим-с, – решил он и, подняв внушительных размеров сумку, вышел на остановку.

Дверь ему открыл незнакомый мужик.

– Ты кто и откуда? – спросил он.

– Иван из Нягани. Меня здесь родственник должен был ждать, правда, он говорил, что может уехать в Нялино.

– Да, у нас укатил туда сегодня один товарищ. Давай раздвайся и проходи.

Иван зашёл в кухню и, познакомившись с сидевшими там мужиками, сел за стол. После третьего стакана водки его стало глодать сомнение – хозяина он хорошо знал, а здесь все незнакомые. И тут его осенило:

– Мужики, а какой у вас номер дома?

– Стодевятый.

– Тьфу ты, а мне ведь надо было стодевяностый. Вот заехал, так заехал, пойду я, вы уж извините меня.

– Ничего, на дорожку остограмясь, а если что не так, то приезжай, заночуешь, места хватит.

– Спасибо, но я ещё вернусь и привезу бутылку, – пообещал Иван.

Приехав к нужному дому, он зашёл в подъезд и постучал в квартиру. Однако на его стук никто не вышел, тогда Иван потянул дверь, и она, как ни странно, оказалась незапертой. И только он зашёл в коридор, как на него, выскочив из боковой комнаты, набросилась собака. Спасла Ивана сумка, и он, прикрывшись ею, ретировался на улицу.

– И когда дядя Лёня успел завести собаку? – удивился Иван.

– Достану-ко я, на всякий случай, блокнот, сверю номер дома.

Отыскав нужную страничку, чертыхнулся:

– Это что сёдни за напасти со мной! Чёрт, что ли, куды-то не туды водит! Мне же, оказывается, надо сто девяносто «а». Да, видно, ум-то у меня стал с дыркой и попкивает!

– Слава те, Господи, добрался! – обрадовался он, когда увидел знакомое лицо открывшего ему дверь хозяина.

– Я сейчас поеду с мужиками рассчитаюсь и вернусь, – сказал ему Иван и, поставив сумку, ушёл.

Вернулся он через час-полтора и, благодушно улыбаясь, позвонил в квартиру. Дверь ему опять открыл внушительных размеров незнакомый мужик. Иван попятился и удивлённо промямлил:

– А разве дядя Лёня не здесь живёт?

– Здесь, заходи. Просто меня не было дома, когда ты оставлял сумку, – пояснил родственник хозяина квартиры.

Плен

 Лёд на Иртыше осенью шестидесятого года встал рано. Снегу выпало пока ещё немного, и поэтому Евстигней Ефстафьевич с сыном и родственником – Николаем Гавриловичем, решили съездить на лошади по первопутку за ягодами, набранными ещё по водополю и спрятанными в бору. А так как за короткий осенний день туда-сюда не обернуться, они договорились переночевать в охотничьей избушке, где, по слухам, должна быть печка.

Ближе к вечеру приехали на место, погрузили ягоды и поехали к избушке. С трудом отыскав среди заснеженного леса неказистое (метра два на три) строение, мужики стали распрягать мерина со странной кликухой – Непреклонный. А тем вре-

менем, сын – Толька, заглянул в избушку и, увидев, что печки там нет, присвистнул и «обрадовал» отца с родственником:

– Папаня, а печки-то во дворце хрен ночевал!

– Не может быть! – воскликнули оба в один голос. Но, убедившись, что её, действительно, нет, призадумались. Наконец, Николая Гавриловича осенило:

– А что если лошадь завести в избушку? Будет тепло, и можно провести ночь без проблем.

Сказано – сделано, и Толька быстро натаскал сена для Непреклонного, а заодно и на нары постелил. Однако завести мерина в избушку удалось не сразу. Высота дверного проёма оказалась слишком низкой, и конь никак не хотел заходить внутрь. И всё же, с большим трудом, им удалось затолкать его туда.

Перекусив, чем Бог послал, мужики ещё поговорили с часик, о том, о сём и только задремали, как сено у Непреклонного кончилось. Он потянулся к нарам и, расталкивая мордой мешавшие ему ноги ночующих, стал выдёргивать сено из-под них. Сожрав таким образом сено, которое сумел достать, мерин начал попукивать, причём, серьёзно.

– Ага, поддаёт жару, сейчас тепло будет, – пошутил Гаврилыч.

А источник тепла то переступал всю ночь с ноги на ногу, то брякал удилами, то опять поддавал жару; и, наконец, под утро навалил такую кучу, что решетом не закроешь. И после этого в общей гостинице поднялась невыносимей вонища.

– Вот топит, так топит – дохнуть нечем, – сквозь дрёму буркнул Ефстафеич.

С нетерпением дождавшись первых признаков рассвета, мужики поднялись с холодных нар и попытались вывести коня.

Но не тут-то было! Мерин упирался задом в верхние брёвна над дверью и – хоть убейся – дальше ни шагу.

Мучились бедолаги с конём около часу: и молились, и матерились, а Толька даже на колени встал и, воздев руки к низкому прокопчённому потолку, слезно изрёк:

– Да согни ты, ради Бога, ноги в коленях, о, Непреклонный! – но всё бесполезно, мерин только фыркал, переступал ногами и, в конце концов, навалил ещё одну кучу.

– Хватит уж топить, мы и так все вспотели, – меж делом попросил мерина Гаврилыч. Он закурил, посмотрел задумчиво на дверь, и тут в его голову пришла спасительная мысль:

– Надо, ребятки, вагами поднять верхнюю часть избушки.

– А ведь хорошо придумал, – сразу подхватил идею Ефстафеич и, взяв топор, пошёл к ближайшей сосёнке.

И только подняв вагами на полметра верхние брёвна, мужики сумели-таки освободить мерина из плена таёжной гостиницы.

Судья

 Довольное проделанной задень работой роскошное июльское солнце, сияя благодушной улыбкой, клонилось к закату. И крыши домов, возвышаясь горбатыми спинами в жаркое небо, уже отбрасывали тень, в которой можно было укрыться от изнуряющей жары.

Знойную тишину посёлка разбавляли своим жужжанием лишь роем вьющиеся пауты да расположившаяся неподалёку от магазина троица оживленно беседующих меж собой молодых мужиков.

Перед ними на широком общем крыльце четырёхквартирного дома стояло несколько бутылок водки и какая-то немудрёная закуска. Неподалёку от «ресторана», в траве, вызывающе красуясь этикетками, уже валялась пара опорожненных ими бутылок.

– Подождите, не орите – налим вам в глотку. У меня имеется предложение, – неожиданно донёсся густой бас здорового и флегматичного участника попойки, со странным прозвищем – Армазай, – вы будете бороться меж собой за каждую рюмку водки, а я буду судьёй. Если ничья, то вам светит по полстопки, а мне полная. Победитель же выпивает две стопки подряд, побеждённый ни хрена, а мне полстопаря – идёт?

Армазай встал и, посмотрев на часы, добавил:

– Каждый раунд по пять минут. Начали!

И Николай с Виктором, не откладывая дело в долгий ящик, схватили друг друга за пояса. Прошло пять минут нешуточной борьбы, но победить никто не смог, и судья остановил встречу. Он неторопливо налил себе полный стопарь, плеснул понемногу борцам и, провозгласив:

– За честную борьбу! – выпил.

Следом, немного отдышавшись, выпили и борцы. Когда немного закусили, то Армазай опять дал команду:

– Вперёд, драконы!

И «драконы» с новой силой принялись таскать, друг друга по крыльцу. Однако вскоре Николай, удачно захватив соперника, стал прижимать его к полу.

Судья, увидев, что его полстопки могут вскоре влиться в рот победителя, тут же подвёл часы и остановил поединок. Но фокус с часами успел-таки приметить краем глаза Николай. Он сразу оставил противника в покое, вскочил и, крикнув:

– Часы подводить! Жульничать! Нет, так не пойдёт, Ваша честь! – кинулся с кулаками на судью.

Виктор, услышав про часы, тоже поднялся с пола, подбежал к Армазаю сзади и со словами:

– Мы сейчас поднимем твой рейтинг до высшей категории! – принялся тузить армазайкины бока.

Метелили «драконы» судью до тех пор, пока он не взмолился:

– Ладно, хватит! Согласен пропустить одну стопку!

Бойцы остановились, посмотрели друг на друга и молча пошли наливать себе по внеочередной дозе водки. Выпили, закусили и только потом милостиво позвали провинившегося судью в свою компанию.

Дезертиры

 где-то в середине лета в нашем посёлке умер или, как говорят в народе, сгорел от вина довольно-таки молодой мужик. Квартиру он занимал небольшую, и состояла она из смежных комнат: спальни с прихожей и кухни.

Вот в эту-то спальню и уложили на стол обряженного покойничка. А коли, согласно похоронного обряда, усопшего нельзя оставлять одного, то дежурить в ночь вызвались четверо мужиков – Василий с Николаем, да Гриша с Виктором. Родственники новопреставленного закупили им водку, и часов в десять охрана заступила на боевое дежурство.

Наши караульные крепко выпили и стали играть в карты, периодически подогревая свои организмы сорокаградусной жидкостью. Так, незаметно, за игрой время подошло к полуночи. Вдруг ровно в двенадцать (ни раньше ни позже) из спальни донёсся тихий стон. Потом послышалось какое-то бессвязное бормотанье, и снова стон, но уже громче.

Мужики притихли, с ужасом глядя на дверь из спальни. И когда эта самая дверь стала потихоньку открываться, то они,

опрокидывая стулья, чесанули на улицу. Гриша было зацепился рубахой за дверной крючок, но, вырвав порядочный клочок, в момент оказался вместе с остальными у фонарного столба. И ритуальная команда, готовая в любой момент продолжить бегство, уставилась в светящийся дверной проём.

Вскоре оттуда послышалась бессвязная речь и подозрительный звон стеклотары. Мужики понимающе посмотрели друг на друга, и Василий тихонько сказал:

– Выпьет всё, зараза! Пойдём, благословясь, а то будем стоять всю ночь, на сухую, у этого столба.

Когда они, крестясь и подталкивая друг друга, заглянули в квартиру, то поначалу отпрянули – за столом сидела, распустив волосы, женщина, похожая на смерть. Однако, когда «смерть» подняла голову, то оказалась соседкой покойничка.

– Заходите, робяты, не бойтесь, – хриплым голосом выдала она, – я тут до вас дежурила, ну и маленько перебрала, да и уснула возле покойничка, царство ему небесное. Сейчас опохмелюсь малость, да и пойду досыпать.

Приводнение

 Старший пожарной охраны Серёга с ответственным дежурным этой же организации решили установить новую телевизионную антенну на крышу пождепо. Проведя подготовительные работы, они подняли устройство и закрепили его, но косо – мешал толстенный сук росшей вблизи осины. «Давай спилим его», – дал команду Сергей. Игорь, ни слова не говоря, устроился поудобней и стал пилить.

Вскоре сук благополучно полетел вниз, правда, при этом он увлёк за собой и антенну, и лестницу. Пожарники оглядели с тоской окружающий мир в надежде на помощь, но ни одного человечка на горизонте не маячило.

– А если пожар? – задумчиво вымолвил начальствующий. – Давай слазь как-нибудь. Ты длинный и до земли быстрей достанешь.

Игорь опасливо посмотрел вниз, сомнительно покачал головой и стал потихоньку спускаться по открытой воротине. Когда до земли осталось метра два, пожарник со словами:

– Ну, с Богом! – отпустил опору и полетел прямо в огромную глубокую лужу. Приводнился он с таким эффектом, что

брызги долетели аж до возлежащего на крыше старшего пожарного.

Он с интересом, посмотрел вниз и участливо спросил:

– Ну, чё?

– А не хера, вот чё! – со злостью ответил подчинённый, шаря по дну руками в надежде отыскать слетевшие калоши.

Серёга, увидев такую картину, стал со смехом кататься по плоской крыше пождепо.

– Смейся, смейся, лестницу-то не подам, – ворчливо заметил Игорь, – будешь там сидеть до вечера.

– Премияльных лицу! – сквозь смех предупредил старшой.

– Твои слова вражьи! – уже более миролюбиво ответил дежурный пожарник и, истекая водой всеми атрибутами одежды, стал прилаживать лестницу к стене.

Крестоносец

 В тысяча девятьсот шестьдесят каком-то году у руководительницы радицентра умерла мать. Сотрудники по отделам сгношили по червончику на похороны, а заодно распределили обязанности – кому чем заниматься на обряде погребения. Расторопные мужики быстро распределили работу что полегче между собой, а вот крест нести поручили Липатову. Он был, как обычно, с похмелья, и поэтому сразу даже и не сообразил, что ему придётся далеко тащить на себе довольно тяжёлый крест к вырытой могиле.

Перед отъездом на кладбище хозяйка, согласно обычаю, устроила поминальный обед, на котором Липатов принял изрядную долю спиртного. Когда приехали на место, все выстроились, как положено, в похоронную процессию. Впереди несли гроб с телом усопшей, за ним родственники, а позади всех с крестом на спине Липатов. Он шёл, словно мытарь, делая изрядные отклонения от заданного курса, икал и, изредка смахивая ладонью обильный пот, невнятно матерился вполголоса.

В конце концов, его сильно занесло влево, и он, оступившись в чью-то неогороженную полуобвалившуюся могилу, упал и тут же мгновенно заснул, придавленный крестом. Однако, как говорится – «Отряд не заметил потери бойца...», – и похоронная процессия благополучно дошла до места захоронения.

Сначала руководители, выражая глубочайшее соболезнование дочери усопшей, толкали какие-то речи, а потом гроб заколотили и опустили в могилу. Каждый бросил по горсточке земли, и кладбищенские рабочие стали споро забрасывать землёй обитый кумачом гроб.

Хватились Липатова, когда дошла очередь устанавливать крест. Все ринулись на его поиски, и вскоре, обнаружив крепко спящего крестonosца, забрали поклажу и водрузили её на положенное место. А самого мытаря на обратном пути мужики под руки утащили к машине и увезли домой.

Наутро начальник отдела собрал своих подчинённых и мрачно изрёк:

– Ну, как вы, товарищ Липатов, напились до такой степени, что уснули на кладбище?

Провинившийся тяжело поднялся, и стал отвечать хриплым похмельным голосом:

– А немудрено, товарищ начальник, уснуть – помянуть-то помянули от души, а из закуски-то одна постненькая кутья.

Ну уж тут соратники вместе с начальником не выдержали и зашлись неудержимым смехом. Когда все немного успокоились, то Липатов прокашлялся, достал платок и, вытерев воняющий перегаром рот, добавил:

– А крест-то, чёрт бы его побрал, прости меня, Господи, тяжеленный, ну вот я и присел отдохнуть, да, видимо, малость не рассчитал – уснул.

Утихшие было коллеги снова принялись хохотать, а наш мытарь вытер пот и, отрешённо махнув рукой, сел. И видно было, что все его помыслы направлены на решение единственной задачи – как бы поскорее опохмелиться.

Без остановки

 В один из зимних выходных дней несколько работников Лесозаготовительного предприятия выпросили у директора вахтовую машину, чтобы съездить за покупками на ж/д станцию Демьянка. Дорога туда была не близкая, а чтобы неопытный водитель не заплутал, посадили рядом с ним уже ездившего на станцию Николая Ивановича. Жизненное кредо которого было – всегда, т. е. он готов был выпить всегда.

Проехав час-полтора, женщины стали сигналить водителю, (в вахтовых машинах салон находится отдельно от кабины),

чтоб остановился. Однако Николай Иванович, предчувствуя скорую опохмелку, дал хриплым голосом команду водителю:

– Подбрось коксу! Недалёко осталось, пусть бабы там своими делами занимаются.

И вахтовка, весело подкидывая пассажиров на ухабах, помчалась с удвоенной скоростью.

Когда приехали на место, то женщины первым делом дружной толпой побежали в туалет, мстительно оглядываясь на, улыбающегося им вслед знатока дороги. Вскоре все приехавшие разбрелись по магазинам, а Николай же Иванович резво подался в гастроном, где закупил ящик пива и несколько бутылок водки. Пока суть да дело, он успел опорожнить бутылок десять пивка, ну и водочкой тоже побаловался.

Закупив нужный товар, женщины стали устраиваться в машине, а наш любитель пива опять полез было в кабину, но его остановила одна из женщин:

– Куда? Обратную-то дорогу мы и без тебя найдём, марш в салон!

Где-то на полпути, выпив ещё пару бутылок пива, Николай Иванович стал яростно давить кнопку сигнала, требуя остановки, но вахтовка только добавила скорости и остановилась лишь в посёлке.

Наш герой переждал пока все покинут машину, в надежде, что женщины разойдутся по домам, но не тут-то было! Они все столпились неподалёку от выхода и стали ждать явления проводника народу.

Когда Николай Иванович с красным, пьяным и очень недовольным лицом спрыгнул на землю, то из валенок с калошами аж брызги полетели. Женщины хохотали до слёз, а наш бедолага почти побежал, не оглядываясь, домой, хлюпая скопившейся в валенках жидкостью.

Проверка

 В начале шестидесятых годов прошлого столетия Советской властью было предложено расселить в Западную Сибирь часть населения Чувашии. В наш колхоз, согласно этому указанию, приехало семейных и одиноких человек тридцать-сорок. Людей распределили по деревням, они устроились с жильём и занялись привычным крестьянским трудом.

И вот как-то однажды поехали на колхозном катере десятка полтора мужиков и женщин местных и приезжих, каждый за своей надобностью, из деревни Луговая Суббота на центральную усадьбу Тугалово. Среди этого разномастного люда выделялась своей весёлой неугомонностью незамужняя женщина средних лет, чувашка – Фрося. Напротив неё, между двух здоровых мужиков, сидел одноглазый плюгавенький чувашек с метким прозвищем – Лихо Одноглазое. Он курил и равнодушно поглядывал на медленно уходящий назад берег.

Неожиданно Фрося, подмигнув сидевшим напротив мужикам, крикнула:

– Держите, мужики, Лиха я ему сейчас проверка сделаю!

Те со смехом схватили бедного Лиха и прижали к скамейке. Фрося тут же подбежала и полезла рукой к нему в карман брюк. Бедолага заматерился и, дико вращая единственным глазом, попытался вырваться, но не тут-то было! Меж тем Фрося, поглубже засунув руку ему в карман, пошарила там и дала команду:

– Отпускайте, репята, у его там какой-то обмылок, видать, Жучка откусил!

Все, кто сидел на палубе, зашлись таким смехом, что было непонятно, отчего содрогается корпус катера – от стука мотора или от смеха. А Лихо, с матерками поправляя штаны, побежал в кубрик и не выходил оттуда до конца поездки.

Товарищ Колчак

 Ещё до Великой Отечественной войны в райцентре Кондинск в Доме культуры проходило торжественное собрание, посвящённое какой-то годовщине Октябрьской революции.

На сцене, за накрытым красной мануфактурой столом, сидел почётный президиум: в центре секретарь райкома, справа председатель райисполкома, а рядом с ним восседал принявший для храбрости полбутылки водки семидесятипятилетний дед – Тимофей Филиппович.

Про него, кстати, говорили (или старик сам распространял эти слухи), что он ходил воевать Колчака с поленом. И поэтому считался как бы красным партизаном. Он привык к своему званию и частенько, подвыпив, рассказывал всякие небылицы про колчаковцев, а уж имя самого Колчака поминал по всякому поводу.

Перед началом собрания, как обычно, в зале просалютовали пионеры, готовые к борьбе за дело Ленина, Сталина. Потом сделал доклад секретарь райкома, а после него председательствующий попросил нашего ветерана сказать торжественному собранию пару слов.

Тимофей Филиппович, вообще-то, не привыкший выступать перед такой многочисленной аудиторией, поспешно вскочил и, вскинув руку в пионерском салюте, громко выкрикнул:

– Да здравствует товарищ Ленин, Сталин! – затем, ступившись, замолчал на несколько секунд, но быстро справившись с волнением, ещё громче добавил: – Да здравствует товарищ Колчак!

– Ты соображаешь, что несёшь? – зашипел на него предрайисполкома.

Красный партизан, не убирая руки из положения пионерского салюта, осмотрел зал и, не услышав аплодисментов, понял, что сморозил неладное.

– Товарищи, в моей речи произошла ошибка, и как эта гнида, едрёна вошь, мне на язык попала, разрешите начать сначала, – по-прежнему салютуя, ещё громче воскликнул дед, – я хотел сказать по-другому! Да здравствует Ленин, Сталин и товарищ Революция, и товарищ первый секретарь, ура-а-а!

После продолжительных аплодисментов, вперемежку с хохотом, красный партизан, словно с него выпустили воздух, мешковато сел, всё ещё держа руку в салюте, а побледневший секретарь райкома, вытер холодный пот и, встав, добавил:

– Вы, Тимофей Филиппович, немного зарпортовались, ну да ничего, это, видать, от волнения.

После этих слов он наклонился к оргсекретарю и скомандовал:

– Увезите этого оратора куда-нибудь к чёртовой матери, а то нас тут из-за него всех пересадят!

 Сиз

 Творческий гигант художественного слова из провинции поехал в большой город получать гонорар за выпущенную там его книгу. По приезде он нанял такси, которое благополучно и доставило его в гостиницу. Там он, показав удостоверение писателя, занял вполне приличный номер и сразу же пошёл заниматься своими литературными делами. А так как наш мэтр был человеком деятельным и расторопным, то, где-то уже на третьи сутки, получив

деньги, стал готовиться к отъезду. Первое, что он сделал, так это выпил почти бутылку коньяку. Потом, изрядно захмелев, писатель заказал такси, чтобы уехать в аэропорт.

Когда машина пришла, он вальяжно, по-хозяйски устроился на переднем сидении и закурил. На что водитель как-то удивлённо хмыкнул. Обычно наш писатель слыл довольно-таки скромным человеком, да и росточка был небольшого, щупленький, а тут, под воздействием коньяка, он как бы воспарил над миром и стал поучать таксиста:

– И что вы простые смертные стоите против меня. Пашете, пашете всю жизнь за копейки, а я вот раз – и написал книгу, и получил хорошие денежки. Да что там говорить, вы никогда не достигните моих высот. Я работаю головой и пером, а это могут только великие люди!

Меж тем, за разговором, таксист свернул на какую-то тихую неприметную улочку и остановился.

– Ну вот что, великан, – положив чуть ли не с сапёрную лопатку ладонь на плечо воспарившего «гиганта», сказал водитель, – я думаю, тебе надо поделиться гонораром со мной. А то, действительно, пашу за копейки, – крепко надавив рукой на плечо пассажира, продолжил таксист, – да и многовато тебе одному-то будет, понял!?

– Ну, как не понять, – промямлил, доставая бумажник, писатель. Водитель отсчитал часть денег и со словами:

– Это тебе на билет, на дорогу, одним словом, – вернул кошелек владельцу.

– И смотри у меня, только пикни где-нибудь – кырдык тебе будет, дошло?! – и для пущей убедительности, я бы сказал, водрузил громадный кулак под нос пассажира.

– Понял, буду молчать, как сиг! – втянув голову в плечи, скороговоркой выдал «гигант».

– Это ещё что такое?

– Да рыба есть такая – всегда молчит.

– Ну то-то, смотри, великан, а то при нужде у меня и сиг заговорит! – и для пущей аргументации снова помахал кулаком перед носом испуганного пассажира.

– А сейчас иди, не оглядываясь, вон там остановка автобуса. Давай быстро двигай своими величавыми ногами, – приказал водитель.

И наш протрезвевший бедолага пошёл без оглядки прямо, как будто лом проглотил, и посмотрел назад лишь тогда, когда злополучного такси и след простыл.

Претензий нет

Лера – высокая крепкого телосложения девушка, работала (если это можно назвать работой) на профессиональном уровне девицей по вызовам...

Обычно она приходила в своё убежище весёлой, пьяненькой и удовлетворённой по всем параметрам жизни. Соратницы по партии между делом обсуждали события трудовой ночи, перекусывали, чем Бог послал, курили и ложились спать.

А тут Лера пришла трезвая и, взяв из холодильника кусок колбасы с хлебом, стала жевать, с ненавистью глядя куда-то под стол.

– Чё с тобой? – спросила её подружка – Женька.

– Не-ет, козёл, да ещё какой козёл-то! – не отрывая взгляда из-под стола, ответила как бы сама себе Лера.

– Понимаешь, прихожу я на очередную вызовуху и вижу: сидит голый мерин и, постукивая себя по коленке хлыстиком, велит раздеваться. Разделась я, а он, крысиная морда, подаёт мне хлыстик и говорит:

– Бей меня, но не сильно, гоняй по квартире и крой любыми матюгами.

Поняла я – мазохист, ну, да ничего, думаю, ты у меня попляшешь, извращенец!

Гоняла я его, наверное, полчаса, изворотливый, гадёныш, попался, наконец, сумела-таки, да ка-ак вытяну его, со всей силой, вдоль спины, он аж присел. Я ещё раз хлыстиком приложила, мазохист мой под стол полез. И тут начала я его пинать, а матюги из меня такие полились, что попроси повторить, ни одного не припомню. А этот козёл из-под стола блеет:

– Хорошо, но через чур больно, так и убить можно!

И убью, мерин извращённый! Не угостил, не удовлетворил, а бегать заставил, как лошадь Пржевальского!

Крепко пнула его ещё раз и, стукнув хлыстиком по столу, спрашиваю:

– Претензии есть, козёл вонючий? Смотри, не-то ещё добавлю!

– О нет, претензий не имею, – вякает мазохист, – только уходи, ради Бога, поскорее!

– Ладно, – отвечаю, – сейчас уйду, но пока одеваюсь, то да сё, сиди под столом и не вылазь, понял, сучье вымя? Не слышу! – стукнула я хлыстиком по столу.

– Понял, понял! – возопил мерин.

– Ну то-то же, козлина! Долго будешь помнить меня! – и я пошла голодная, неудовлетворённая, но весьма довольная проделанной работой.

Чужая ворона

В этот день городская поликлиника жила своей обычной будничной жизнью. Остро пахло лекарствами, лампы дневного света равнодушно освещали сидевших в очередях и спешащих куда-то пациентов, и стоял монотонный, словно в улье, деловой гул.

– А я тебе говорю, ворона-недоварёна, что нам туды не надо! Мы давеча были вон за той дверью! – неожиданно выделился из общего гула хриплый громкий голос.

Как оказалось, обладателем выдающегося баритона был невысокий шустрый дедок, который разорялся на стоящую перед ним бабу.

Он, подслеповато щурясь, быстро жестикулировал руками, поворачивался туда-сюда, сверкая почти лысой головой с воинственно торчащим хохолком седых волос посередине.

Затем, видимо, чтоб доказать свою правоту, подбежал к двери кабинета напротив и продёргал за ручку, но дверь оказалась закрытой. Он тут же вернулся на место, но бабки там уже не было.

Дед в великом нетерпении стал прохаживаться по коридору, поглядывая на кабинеты. Наконец, одна из дверей открылась, и оттуда вышла старушка. Воинствующий дед мгновенно подскочил к ней и, дёргая за кофту, зачастил:

– Тибя где черти носят, ворона-недоварёна, нам тамака надо ждать, а ты летаешь где-то, трясешь старым хвостом!

– О, Господи Боже мой! Да это что хоть такое! Меня свой дедко никогда не тряс, а тут чужой налетел, как коршун! – крестясь, запричитала старушка.

Дед, присмотревшись поближе, изрёк:

– Извини, девушка, обознался! – и опять запобегивал по коридору.

И тут он, увидев непонятно откуда появившуюся свою бабу, опять закричал:

– А-а! Вот и ты! Явилась – не запылилась! Я же тебе говорю, что никакой гумаги нам здесь не дадут! Ты пошто миня не слушаешь, старое каркало!?

– А вот тебе, не хошь? – поднесла кукиш к дедову носу бабка и помахала зажатой в руке бумажкой.

– Ладно, пошли, – миролюбиво заключил дед, – а то я тут всех девок перещупал!

Валенки

Как-то по зиме к Толе Слинкину приехал погостить «на месячишко» весьма преклонного возраста дядя. Выпили, конечно, со встречи, вспомнили родственников, даже песни попели, в общем, посидели нормально. На следующий день племянник ушёл на работу, а дядюшка, послонявшись по дому и заскучав от безделья, решил, от нечего делать, починить старые Толины валенки. Первую обувину перелатавший на своём веку не одну сотню валенок мастер подшил как бы играючи, быстро. Полюбовавшись работой, он небрежно бросил починённую обутку на лавку. Перекурил и потянулся за вторым. Однако вместо старого валенка, из которого дядя резал заплатки, он машинально взял только что подшитый валенок и отхватил от него голяшку на починку второго.

Пришедший на обед, Толя, увидев такую конфузию, с усмешкой заметил:

– Ну ты, однако, даешь! Кто же так валенки подшивает?

– Да-а, – огорченно согласился дядя, – воистину правильно люди-то говорят, что старость не радость!

– Ну, это как сказать! – попытался успокоить его племянник. – Брежнев, смотри, какой старый, а целым СССРом руководит!

– Да, ведь так и руководит, как я валенки подшиваю, – поставил поучительную точку в разговоре умудрённый опытом жизни мастер.

Помощники

Как-то летом руководство Цингалинского сельсовета упросило тетю Клаву обмыть – за небольшую плату – алкаша-покойника. В помощники ей дали двух парней, которым было обещано натуральное вознаграждение, то есть по бутылке водки на брата.

Омовение происходило в неказистом домишке усопшего. Поначалу все шло своим чередом: тетя Клава, которой это дело было не впервой, уверено обихаживала покойника, а парни добросовестно, правда, не без внутреннего напряжения, помогали ей. Но когда по приказу тети Клавы ребятам пришлось приподнять и усадить новопреставленного, то неожиданно голова у мертвеца запрокинулась назад и издала выдох:

– Кха-а!..

Тетка Клава в суеверном ужасе выронила из рук мочалку и мыло и со сдавленным криком бросилась прочь от воскресшего мертвеца, но в притворе двери запнулась и с грохотом упала на пол. И только её падение вывело оторопевших было помощничков из состояния окаменения. Они мгновенно сориентировались в обстановке и, сметая все на своем пути, рванули к выходу.

Первый, ловкий, коренастый парень, лихо перемахнул через растянувшуюся на пороге тетку. Однако второго не лишённая юмора тетя Клава успела ухватить за брюки – как раз в самом неподходящем месте...

– Куда! Задушу! – хрипло крикнула она.

– А-а!!! – то ли от боли, то ли от смертного страха истошно заорал паренёк и одним прыжком выскочил на улицу...

Ребята, поднимая дорожную июньскую пыль, чесанули было прочь от треклятого дома, но их остановил громкий насмешливый голос тетки Клавы:

– Э-эй, раздолбаи, а куда это вас черти понесли? – тетя Клава как ни в чем не бывало, демонстративно подбоченясь, стояла на крыльце дома. – А домывать-то его кто будет, а, помощнички?

Решив, что их разыграли, ребята, чертыхаясь и сплевывая, поплелись назад к дому – как бы там ни было, а выпивку упустить не хотелось.

Когда они продолжили свою работу, тетя Клава между делом сказала:

– А иногда, правда, редко, но бывает, мертвяки ишо и кусаются...

Помощники молча переглянулись. И было видно, что на сей раз, уже наученные опытом, они без промедления были готовы сигануть на улицу.

Толя – здоровенный и вороватый парень, стащил у жившего через дорогу деда мороженого осетра. Но вездесущий маленький мужичонка Марк, которого все в деревне звали Марушко, увидев его с добычей, поднял шум, и сбежавшиеся соседи кинулись за вором в погоню. Погоняв его какое-то время меж дворов, они, в конце концов, загнали Толяна под крыльцо заброшенного дома, где он и затаился. Посоветовавшись, мужики решили сходить за хозяином осетра, а охранять осаждённого поставили Марушка.

Часовой вооружился длинной палкой-жалиной и стал для острастки время от времени трусливо тыкать ею в убежище вора. При этом он приговаривал тонким, дрожащим от страха голосом:

– Не уазь, острожник, не уазь! Сиди и не шевелися, а то я тебя ишо не так колом угощу!

Когда Толян понял, что Марушко остался один, то после очередного тычка заостренной палкой в бочину с ревом вывалился из-под крыльца на притоптанный снег. Сильно боднул охранника головой в живот и, не выпуская осетра из рук, кинулся наутек. Марушко, жалобно охнув, повалился на спину, а жалина в его ослабевших руках, словно пика поверженного воина, удивлённо уставилась в звёздное небо...

– Ты пошто его не удержал! – трясли за плечи возвратившиеся мужики дрожащего от страха и холода Марушка.

– Дак, ляшак его удержит! – стучал зубами горе-охранник. – Восподи, прости меня, вылетел, как косач из снегу!..

Вот с тех пор и прилипло к Толе это имя – Косач.

Он до того привык к своему прозвищу, что иногда давал команду своей первой жене (кстати, лет на двадцать старше его):

– Но-ка, Косачиха, пока лампасея робит, слетай за бутылкой...

Уполномоченный

В одну из отстающих бригад на проведение посевной и для поднятия производительности труда (дело происходило в конце Великой Отечественной) приехал уполномоченный. В разгар рабочего дня на краю поля, возле дороги, начальственный глаз его увидел заглушенный трактор, из-под которого торчали кирзачи тракториста.

– Ага! – радостно подумал уполномоченный. – Лодыря гоняет! Попался голубчик! Посевная идет во всю, а он спит под трактором, – и приезжий начальник потихоньку стал подкрадываться к бездействующему агрегату. Однако, подойдя ближе, вместо храпа он услышал ругань вперемежку с отборнейшим матом. Костеря всех правых и неправых, тракторист крыл по матушке колхозную власть, а заодно и районное начальство, вперемежку со святыми...

– Вот-вот, – плотоядно ощерился, подобравшийся к торчавшим сапогам, уполномоченный, – он еще и Советскую власть поносит...

С этими мыслями полпред цепко ухватил ногу тракториста и с силой стал трясти:

– Эй, работничек, а ну вылазь, ишь, как хорошо устроился! Люди на фронте кровь, понимаешь, проливают, а он тут прохлаждается, да еще и власть Советскую материт!

Под трактором наступила тишина, затем послышалось звяканье ключей, и, наконец, на белый свет выбрался большой однорукий человек с перемазанным мазутом лицом. Уполномоченный невольно попятился. Тракторист же с ненавистью взглянул на упитанного начальника, нащупал единственной рукой, прислонённый к гусенице, лом и со словами:

– Ах ты, крыса тыловая! Вошь тифозная! Фашист недобитый! – пошел в атаку на ретивого представителя власти. Уполномоченный, придерживая на ходу форменную фуражку, резво выскочил на дорогу и, оглядываясь и спотыкаясь, помчался к стоящей неподалёку подводе с водой. Когда он подбежал к водовозу то, кивая в сторону тракториста, спросил, задыхаясь и крутя пальцем у виска:

– У него что, не все дома?

Водовоз испугано посмотрел на вспотевшего начальника и с готовностью ответил:

– Да, он руку потерял, и старшой брат у него на фронте...

Уполномоченный недоуменно и запоминающе посмотрел на водовоза и, не сказав больше ни слова, поспешил за разъяснениями в правление колхоза.

Спецодежда поневоле

 Солнце благодушно клонилось к закату, когда, крепко подвыпивший в соседней деревне Шалимово кузнец Ганя возвращался домой в Горную Субботу, верхом на лошади. Подъехав к развилке дорог, где по одной быстрее можно было добраться до дому, но пешим, а по другой дальше – верхом, кузнец, подобно «Витязю на распутье», впал в глубокое раздумье. В этот момент из леска вышел сосед кузнеца Виталий Переплеткин. Поприветствовав Ганю и заметив его затуманенный взор, Виталий, пряча хитрецу в глазах, посоветовал кузнецу:

– Слушай, и на кой хрен тебе вкруговую ехать? Езжай прямо, сразу к кузне и выедешь...

– А чё, Витюха, пожалуй, ты правельно говоришь? – пыхнул своей знаменитой трубкой Ганя. – Ты, пань, на худо не подскажешь...

И всадник направил коня в гору.

Лошадь поднималась вверх толчками, и Гане, чтоб не слететь, пришлось обхватить ее за шею руками, сильно упершись при этом обеими ногами в стремяна. От такого напряжения, где-то на середине подъема, подпруги из мережи на самодельном седле с треском лопнули, и Ганя вместе с седлом покатился с лошади кубарем вниз... Однако ни седла из ног, ни дымящейся трубки из зубов он так и не выпустил.

Оказавшись внизу, кузнец стал ориентироваться на местности. В голове, где и до падения от выпитого все двоилось, теперь и вовсе вертелась какая-то карусель. Обнаружив, что от убежавшей лошади осталось одно седло, Ганя поискал глазами Переплёткина, чтобы «отблагодарить» за добрый совет, однако того и след простыл. Взвалив, с матерками, на плечи седло, пошатываясь и пыхая дымком, Ганя поплелся домой...

...А поутру, проснувшись на работу, кузнец вдруг обнаружил, что всё его тело почему-то болит и во многих местах отливает внушительными синяками. Но самое страшное было не в этом – он натёр во время верхового круиза задницу, и поэтому

каждый шаг вызывал у него нестерпимую боль. Преодолевая страдания, кузнец освободился от кальсон и, широко расставляя ноги, попробовал пройтись по комнате. Идти было можно, но только так – в раскорячку.

Охая и морщась от адских ощущений, Ганя подошел к окну, и глубоко задумался, уставившись на улицу, по которой мужики и бабы торопились по своим делам. И тут его осенило – юбка! Нужна обычная просторная бабья юбка! Однако, выудив из шкафа юбку жены и безболезненно надев её через голову, Ганя разочаровался – одежина все равно прилипала к больным местам... Он снова задумался. И опять выход был найден. «Обручи от фитиля, как пить дать, помогут!» – воскликнул изобретатель и тут же приладил обручи к юбке. Когда дело было сделано, довольный собой кузнец неторопливо вышел на улицу и, независимо попыхивая трубкой, направился на работу.

И, казалось, что шествовал в лице кузнеца Гани: то ли индеец из далёкой Америки, то ли Баба Яга из русской сказки, а, скорее всего, и тот, и другая...

В кузне новомодный наряд немало посмешил мужиков. Ребята, что помоложе, всё норовили чем-нибудь приподнять подол его юбки, но Ганя неистово матерился и замахивался на шутников молотком. Работать же в такой спецодежде было ему сущим адом: купол юбки то и дело задевал обручами то наковальню, то горно, и Ганя балансировал по кузнице, как кисейная барышня.

К вечеру, прослышав о диковинном наряде кузнеца, чуть ли не каждый житель деревни поджидал возвращения Гани с работы – кто на лавочке у забора, кто во дворе своего дома...

Ганя, конечно, сообразил, почему к нему приковано столь пристальное внимание, однако вида не показывал. Юбка же его при ходьбе качалась, как большой колокол в церковный праздник, а трубка дымила так, будто сам пароход «Гусихин» подходил к горносубботинской пристани.

Руководитель

 В послевоенное время в одном из колхозов председателем выбрали крепкого, жилистого мужика Фому Горбунова. Будучи человеком ответственным и застенчивым, Фома старался, где только можно, всю физическую работу делать сам. Весь год председа-

тель мотался по полям и фермам, таскал мешки с зерном, даже коров доил, поскольку это делать было ему привычнее, чем, потупив глаза, упрашивать женщин сделать что-то. В общем, высох Фома с таким председательством и вытянул из себя, что называется, все свои жилы.

– Дай-то Бог до отчетного собрания доробить, – думал измученный руководитель, – а уж на второй срок меня никаким калачом не заманите!

Когда подошло время отчетно-выборного собрания, все колхозники снова подняли руки за Горбунова.

– Нам такого председателя и надо! – одобряли из зала.

– От добра – добра не ищут, – подхватывали другие.

– Не было у нас ишо такого работающего председателя, – хвалили третьи.

– А то навяжут на нашу шею какого-нибудь белоручку при галстукe, будем потом каяться, – рассуждали четвертые.

– Пускай Горбунов остается! – решило собрание.

Фома, сидевший в президиуме за покрытым красной мануфактурой столом с низко опущенной головой, вдруг вскочил и, подняв к потолку мозолистые натруженные руки, слезно взмолился:

– Увольте, товарищи колхозники! Не могу больше руководить!

– Ничё, ничё, Фома, доверяю, руководи дальше! – зашумели собравшиеся.

– Нет, не могу и не буду больше! Пусть меня лучше в цугундер упрягут, чем я ишо год руководить буду! – упрямо отрезал Фома. – Ру-у-ки боля-ят!

Передовой рыбак

 По осеням в устье речки Соровая мужики из деревни Шалимово ставили запоры для лова мелкой рыбы. Каждый, конечно, норовил поставить свою ловушку впереди другого. И так, год за годом, Иван Яковлевич, самый пожилой из рыбаков, оказывался со своим запором позади всех. Но в этот сезон терпению рыбака пришел конец.

Похаживая по заснеженному берегу в огромных полярковых валенках и дымя трубкой, он подслеповато присматривал заготовки для запора. Валенки, кстати, следует описать подробнее – это были темно-коричневые чудища с огромным

количеством заплат и загнутыми, от долгой эксплуатации, вверх носами.

Приготовив заготовки для запора, Иван Яковлевич с решительными словами: «Хватит, дорогие товарищи, половили рыбку первыми! Теперь я буду передовым!» – стал сооружать запор¹. Но, как обычно, качество работы старика оставляло желать лучшего, да и заготовки были кривыми или гнилыми. Наспех соорудив запор, он стал устанавливать морду-ловушку².

Передний кол был воткнут удачно, но когда рыбак стал втыкать задний, то удача резко отвернулась от передовика – гниловатый кол лопнул. Потеряв равновесие, Иван Яковлевич полетел в выдолбленную им возмуж³ – лишь сиротливый дымок от трубки остался висеть в морозном воздухе... А морозец, кстати, был градусов под тридцать. Рыбак же был по сезону одет в малицу из собачьих шкур...

Заполошно махая пудовыми овчинными рукавицами и рывкая на всю округу, Иван Яковлевич стал выбираться из воды. Пока он добрался до берега, ловушка была истоптана его поярковыми валенками⁴, а от увесистой трубки в зубах рыбака остался торчащий из заиндевелых усов и бороды один чубук. Выбравшись на сушу, Иван Яковлевич лихими прыжками помчался в сторону дома, оставляя на снегу солидные следы, похожие по размеру на стопы снежного человека. Малица его обледенела, покрылась сосульками, звенела и искрилась на свету, как новогодняя елка. Мужики на берегу, в числе которых был и мой отец, рассказавший через годы мне эту историю, хохотали вслед Ивану Яковлевичу до изнеможения. А мой отец даже повалился на снег, катался и сучил ногами.

Примечания автора: 1. Запор – колья, воткнутые в дно один к одному для хода рыбы к ловушке. 2. Морда – ловушка для рыбы. 3. Возмужа – большая прорубь. 4. Поярковые валенки – валенки с рисунками и разводами.

Сексохотник

 В гараже горноправдинской экспедиции работал трактористом некто Иван Васильевич. Рассказчиком он был непревзойденным, и врал при этом так складно, что сразу и не понять было: где ложь, а где правда.

Однажды, во время перекура, собрав вокруг себя слушателей, он стал неторопливо излагать о том, как недавно ходил на охоту.

– Взял я ружьишко и двинул в лес, – начал Иван Васильевич, – прошел, может, с километр-два, как тут, прямо на меня, выскакивает, размером чуть ли не со среднего лося олень. Ну, мне опыта-то не занимать – завалил я его сходу. Освежевал, честь по чести, взвалил ляжку на плечо, пошёл в домашнюю сторону. Сами понимаете, браконьерить я не привык, добыл одного – хватит. Однако не успел и полкилометра пройти, как навстречу выскакивает еще олень – не олень, а красавец! Уж сколько я дичи подобывывал на своём веку, а такого видеть не приходилось – рога, что куст боярышника! Одним словом, не утерпело сердце бывалого охотника – сразил я и его. Изобиходил, как должно быть, снова взвалил ляжку на плечо...

В этот момент в гараж заглянул механик и некстати перебил рассказ бывалого охотника каким-то вопросом к механизаторам. Слушатели на некоторое время отвлеклись от повествования Ивана Васильевича, а когда механик ушел, кто-то нетерпеливо обратился к охотнику:

– Ну, и что дальше-то было?

– А о чем я рассказывал? – переспросил рассказчик

– Да всё про ляжки: одну – на плечо, другую – на плечо...

– А, ну, да-а, – протянул Иван Васильевич, явно тужась припомнить: о чем же он говорил, и что было дальше. – Ну, так вот: одну ляжку на плечо, другую ляжку на плечо – да ка-а-к заехал ей!..

Эхо от взрыва хохота слушателей смачным сгустком пронеслось по гаражу.

– Вот это да! Настоящий сексохотник!.. – восхищались работяги, утирая слезы смеха.

– Это ещё что-о-о! Со мной и не такое бывало!.. Как-нибудь, при случае, расскажу! – пообещал весьма довольный результатом своего рассказа Иван Васильевич и вышел из курилки.

Отставной шкипер (или Назначенный капитан)

Где-то в шестидесятые годы прошлого века председатель колхоза отправил моего отца в Тобольск получать катер. Отец считался опытным механизатором, и поэтому был назначен механиком на новую двадцатисильную посудину. А капитаном определили ходившего когда-то шкипером на барже Андрея Сивкова.

Так вот. Получили они катер, расспросили у корабелов, как управлять им, завели с грехом пополам и под вечер решили отчаливать к берегам родного колхоза.

– Ты давай находишься у мотора, а я буду рулить. Реку-то я хорошо знаю! – приказал отцу Сивков. Он лихо сдвинул на затылок форменную фуражку, сохранившуюся, видимо, еще со времен его шкиперской службы, и важно уселся за штурвал. Вид у него со стороны был, действительно, как у бывалого капитана: высокомерный взгляд, устремленный на реку, в руке фасонисто придерживаемая пальцами папироса. Он нетерпеливо подсакивал на табурете рулевого, закидывал одну ногу на другую, стучал пальцем по приборной доске, хотя было видно, что в приборах он разбирался, как первоклассник с логарифмами.

Пока было светло, катер шел вполне нормально. Но как только стало темнеть, капитан стал чувствовать себя не в своей тарелке: он то и дело привставал с табурета, напряжённо всматривался в черные берега, в однообразное тусклое зеркало воды или в береговые огни деревенок...

Вдруг катер резко качнуло, и он почему-то замедлил ход. Стало понятно, что ведомая новоиспечённым капитаном двадцатисильная посудина зацепила отмель. Через несколько мгновений в люк машинного отделения склонилась вспотевшая от испуга голова в форменной фуражке.

– Михаил! Гаси мотор! Едрит твою в затраву мать, неладно, однако, заехали! Гляди: кругом огни сверкают, и хрен знат, где среди них бакана! Гаси-и-и быстря! – завопил не на шутку встревоженный капитан.

Фуражка во время этой команды слетела с его головы и угодила на горячий выхлопной коллектор. Пока отец заглушил и обошел двигатель, чтоб достать ее, лаковый козырек головного убора превратился в скукоженный подгоревший блин.

Поддав капитанский атрибут владельцу, отец вышел наверх. Он быстро разобрался в ситуации и вывел катер на речной фарватер. И только потом Сивков, немного оправившись от пережитого волнения, заметил изуродованный козырек символа принадлежности к речной касте. Он с удивлением покрутил фуражку в руках, потом горестно вздохнул и вдруг, смачно ругнувшись, выбросил за борт:

– Всё! Какой я сейчас капитан, без фуражки-то. В матросы, и то не гожусь. Ты давай, Михаил, принимай командование этой лоханкой, а я пойду посплю, может, мандраж пройдет.

В один из погожих дней осени женщины поселка Цынгалы собрались в лес за боровой ягодой. Идти с ними из мужского населения изъявил желание лишь один туговатый на ухо Петр.

– Толку, конечно, с этого глухаря маловато, – решили ягодницы, – но на всякий случай какая-никакая, а охрана будет.

Придя на болото, все разбрелись кто куда и занялись привычным делом.

Прошло, может, часа два или больше, как вдруг на противоположном краю болота появился громадный медведь. Он постоял, понюхал воздух, повернув морду в сторону сборщиков ягод, и неторопливо направился прямо на них. Женщины, бросав ведра, с визгом бросились бежать в домашнюю сторону. А глухой охранник тем временем деловито продолжал собирать ягоды. Но, когда он с удивлением увидел пробежавшую мимо женщину, потом другую, понял – что-то тут не так. Петр привстал, чтоб осмотреться по сторонам, и тут же снова плюхнулся на кочку – медведь шёл прямёхонько на него...

Мгновенно оценив ситуацию, мужественный охранник, бросился вслед за женщинами. Громадными прыжками он догнал крайнюю и, схватив ее за воротник, отбросил прочь с пути. При этом он так рывкнул, что медведь, до этого не обращавший на людей никакого внимания, остановился, поднял голову и снова стал прислушиваться. Петр же, как молодой олень, несясь вперед, обгоняя или отбрасывая с дороги вверенное ему для охраны женское подразделение. И только оставив всех далеко позади себя, он сбавил спринтерский (достойный олимпийского рекорда) темп, постепенно перешел на шаг и, наконец, обессиленный, присел на пенек посреди поляны. Когда дыхание немного успокоилось, достал сигарету и, ломая трясущимися руками спички, прикурил.

Понемногу на поляну стали выходить измученные ягодницы: кто, прихрамывая, кто с непокрытой головой и растрепавшимися волосами, кто, хватаясь за грудь или поясницу. Женщины, тяжело дыша и вытирая пот, собрались вокруг кутившего с угрюмым видом Петра и стали обсуждать происшествие. Постепенно мандраж прошёл, и веселье, как выход из стресса, овладело ими.

– Ладно, что хоть мы охранника с собой взяли, – сказала одна из них. – Богатырь! Илья Муромец! Это ж надо такую силу иметь – меня, наверное, метра на два отбросил! А рычал-то, рычал как!? Медведь, наверняка, подумал, что тут какое-то чудище объявилось, и чесанул в согру!

– Как пить дать, его с испугу кровавый понос хватил! – добавила другая.

– А знаете, девки, я без этого омовца – в лес ни ногой! От его рыка даже листочки с берёз посыпались, где ещё такую охрану сыщешь? Приду домой, бутылку ему поставлю за то, что хоть не затоптал в болото, а в сторону отбросил! – подмигивая ей, вступила в разговор третья.

Петро сидел, безучастно молчал и прикуривал всё ещё трясущимися руками одну сигарету за другой.

– Все слышит, глухая каналья, только вида не подаёт, – снова вступила в разговор первая, и дружный бабий хохот эхом покотился по лесу.

Похмельная наживка

 Федор Фомич удил рыбу. Клёв был отменный, и он то и дело выдёргивал из воды то отливающих серебром мерных чебаков, то нагло хватающих наживку окуней. Неподалеку, понуро поглядывая на неподвижно застывший поплавок своей удочки, сидел «помятого вида» мужичок по прозвищу Алемафо. В конце концов, он, заметив хороший клёв у соседа, решил: «Видно, не рыбное место», – и перебрался поближе к нему. Бывалый рыбак насадил свежего червя и, поплевав на него, закинул удочку в реку. Однако поплавок его снасти снова неподвижно застыл на зеркально спокойной воде. И сколько ни водил удилицем рыбак, сколько ни проверял насадку, ни менял червя, каждый раз, смачно плюя на него, – клёва у него не было. А Федор Фомич только успевал выдёргивал одну рыбку за другой.

Настроение у Алемафо и без того было ни к чёрту: накануне он накачал свой организм всевозможной спиртосодержащей дрянью – от одеколona до политуры, и теперь, вздыхая и кряхтя, страдал с похмельюги. Когда страдалец, наконец, понял, что его потуги – наловить рыбку и сварить уху, тщетны он, хрипя обожжённым горлом, спросил Фомича:

– Слышь, Федор, а чё это у меня рыбица не клюет? А ты вон почти ведро наловил, наверное, самогоном рыбку угостил, да и закуси для неё не пожалел?

– Конечно, я сразу, как пришёл сюда, вылил в воду фанфурик одеколона. Рыбка-то и окосела, особенно окуньё – клюют, зараза, удержу нет! – ответил с усмешкой Фомич.

А ты вместо этого только дышишь вонючим перегаром, от которого даже трава пожухла. А уж рыбу-то, к ворожее не ходи, наверняка, тошнит. К тому же ты ещё своей ядовитой слюной на червя плюёшь! Ну, сам посуди – кому этакое угощение понравится!? – и ловко выдернул из воды очередного чебака.

Алемофо задумался, а потом молча перешел на свое старое место. Сменил наживку, однако плевать на неё не стал, и закинул удочку. Вскоре рыбацкое счастье улыбнулось и ему – первый чебак был пойман. Перед тем, как снова закинуть удочку, Алемофо хотел было, по привычке, плюнуть на червя, но вовремя одумался и пробормотал:

– Вот ведь холера! Надо же! Если бы не Фомич – в жизнь бы не догадался, что даже рыбе, и то противозны последствия такого бодуна!

Следы человечьи

 Ранним августовским утром вышла на крыльцо своего дома глуховатая бабка Катерина и, закурив, пошла в огород. Она неторопливо шла, сбивала палкой росу с нависшей на дорожку травы и, позевая, невнятно бормотала о чём-то своём. Однако, когда бабкин взгляд остановился на огуречной гряде, она застыла как вкопанная. Несколько клетей были вырваны, а огурцы, её драгоценные зелёные огурчики – деточки-попырыши, исчезли.

Выплюнув со злостью папироску, хозяйка, причитая, суматошно забегала и захлопала тонкими, похожими на сухие сучья руками по тощему заду:

– Ох, ёж твою мать! Это какой же асмодей натворил такоё? Чтобы ему руки повыкручивало! Да чтоб тебе неделю не просыхать от поноса! Чтобы тебе мои огурцы поперёк хайла встали!

Услышав бабкины вопли, к ней подошла соседка с полными ведрами воды на коромысле и громко спросила:

– Что случилось-то, баба Катя?

– А чё, сама не видишь, что асмодеи проклятые наделали? Но клетки-то, клетки нахрена рвать! – снова возопила бабка.

– Это, наверное, студенты, – сочувственно предположила соседка.

– Нат-ко хрен тебе, да не убейся! – страдальчески выкрикнула бабка Катерина. – Следы-то человечьи!!!

Змея

Когда летняя жара достигла своего апогея, и в доме стало невыносимо спать от духоты, кузнец Ганя с женой Ульяной решили ночевать в амбаре. Местная молодежь, постоянно подшучивающая над кузнецом, конечно же, не могла оставить без внимания передислокацию семьи кузнеца.

Амбар был на хантыйский манер поставлен на столбики-ножки с целью защиты от грызунов, и пол строения находился на расстоянии метра от земли. Сюда-то, под пол, в один из вечеров и забрались два парня.

Приблизительно рассчитав по храпу место, где спал Ганя, ребята стали тыкать в щель пола заточенной проволокой и потихоньку шипеть по-змеиному. Когда один из укулов достиг задницы кузнеца, он, с матерками, вскочил, а, услышав шипение гадюки, в два прыжка выскочил из амбара.

– Ульяна, – встревожено крикнул Ганя, – быстро иди сюды, к нам змея, однако, заползла!

В проеме амбарной двери тут же показалось заспанное лицо Ульяны.

– Вылазь, говорю, быстря, дура, и принеси-ка, пань, мне фонарь. Змеишша-то та, видно, матерая, вот как шипит.

Ульяна, взвизгнув, скрылась в темноте, а Ганя на ощупь стал выбирать подходящий кол для схватки с ползучей гидрой.

Вскоре показалась Ульяна. Мерно покачивая тускло мерцающим фонарём, она неслышно подошла к вооружающемуся супругу.

– Ганя, а где змея-то? – спросила она испуганным шепотом.

– Ты чё, ведьмишша, эдак подходишь! – зашипел кузнец. – Испугала, мать твою так! Лезь за мной потихоньку в омбар, и свети на постелю, где-то, видать, под ней гадюка затаилась!

Супруги настороженно вошли в опочивальню. Парни, еле сдерживая смех, снова зашебурили проволокой. Когда туск-

лый свет фонаря осветил постель, то стало видно, что простынь на ней шевелится.

– А-а-а, вон ты, пань, где! На-ко вот, получай, получай! – заорал Ганя, яростно дубася колом по постели. – А ты свети ближе, сбоку свети! – заорал он на отскочившую в угол жену.

Этой сцены ребята выдержать не смогли и приглушенно засмеялись.

Ганя прислушался и, вдруг сообразив, в чем дело, громко сказал:

– Нет, ее по-другому брать надо. А подай-кё, Ульяна, ружье, я ей сичас картечью башку размозжу.

Услышав про ружье, шутники, наперебой толкая друг друга, стали уносить ноги из-под амбара. А вошедший в роль кузнец, орал во все горло:

– Наводи, быстря наводи! Вон она к плетню подбирается! Не уйдешь, тваришша ползучая! Не уйдешь!

Ганя, на самом деле, подскочил к стене, сорвал ружье и, выбежав на улицу, выстрелил в воздух.

Парни от страха попадали в траву и по-змеиному поползли в темноту – от греха подальше.

...Больше в это лето уже никто не нарушал покой в опочивальне кузнеца.

Взрывное устройство

 Анатолий топил баню. Когда березовые дрова хорошо разгорелись, он вспомнил, что нужно сжечь накопившиеся дома отходы. Он принес мусорное ведро, распахнул дверку топки и одним махом вывалил его содержимое в огонь. Затем присел на корточки и задумался, глядя, как пламя медленно пожирает кинутую ему жертву. И только он шире приоткрыл дверцу, чтобы улучшить тягу, как в топке раздался... взрыв. Несгоревшая бумага, пепел, сажа, жар и горячие угли – вся эта адова смесь ударила Толе в лицо и оглушила несчастного истопника. Опомнившись и залив водой огонь, он, матерясь, ринулся из бани в дом, и накинулся на жену:

– Ты что это, стерва, мне в ведро с мусором подложила? Рвануло так, что едва живой остался!

Жена сначала, ничего не понимая, некоторое время испуганно смотрела на перемазанное сажей лицо мужа, затем неожиданно сама перешла в атаку:

– А, что это ты, чёртов бабник, ко мне-то привязался? Может, вспомнишь, что на прошлой неделе моя сестра с мужем приезжали в гости, а когда вы подпили, ты в любви ей стал объясняться?

Чумазые брови Анатолия притворно-недоуменно поползли вверх:

– Но причем тут сестра твоя со своим мужиком?

– А притом, что ты ей все время воздушные поцелуйчики за столом посылал, – мстительно процедила сквозь зубы жена, – да подмигивал. Вот её-то муженек и послал тебе взрывной поцелуй из баньки. Дошло?

Анатолий стал усиленно перерабатывать поступившую информацию в уме. Однако супруга, увидев на лице мужа сомнительную задумчивость, напористо добавила:

– До тебя, как до жирафа, – на седьмые сутки доходит! Да он же мне вчера звонил по телефону и предупредил, что гостинец в печке тебе оставил. Тогда я так ничего до конца и не поняла, а теперь вот осенило, да уж поздно. Ну, ничего! Это даже к лучшему – теперь знать будешь, как за чужими бабами увиваться!

Анатолий, наконец, сообразил о чем идет речь и, чтоб не продолжать неприятный для него разговор, развернулся на пороге и пошёл дотапливать баню, буркнув для виду:

– Послал чёрт родственничков – шуток не понимают!

Он уже почти успокоился, но, заново разжигая печь, всё-таки со злостью подумал: «Ничего, своячок! Приедешь ты еще ко мне! Я тебе такую баньку устрою! Такой гостинчик приготовлю, что помидоры твои на самом верхнем полке окажутся!».

А жена Анатолия, оставшись одна, упала на кровать, и стала кататься от смеха – ещё бы! Она поняла, что это рванул баллончик из-под лака, неосмотрительно брошенный ею в мусорное ведро.

Передозировка

 Искусственно созданный дефицит спиртного во времена правления Горбачева заставил многих укротителей «Зеленого змия» искать ему замену. В ход пошли любые спиртосодержащие жидкости – от одеколona до всевозможных технических аэрозолей.

Самым высоким спросом из парфюмерной продукции пользовался одеколон «Цитрусовый». У знатоков по своим качествам он приравнивался к пятизвездочному армянскому коньяку. Но этот продукт мужики быстро смели с полок магазинов. В ход пошли различные стеклоочистители или, вернее сказать, – почти всё то, где в сопроводительной инструкции указывалось процентное содержание спирта.

Однажды наши мужики сгоношились на выпивку и закупили какой-то жидкости в аэрозольных баллончиках. Многоопытные потребители выпивки в любой таре умело пробили баллонные доньшки гвоздём и слили содержимое в одну посудину. Затем последовал процесс активного помешивания, для удаления газа, и только после этого малыми дозами были наполнены стаканы.

Алексей Сергеевич, впервые попавший в эту компанию, попросил плеснуть ему побольше, дескать, «на халяву и укус сладкий». Собаллонщики, усмехаясь и перемигиваясь, налили Сергеичу почти полный стакан, и он с жадностью – в три глотка выхалкнул поднесенную ему порцию. Мужики тоже выпили, закусили, чем Бог послал, и, закурив, стали исподтишка следить за новичком в этом, как оказалось впоследствии, непростом деле.

И последствия не заставили себя долго ждать. Вскоре живот Алексея Сергеевича неожиданно стал вздуваться. Любитель выпить «на халяву» трухнул так, что упал на пол. Лицо его приняло испуганно-страдальческое выражение. Он стал судорожно: то сгибать, то расправлять ноги в коленях, и при каждом этом движении из нижней части его многострадального туловища неслись громоподобные выхлопы газов.

Когда организм Сергеича стравил воздух и живот его слегка опал, то он со стоном обратился к хохочущей (некоторые даже катались от смеха по полу рядом с ним) братии:

– Ребята, только огонь не зажигайте, а то взорвемся!

– Пошли, мужики, отсюда на улицу, – заметил кто-то из них, – а то и в самом деле взлетим на воздух! К тому же эта вонючая ракета так отравила жизненное пространство, что идохнуть нечем.

Лишь часа через полтора показался измученный Алексей Сергеевич. Молча, с болезненной ненавистью глянул на расположившихся неподалёку порядком захмелевших мужиков и торопливо подался восвояси.

– Сергеич, ты куда? Давай мы тебя ещё дозаправим! – хохотали вслед мужики.

Но Алексей Сергеевич быстро вышагивал по тротуару, всё ещё изредка подбадривая себя уже вполне умеренными выхлопами.

Генеральная проверка

 В шестидесятые годы по всей телефонной проводной линии, соединяющей северный край с «Большой землей», в каждой деревне, через которую проходила эта линия, находился связист. Был такой специалист – Виктор, и в деревне Власово. С работой у него всё было в порядке, да вот только досадливая назойливость жившего на другом конце деревни деда Ефима частенько портила его настроение. Он, как на работу, повадился ходить к связисту. Бывало, времени только-только ещё часов восемь, а дед уже тут как тут с расспросами:

– А куды вон тот провод идет? А эта хреновина здесь зачем? А интересно – как это звонок робит? Слушай, Вихтур, а каким манером слова по железным проводам бегут? Да, видать, быстро чешут, язви их в душу-ту, – не успеешь слово вякнуть, а тебе уже ответ в ухо прилетел! А само-то главное – я ведь у телефонного столба стоял, слушал – не одного слова не разобрал! Гудит, зараза, а больше не хрена не понятно. О-о-о! Вихтур, вон упеть зазвякал! Ответствуй, как должно быть, не то слова куда-нибудь убегут не туды!

В конце концов, связисту надоело слушать не в меру любопытного деда, и он, решив проучить его, предложил:

– Слушай, Ефим, я ведь чуть не забыл за разговорами, что подошло время делать генеральную проверку.

При этом Виктор, с очень серьёзным выражением лица, многозначительно поднял палец вверх.

– На-ко вот, держи, – подал он деду оголённые провода, – а я пойду в Москву звонить. Да смотри, крепче держи и не вздумай отпустить, а не то вся связь порушится! Звонок-то государственной важности, самому Хрущёву, а он за срыв связи по головке не погладит!

Связист произнёс эти слова с таким пафосным подобострастием, что дед, понимая всю ответственность за порученное государственное дело, намертво вцепился вспотевшими ладонями в оголенные концы проводов и застыл в напряжённом ожидании.

Виктор ушел в соседнюю комнату и стал быстро крутить ручку полевого телефона, не забывая кричать для вида:

– Аллё, Аллё! Москва, слышите меня? Деревня Власово на связи! Провожу генеральную проверку!

Бедного старика тотчас затрясло мелкой электрической дрожью. Он пытался что-то сказать, но вместо этого только тряс бородой да подпрыгивал на стуле. Дед, уже забыв про важность мероприятия, хотел было бросить провода, но пальцы почему-то не разжимались.

Наконец, Виктор, решив, что для первого урока с деда достаточно, прекратил крутить свой аппарат. Он неторопливо вышел из комнаты и, не скрывая радостной улыбки, бодро доложил своему «помощнику»:

– Все, дед, проверил, на линии полный ажур! Москва нас услышала, а кремлёвские связисты благодарит за хорошо проведённую генеральную проверку!

– Да к ядрёной матери тибя и твою генеральскую проверку! – прохрипел, отбрасывая провода, старик. – Тибе – ажур, а мне чуть п...ц не пришел!

Он вскочил со стула и, громко хлопнув дверью, выскочил на улицу. И, с ненавистью оглянувшись на окна дома связиста, поспешным шагом пошел домой. При этом он плевался и бубнил себе под нос:

– Ишь, провершик нашелся – руки-те у миня до сих пор дрожат!

С тех пор дед к Виктору без надобности не заходил. Однако даже по прошествии времени при одном взгляде на телефонные провода борода его дергалась, а тело била мелкая дрожь.

Оружейные приёмы

 Как-то раз, изрядно подпив, Иван Петрович – еще крепкий и шустрый дедок, – пребывая в радостно-возбуждённом состоянии духа, решил показать оружейные приемы своей теще. Это была сухая, покрытая мохом древности старушенция, обладающая на удивление хорошим зрением и слухом. Естественно, кадровым военным Иван Петрович никогда не был, но когда-то в молодости призывался на воинские сборы и запомнил строевые приемы.

Вместо винтовки бравый солдат взял на плечо насаженный на длинный черенок сковородник и приступил к демонстрации строевой выправки. Перво-наперво он решил пройти строевым шагом. Расположившись посреди комнаты, Иван Петрович выпятил грудь, поднял подбородок и, выпучив глаза, громогласно скомандовал самому себе:

– Равняйся на середину! Смир-р-р-но! Строевым шагом – ма-а-р-р-рш! – и, высоко задирая ноги, пошел вперед. Но уже через несколько шагов рваный домашний тапок с левой ноги гвардейца улетел в угол. Тёща, сидевшая возле печки, ехидно захихикала.

– Малчать! – рявкнул фельдфебельским голосом Иван Петрович.

Затем «суровый вояка» приступил к показу оружейных приемов. Тыча сковородником в сторону бабки, он сопровождал свои действия громкими командами:

– Ко-ли! Прикладом бей! Ашшо выпад! Атступи! Наступи!

В завершение показа боевых приёмов подуставший воин стал демонстрировать принимающей воинскую подготовку стороне какие-то замысловатые финты: он подпрыгивал, крутился то на одной, то на другой ноге, стучал сковородником об пол и, наконец, при крутом развороте, потеряв равновесие, упал на пол.

– Все, тёшша, отвоевался. В плен меня бусурмане взяли! – тяжело дыша, выдал он.

– Ладно, хоть не убили, – поднимая сковородник, заметила бабка, – а то бы было бы делов!

Экстрасенс

 С некоторых пор Владимир Иванович вдруг стал чувствовать в себе магическую силу экстрасенса-целителя. Особенно, по его убеждению, способность излечивать страждущих проявлялась после принятия им изрядной дозы спиртного. И как только Владимир Иванович чувствовал в себе подъем энергетических сил, у него возникала необходимость изловить пациента для проведения оздоровительного сеанса. Остановив жертву, он участливо спрашивал, каким недугом она страдает. Если следовал ответ, что никаким, то экстрасенс, хищно улыбаясь, отвечал, так, мол, не бывает. Болезнь у тебя, однозначно, есть,

а причина вся в голове. А чтобы жертва вовремя не опомнилась и не дала деру, он тут же приступал к священнодействию. Возносил руки над головой больного, растопыривал пальцы и, оскалив зубы от волевого напряжения, в течение нескольких минут омывал голову больного «целебными биотоками», исходящими из его чудодейственных ладоней. Окончив сеанс, Владимир Иванович устало опускал свои руки и говорил о необходимости проведения еще двух-трех подобных процедур. Затем шествовал дальше с намерением излечить кого-нибудь еще, но встречный народец, заметив его долговязую шатающуюся фигуру, старался улизнуть с дороги.

Однажды Владимир Иванович в крепком подпитии зашёл в гараж. Двое рабочих леспромхоза, Игорь и Александр, заметив, что в экстрасенса влило немало «энергетических» сил, пошептавшись, решили проучить его.

– Слушай, у меня сегодня голова побаливает, – обратился Игорь к экстрасенсу, – и что делать – не знаю, может, полечишь?

Владимир Иванович тут же, оскалив зубы, воздел руки над головой Игоря. И вдруг глаза больного закатились, ноги подогнулись в коленях, и он повалился на верстак. Целитель мгновенно убрал руки от головы пациента и стал растерянно озираться по сторонам.

Александр незамедлительно подскочил к, «потерявшему сознание» товарищу и, грубо оттолкнув экстрасенса, крикнул:

– Слушай, лекарь, это что ты с ним такое сделал? Он же, наверное, в коме!? – и, тихонько похлопывая Игоря по щекам, добавил: – Это какой же заряд магической энергии надо выдать, чтобы человек сознание потерял! А может, он и вовсе окочурился? Вроде, не дышит...

Изумлённый Владимир Иванович, не в силах вымолвить даже слово, молча стоял с открытым ртом.

Вскоре Игорь, лежавший без движения на верстаке, зашевелился, открыл глаза, направил блудливый взгляд на целителя и вдруг, вскочив, с яростным возгласом:

– Ты что со мной сделал, чёртов лекарь?! Издеваешься, да? – бросился на него с кулаками. Александр, поспешно встав между экстрасенсом и «вышедшим из комы» другом, крикнул целителю:

– Чеши быстрее отсюда, а то он тебя убьёт!

– Ты извини меня, парень, что я малость не рассчитал безграничные возможности своего дара! – отступая, пробормотал

Владимир Иванович дрожащим голосом и, нащупав дверь, пулей сквозанул из гаража.

После этого случая целительный дар «экстрасенса» как рукой сняло, хотя энергетические силы он вливал в себя, как и прежде.

Дела подтулупные

 Однажды я и Толя Слинкин оказались в гостях у Гаврила Захарыча, толстого благодушного человека. Возраст он имел весьма солидный, к тому же картавил – вместо буквы Л всегда произносил В. Год назад у него умерла жена, и сейчас вдовец подыскивал себе бабенку. А Толя Слинкин слыл человеком весёлым и весьма охочим до женского пола. В любой компании ему, хлебом не корми, а дай поболтать о бабах.

Так вот, сидим мы троицей, выпиваем, ну и беседуем, уж не помню о чём, одним словом – хорошо сидим! Постепенно как-то незаметно Толя перевел разговор на свою излюбленную тему:

– А, будь добрым, ответь-ка мне, Гаврил Захарыч, вот на какой вопрос. Мужичок ты уже солидного возраста, а, по слухам, подыскиваешь себе невесту помоложе да покрасивее. Ведь молодуху-то, как минимум, раз пять в неделю ласкать надо, справишься ли? Тут, парень, недюжинную мужскую силу иметь надо! Или ты ещё жеребец неизъезженный, и девок тебе хоть в очередь ставь!?

Гаврил Захарович как-то сразу приосанился и, барабаня пальцами по столу, назидательно ответил:

– Смоводу, смоводу берегчи себя надо, парень!

– Как это?

– А так. Бываво под одним тувупом с чужой бабой спав, но не шевелив ее. А ведь я тогда был в самом прыску и уж пару-то раз наверняка бы ожёг!

Толя, видимо, с расстройства, что когда Гаврил Захарыч упустил такую возможность позаниматься подтулупными делами, не приглашая никого, одним глотком выпил стопку, а потом с искренним сожалением рассудил:

– Да-а, как же много же ты потерял! У меня бы ночью, да с чужой бабой – тулуп без меха бы остался! А он, видите ли, не шевелив! Толя, заметив, что хозяин как-то сник, похлопал его по плечу и, с улыбкой, успокоил:

– Ладно, не расстраивайся и давай женись на молодухе! Но знай – если силёнок не хватит, так я в любой момент готов прийти на помощь!

Втирание

 У тётки Ноны заболела поясница. Охая и проклиная болезнь, она кое-как доковыляла до больницы, и там медработница снабдила её каким-то втиранием. Вернувшись домой, больная с великим трудом угнездилась на койке и приказала десятилетней дочери Зойке натереть ей поясницу.

– Только поосторожней снадобьё-то лей, а то медичка сказала, что уж больно оно жгучее, – предупредила она дочь.

Та послушно налила лекарство и принялась старательно втирать его.

– Ох, хорошо-о-о! – постанывала больная. – Ага, вроде, легче стает, помогают, зараза, да ещё как помогают!! Ты втирания-то не жалей, ишо добавь! Во-от, молодец!

Довольная похвалой, Зойка снова плеснула лекарство на поясницу матери, да не рассчитала, и едучая жидкость струйкой потекла между ягодиц, устремляясь ниже, в места легкоранимые, потаенные...

Тетка Нона взвыла белугой, вскочила с кровати и сгоряча принялась хлестать дочь по заднице. Но нестерпимое жжение между ног заставило ее забыть про неё.

В исподнем одеянии, босоногая, пышнотелая тетка Нона выскочила во двор и помчалась к бочке с дождевой водой, куда и сиганула, выплеснув на землю половину емкости. Мирно спавшая собачонка Дамка, привязанная неподалеку от крыльца, мигом исчезла в конуре и трусливо залаяла оттуда. Одноглазый петух Трифон, деловито ходивший по двору, от переполоха взлетел на забор и истошно закукарекал.

– Тебя тут ещё не хватало! – плюнула в его сторону страждущая, делая быстрые приседания, – ух, как хорошо, вроде адов огонь немного затухат! Помогат ведь водичкя-та, разъедри его, едри...!

Когда жжение поутихло, а домашняя живность успокоились, тетка Нона выбралась из бочки. Увидев стоящую на крыльце плачущую Зойку, она опять принялась хлестать ее ладонью. Однако потухший было огонь вспыхнул снова, и опять больная оказалась в бочке. Дочь же не стала дожидаться второго при-

шествия матери-«Афродиты» на сушу и поспешила удрать на улицу. Но выбраться во второй раз из емкости у тетки Ноны уже не хватало сил. Ухватившись за плетень, она наклонила бочку и опрокинулась вместе с ней наземь...

Но самое удивительное было в том, что боль у неё после этих процедур как рукой сняло.

Свидетели

 В деревне Луговая Суббота шел суд. Случай для этих мест был довольно редкий, поэтому народу набилось в клуб – не протолкнуться. Подсудимым являлся приемщик молока, который долгонько жульничал в своем деле, за что и был, по законам советского времени, привлечен к ответственности.

Когда, согласно регламенту, начался опрос свидетелей, то первым вызвали однорукого старика со странным прозвищем Унтер Пришибеев – Леонида Федоровича.

– Что вы можете сказать о приписках молокоприемщика? – спросил его судья.

– А чё Виталий говорил, то и я скажу.

– Какой Виталий?

– А подсудимый.

– А откуда вы знаете, что говорил на следствии подсудимый?

– Дак я подслушал, когда его допрашивали, – простодушно сообщил Леонид Федорович.

– Так-так, – озадачено и строго сказал, судья. – А знаете ли вы, что ваши действия были противозаконны и вы за это тоже можете понести наказание?

– Да откуль мне знать! – искренне удивился старик и, явно струхнув, добавил: ты уж прости меня, товарищ прокурорской судья, я же не нарочно подслушивал. А уж в свидетели херушки я вдругоредь пойду, самого ишо посадят нахрен!

По залу прокатился смешок, а судья уткнулся в бумаги, чтоб не выдать своей улыбки...

Вторым свидетелем вызвали глуховатую бабку – Фёклу Константиновну.

– Вы молоко сдавали подсудимому? – поинтересовался судья.

– Чего давала? – не расслышала бабка, подставляя ладонь к закрытому толстым платком уху.

– Я говорю, молоко сдавали подсудимому?

– Нет-нет, что ты, не давала я ему никогда – возраст не тот! Отдавала уж я своё!

– А деньги получали от него?

– Да нигде мы не встречались! – рассердилась свидетельница.

– Я говорю, деньги, деньги получали от него? – повысил голос судья.

– Ты, парень, говори погромче, а то чё-то бормочешь, как три дня не ел. Кого, говоришь, встречали? – переспросила Фёкла Константиновна, освободив глуховатое ухо от платка.

В зале стали хихикать.

– Ну ладно, – примирительно улыбнувшись, задал новый вопрос судья, – а какие у вас были отношения с подсудимым?

Ну, уж тут Фёкла Константиновна взорвалась:

– Да ты чё, собака! Как у тебя язык-от повернулся? Никаких сношений у меня с им не было!

Люди, было притихшие в зале, на этот раз захохотали так, что тяжелые шторы сцены, где стоял покрытый красной мануфактурой судейский стол, заходили ходуном. Народные заседатели от хохота засучили ногами. А дотошный судья закрыл лицо папкой, но было видно, что плечи его тряслись от беззвучного смеха.

На этом и закончилось в этот день выездное заседание суда.

Пятый секретарь

 В середине лета к Леониду Федоровичу пришло письмо от племянницы и ее мужа. Малограмотный дедок подался с письмом к соседу Виталию Переплеткину. А сосед этот был человеком веселым и большим любителем розыгрышей. Он, конечно же, с удовольствием согласился прочитать, но для начала бегло ознакомился с текстом послания.

Федорович нетерпеливо ерзал на стуле, заглядывая в глаза Виталию:

– Ну и чё, чё пишут-то?

– Да не егозись ты, надо ведь почерк сначала разобрать, – отвечал чтец.

В письме муж племянницы Дарьи Александр, в частности, сообщал, что он устроился на работу конюхом при горкоме партии, а жена числится у него в помощниках.

Просмотрев текст, Виталий закурил, сел напротив гостя и стал читать вслух. Когда дело дошло до того, где работают дядины родственники, Виталий, не моргнув глазом, громко изрёк:

– ...А работаю я теперича пятым секретарем в горкоме партии, а Дарья ходит у меня первым помощником и заведует гужевым транспортом...

При этих словах Леонид Федорович приосанился. В душе его расцвела гордость за своих вышедших в большие люди родственников. Перебив чтеца, он хвастливо воскликнул:

– Да, едрит твою корень, я так и знал, что Олександро куды-нибудь, да выбьется!

Волнуясь и рассыпая табак, он свернул самокрутку в палец толщиной, закурил. Когда письмо было дочитано, взял его и бережно положил в карман.

– Да, далеко-о, однако, пошел Олександро! – повторил он горделиво и, забыв попрощаться, ушел...

Вскоре, до слуха вышедшего вслед Виталия, донеслась громкая хвастливая речь Леонида Федоровича, повествовавшего соседу о пятом секретаре и заведующей гужевым транспортом племяннице.

Нолевой провод

 Возле общественной бани поселка ветром оборвало электрический провод. Заметив это, завхоз лесочастка Александра Петровна побежала искать электрика. И вскоре обнаружила его в гараже, лежащим на верстаке с сигаретой в зубах.

– Чего тебе? – с тяжелым похмельным вздохом спросил он, не отводя больного взора от потолка. Женщина торопливо объяснила специалисту суть дела.

– Ладно, не пыли, сейчас приду, – вздохнул электрик, – ты там покарауль пока, чтоб никто не наступил, а то уши враз посинеют.

Вскоре мастер пришел к месту аварии, осмотрел провода и, дохнув на завхоза похмельным перегаром, выдал:

– Ничего страшного, ноль – он и есть ноль. Я его голыми руками подцеплю на место.

С этими словами электрик взялся за провод, и вдруг тело его судорожно задергалось и скрючилось. Тряся головой, он нечленораздельно замычал:

– Але... Але...!

Александра Петровна суматошно забегала вокруг него, причитая:

– Вот тебе ноль, вот тебе и ноль!

Спас бедолагу от несчастья коловший неподалеку дрова банщик. Он подскочил к извивающемуся электрику и со словами:

– Пускай живёт, холера синяя! – перерубил провода.

Постепенно электрик стал приходить в себя. Сначала он бессмысленно озирался по сторонам, а потом, растирая уши, спросил завхоза:

– Ну, что, Петровна, уши не посинели, нет?

– Да, вроде, нет.

– Слава те, Господи! Но, однако, могут и посинеть. Пойду-ка я за противоядием. Да и банщика необходимо отблагодарить за спасение!

Электрик встал, посмотрел на перерубленные провода и пошел, слегка покачиваясь, за бутылкой. И сейчас с этого курса на магазин его не смог бы остановить не только оборванный провод, но даже директор лесоучастка.

Модельная обувь

 По случаю проведения отчетно-выборного собрания в колхозе «Красный туземец», жители деревни Луговая Суббота наварили браги и приготовили закуску.

После торжественной части, долгого монотонного доклада и голосования за председателя и членов правления колхоза, народ расселся за сколоченные длинные столы.

Вновь избранный председатель произнёс тост, и колхозное крестьянство приступило к завершающей фазе праздника. Вскоре заиграла гармошка, и сразу же в пляс пустились женщины. Потом на круг вышел разгоряченный брагой и праздником кузнец из Горной Субботы – Ганя. В зубах у него дымила громадная трубка, а на ноги одета какая-то сверхмодная обувь. Подошвы ее были вытесаны из досок, а к ним прилажены голенища, сшитые из семяпроводов от сеялки.

– Эхма! Кутерьма, один лапоть, два нога... – запел матерную частушку кузнец, и стал издавать ногами в своей обуви такой грохот, что женщины с визгом бросились врассыпную.

– Берегись, бабы, – крикнула одна из них – а то, как даст эдакой доской, так сразу и обезножешь!

Ганя так растопался, что из его трубки, как из кузнечного горна, посыпались искры.

Услышав великий шум, в клуб заглянул председатель сельсовета. Однако, когда он увидел пляшущего кузнеца, то не удержался и пустился с ним в перепляс, выделявая замысловатые коленца в своих начальственных бурках. Но вошедший в раж кузнец топал так, что даже гармошку не было слышно. Наконец, председатель, поняв, что Ганю ему не переплясать, махнул рукой и вышел из клуба.

А вслед ему нёсся победный грохот модельной обуви кузнеца.

Стоматологический наркоз

 У Сереги заболел зуб. Он полоскал рот отварами, делал примочки, но облегчения не было. Больной ходил взад-вперед по комнате, стонал и смотрел на мир глазами полными слез и страдания.

— Господи! Помоги! — взмолился он, когда взгляд его остановился на висевшей в углу иконе. Молитв Серега не знал и, может, потому Господь не помогал, а зуб дергало так, что впору было взвыть. Тогда мученик стал просить исцеления и у черта, и у сатаны, но пока не помогала и эта братия. Тогда Серега разочаровано махнул рукой:

— А ну вас всех! Пойду-ка я к отставному фельдшеру. Он-то уж точно поможет.

Фельдшер Ваветкин, на счастье, находился дома, но был с жуткого бодуна. Безучастно осмотрев больного, «стоматолог» задумчиво промолвил:

— Дело серьезное. Наркоз нужен. А у меня, как тебе сказать, даже инструмент не продезинфицирован. Потому как — нечем! И, признаться, рука со вчерашнего не та у меня...

Два раза больному объяснять не пришлось — он быстро сходил в магазин и принёс бутылку.

После того как опустела поллитровка, фельдшер усадил Серегу на табурет. Протёр смоченной несколькими каплями водки ватой щипцы и ухватил больной зуб. «Стоматолог» с таким рвением принялся крутить и дергать зуб, что Серега в такт его движениям мычал, крутился и приподнимался на табурете. Наконец, не выдержав адовых мук, он ухватил своего инкви-

зителя за жидкую бороденку и тоже стал дёргать туда-сюда. Фельдшер взвыл и выпустил щипцы из рук.

– Отпусти, лихоимец! – заорал он больному. Серега послушно оставил бороду в покое. Оба тяжело дышали, потирая ладонями – фельдшер бороду, клиент щеку.

– Нет, дело не пойдет так, – сказал, успокоившись, Ваветкин. – Здесь надо применить, как минимум, три флакона наркоза. Серега согласно кивнул и, держась за щеку, отправился в магазин.

...Проснулись они только утром. Так и не вырванный у Сереги зуб, как ни странно, не болел, однако, щека была сильно припухшей. Бородёнка отставного фельдшера тоже была в порядке, только кудлато топорщилась со сна. Но теперь у обоих невыносимо болели головы, видимо, от передозировки наркоза...

Заявление

 В небольшой деревеньке со странным названием Ячи когда-то было десятка два дворов. Но к концу шестидесятых годов люди разъехались, деревня опустела, и из всех жителей в ней осталась всего одна семья. Может, вымерла бы и эта деревенька, но места здесь были луговые, богатые травами, и колхозники из окрестных сел стали стогнать сюда телят для выпаса. Этим и занималась оставшаяся семья с начала навигации до глубокой осени. В общем-то, жить можно было – и луга заливные, и рыба в озерах водилась, а уж ягод и орех кедровых – не перебрать, да одна беда – повадились медведи телят драть.

Молодняка в тот год на выгул пригнали больше обычного, и поэтому Михаилу Пузину, хозяину деревеньки, колхоз направил помощником Ивана Зверева, мужика довольно-таки хвастливого.

По приезду в Ячи, Иван, услышав о бесчинствах зверя, убедительно похлопал по висевшему на плече ружью:

– Ничё, я тебе все омбары медвежьими шкурами поувешаю! А уж если мишка жирный попадёт, то и сала ведерко-другое натоплю, да и желчь евонная цены не имеет!

Уже недели через две пастухи не досчитались одного тележка. Иван зарядил ружье и направился на поиски или телёнка, или медведя.

...Смеркалось, когда поисковик-охотник спустился в низину, заросшую густым кустарником, и сразу услышал какое-то подозрительное урчание и чавканье. Раздвинув кусты, Иван увидел перед собой мокрую от крови громадную медвежью морду, закусывающую телятиной. Охотник остолбенел, а медведь, грозно рыкнув, мгновенно исчез в кустах. И тут истребитель медведей, вспомнив о ружье, сорвал его с плеча, пальнул воздух и бросился бежать.

– Чё с тобой? – встретил его Михаил.

– Медведь! – выдохнул Иван, обессилено опускаясь на крыльцо.

– Ну и почему ты его не укокошил?

– Ни хрена себе! Укокошил! Да я с ним, как с тобой – нос к носу состыковался!

– Ну и что тут особенного, я с ними частенько встречаюсь.

– Дак ты местный, к тебе все зверье привыкло, не трогают. А меня-то они ишо не знают, и тут уж никакое ружье не поможет – сожрут за чисту белку!

Михаил, усмехнувшись, покачал головой:

– Ты же говорил, что все омбары здесь медвежьими шкурами обвисишь, да и сала звериного натопить хотел.

– Тут как бы из меня сала не натопили! – трагически воскликнул Иван.

На следующее утро истребитель медведей написал заявление в правление колхоза следующего содержания:

«Заявление на заседанье правленья от Ивана Зверева. Довожу до сведенья, что зверья здесь больше, чем телят. Делайте со мной, что хотите, но я вам больше не пастух. А раз Мишка Пузин медведей не боится, пускай пасет. А за мной отправьте каку-нибудь посудину и побыстря, а то от меня скоро останутся одни бродни. Если ты, товарищ председатель, красная твоя морда, не вывезешь меня отсюда, то я уйду пехом. Остаюсь пока ишо живой Иван».

– На, переправь в правленье, – сунул он вчетверо сложенный листок Михаилу, – а я, пока катер не придет, следочка моих бродней за оградой не будет! А ты, Мишка, как прикормил зверье, так и отваживай, как хошь!

Борьба за наличность

 Северный ветер властвовал в вечернем городе. Было очень холодно, и редкие прохожие, пряча лица за воротники, торопливо перебежали улицу.

На автобусной остановке скопилась большая толпа народу. Автобус запаздывал, и Галя, предвидя давку, заранее достала из кошелька пятирублевую монету, и положила её в карман пальто. Наконец, подъехал долгожданный транспорт, выдохнул дверями, и народ ринулся в его тёплое нутро.

Когда автобус тронулся, и пассажиры, находясь в страшной тесноте, стали с трудом доставать и передавать деньги на билеты, Галя тоже протиснула руку в карман, где к величайшему своему удивлению обнаружила... чужую руку. Рука вора, вероятно, мужская, крепко сжимала ее пятирублевку! Возмущённая такой наглостью пассажирка попыталась было разжать пальцы рецидивиста, но не тут-то было! Поняв, что силой ей не вырвать деньги, она по-кошачьи – всеми ногтями, вцепилась в обнаглевшую руку. Пальцы воруги дрогнули, разжались, и рука покинула карман. Галя победоносно вынула пятирублевку и передала кондуктору.

Выйдя на своей остановке, Галина по дороге домой долго ещё возмущалась и удивлялась наглости современных карманников:

– Ладно, я вот такая настырная, – мне чужое не надо, но и своего не отдам.

Дома она в поисках ключей от двери сняла перчатку и сунула руку в карман пальто, где и обнаружила свою монету в целости и сохранности.

Манёвры

 Рассказал мне эту историю один из бывших участников войсковых танковых учений.

На полигоне, где проходили маневры, стояла наблюдательная вышка. Тогда во время учений на ней находились генерал со штабными офицерами и наблюдали, как танки вели на ходу огонь по мишеням. Первые четыре тройки боевых машин отстрелялись без происшествий. Но в пятой тройке один из танков почему-то не открывал

огонь по цели. С командного пункта по радиации и громкой связи экипажу был дан приказ, заканчивающийся словами:

– Стреляй, стреляй же, ё... твою мать!

Услышав последнее предложение из приказа, танк на ходу развернул башню и направил ствол пушки на вышку с комсоставом. По громкой связи из недр машины донесся голос с явным кавказским акцентом:

– Эй! Эта и кыто там сказал, что он ё... мою мать?

Комсостав посыпался с вышки как горох. Подполковник – командир батальона, бежавший первым, внизу споткнулся и упал. Однако это не помешало генералу и его свите перепрыгнуть через боевого товарища и дислоцироваться подальше от греха. Когда комбат, матерясь на чём свет стоит, дохромал до группы руководства, сосредоточившейся на краю полигона, генерал встретил его суровым вопросом:

– Это что там у тебя за придурок сидит в танке?

– Да кавказец один. Страшно не любит, когда его мать плохо поминают, да и, вообще-то, парень горячий, – ответил подполковник. – Его, когда он был молодым солдатом, сильно муштровал сержант Карпенко. Так вот, в одном из писем родители спросили этого кавказца: что, дескать, тебе купить к дембелю – машину или дом? «Ничего не надо, – ответил тот, – купите поросенка и назовите сержант Карпенко. Приеду – самолично зарэжу!»

Отцы – командиры грохнули хохотать, напряжение было снято. И теперь провинившемуся, кроме гауптвахты, естественно, ничего не грозило.

Маруся покрылась

 Незадолго до закрытия в местном магазинчике накопился народ. Кто-то просто стоял в очереди за покупками, некоторые беседовали в полголоса, перемывая чьи-то косточки, в общем, всё шло своим чередом.

Пришла в магазин и бабка Ефросинья, негромко поздоровавшись, скромно встала в конец очереди. Но покупки мало интересовали бабку – ей не терпелось поделиться хоть с кем-то своей радостью, что накануне она получила письмо от сына.

– Ну что, Серафима, твои-то пишут? – негромко обратилась Ефросинья к соседке, стоящей впереди.

– Да ничё. Что-то давненько весточек нет...

– А я вот, лонись, от Вани письмо получила, – прибавила в голосе Ефросинья, чтобы услышали все.

– Ну, и чё пишет? – тактично спросила Серафима.

– Пишет, что живут с Марьей хорошо, и заработок тоже хороший. Ребятишки, слава те, Господи, растут. Старшой-от уж курить начал. Они ведь ноне вон что творят – как только соску бросят, так сразу и за сигарку.

Убедившись, что в магазине стали прислушиваться к ее рассказу, бабка подошла к главной новости:

– И знашь, Серафима, самое главное-то я чуть и не забыла. Ведь Ваньша-та ишо прописал, что Маруся покрылась...

Продавец, насыпавший сахар в чью-то котомку, от смеха выронил совок и плюхнулся на стул, стоявший за прилавком. Старушки в очереди ехидно захихикали:

– Ну, девка, ты и отчабучила – у тебя сноха-та кобыла, личё ли, чтобы крыться?

Ефросинья с удивлением уставилась на хохочущих:

– Какая вам кобыла? – поджав с обидой губы, буркнула она, – Маруся-то долго не могла взяться, а теперича вот покрылась...

По дороге домой бабка Ефросинья семенила, время от времени сокрушенно покачивая головой:

– И каку опасну смеются? Как будто сами никогда не крылись?

Дрова

 В один из февральских вьюжных вечеров хозяин дома Гаврил Захарыч с Пётром-Майором сидели за столом и пили бражку. Был ли Петро когда-то майором – неизвестно, но имя его без этой приставки, за глаза, конечно, не произносилось. Тепло от истопленной печки, уютный свет от керосиновой лампы, висевшей под потолком, а скорее всего, крепкая бражка расположила их к откровенной беседе.

– Слушай, Пётро, – спросил, улыбаясь, Гаврил Захарыч, – сам ты, вроде, уже мужик пожилой, а вот ребятишек почти каждой год клепашь. И, если правду сказать, то не шибко-то они на тибя походят? Может, кто-то помогает тебе в этом деле?

Петро тяжело вздохнул, выпил браги, и, пыхнув трубкой, прогнусавил:

– А чё тут скрывать-то, Гаврило. Я вот своей бабе говорю: «Как дрова да сено возить, дак Петро, а как с тобой спать, дак преподобной Анатолей выискался».

Майор помолчал, выпил и продолжил:

– Я говорю Оксинье: «Вот не стану дрова возить, дак ты не будешь со своим Толей-Косачём встречаться». А она смеется и говорит, мол, а как ты-то без дров будешь жить, отморозишь ведь свои никудышные помидоры. Вот и приходится, Гаврило, возить дрова. А обиднее всего то, что как только я в лес, этот валет косокрылый к моей бабе в тёплу избу. Вот и сейчас мы с тобой сидим, а они, может, ишо одного сыночка мне строгают. Я уж всяко думал, чё делать, да, как не крути, а без дров не обойтись. Куды девашься, Гаврило, зима ведь, да и ребятишек жалко – замёрзнут.

Пётр выколотил погасшую трубку, и, отодвинув занавеску, посмотрел в окно:

– Шибко метет, однако, а мне завтра опять за дровами ехать, – он горестно вздохнул и замолчал.

– Вот, парень, как на молодых-то бабах жениться! – назидательно заметил Гаврил Захарыч и, похлопав Майора по плечу, добавил: – Не даром старики-те талдычат «Душа-та радеет, а передок-от не владеет!»

Понос

 Во времена моей далекой юности обстановочные огни на реке зажигали вручную. В нашей деревне этой работой занимался бакенщик Василий Алексеевич. Каждый вечер он садился в лодку и объезжал отведенный ему участок реки. Регулярное отсутствие бакенщика в вечернее время очень было удобно его соседу Ивану Петровичу – большому любителю женской половины человечества. Стоило ему увидеть, что лодки соседа на берегу нет, он тут же спешил в дом бакенщика. Так они и жили: Василий Алексеевич занимался бакенами, а Иван Петрович любезничал с его женой – Марфой.

Но однажды бакенщик вернулся с реки слишком рано и застукал парочку прямо в постели.

– Дайте петлю! Дайте петлю! – закричал, носясь по комнате, бакенщик тонким петушиным голосом.

– Дам петлю, дам петлю, – покладисто согласился Иван Петрович, застегивая дрожащими руками брюки, надетые на голое тело, – но без шуму!

– Вася, Васенька! – бегала за мужем Марфа. – Не вирь своим глазам, а вирь моей совесте!

– А что вы вдвоём в постели делали? Может, сено косили? – ехидно спросил бакенщик.

– Какое тебе сено!?! Ваня просто зашёл, увидел меня в постели, ну и, шутя, прилёг. А ты, наверное, подумал, что я тебе изменяю – да никогда в жизни этого не будет, вот те крест! – истово перекрестилась «верная» жена.

Василий Алексеевич оттолкнул ее и сел к столу, понуро опустив голову.

– Василий, ты не подумай чего-нибудь плохого, я ведь и правда пошутить хотел, – дрожащим от волнения голосом вступил в диалог Иван Петрович, присаживаясь осторожно на край скамьи.

Марфа, увидев, что обстановка понемногу разряжается, внесла самый увесистый аргумент в урегулирование конфликта:

– Васенька, ты, наверное, с устатку выпить хошь, так я сейчас мигом стол накрою!

И уже вскоре закуска и пара бутылок самогона красовались на столе.

– Ты выпей, выпей, Вася, успокойся, и Ване налей, – ласково ворковала жена, – ох и напугал же ты нас, а ведь ничё и не было. Ваня-то ведь просто зашел, по-соседски... Совесте моей вирь, а глаза-то могут и подвести!

Василий поднял стопку и, ни с кем не чокаясь, произнёс тост-предупреждение:

– Смотри, Иван, не дай Бог я тибя ишо раз здись увижу – зажгу фонари под обоими глазами!

Паяльных дел мастер

 Вечером к Андрею по прозвищу Паяльник пришел друг Гриша. Пожелав хозяину здоровья, Гриша снял шапку и, пригладив волосы, прошел к столу:

– Давай, Андрюха, выпьем, язи его в душу, а то одному как-то не в жилу, – он достал из-за пояса две бутылки водки, – да и дельце у меня к тебе есть.

Друзья вольготно расположились на кухне, благо, хозяйки еще не было дома. Когда очередь дошла до второй бутылки, Андрей спросил:

– Ну, и какое у тебя дельце ко мне?

– Да мост, понимаешь, на спайке лопнул, и как-то бы надо соединить его, а ты ведь в этом деле у нас мастак, – подхалимно заглянул в глаза другу Григорий.

– Оно, конечно, так, – важно сказал Андрюха, – но я больше спец по радиаторам, хотя можно и мост пришпандорить. Он у тебя с собой? Гриша открыл рот и щелкнул себя пальцем по зубам:

– Всегда со мной!

– Н-да, однако, – озадачился спец, – на живом-то организме мне ещё паять не приходилось. Терпежу-то хватит?

– Ничего, выдюжим! Во время войны немцы вон как наших пытали, а я чем хуже? – заверил товарища Григорий.

Андрей разложил на столе нужные принадлежности и включил паяльник:

– Пока инструмент греется, давай выпьем за твердость руки. Друзья чокнулись, выпили, и Андрей подступил к лицу Григория с паяльником:

– Ну, давай, разевай варезку, подставляй свой радиатор, то есть, как его... э-э, мост.

При виде накаленного паяльника, Григорию сразу расхотелось запаивать мост, но отступить было поздно, и он покорно открыл рот, опасливо косясь на горячее жало инструмента. В ряде зубов Андрей высмотрел нужное место и ткнул в него кончиком паяльника. Гришка взревел, оттолкнул мастера и бросился к ведру с водой.

– Не вздумай пить! И хайло не закрывай, припой-то ишо не прихватило! – закричал ему Андрей. Тогда Григорий с открытым ртом, ринулся на улицу, чуть не сбив с ног входящую в дом жену Андрея.

– Это что тут у вас происходит? – сурово спросила супруга у Андрея и, увидев початую бутылку на столе, перешла на крик, – опять пьешь, луженая твоя глотка!

Она быстро подошла к столу и схватила бутылку за горлышко.

– Стоять, – грозно рявкнул Андрей, – дура! Кислота это, и если хоть капля попадет на кожу – прожжет до кости!

Жена тут же поставила бутылку на место и подозрительно спросила:

– А стаканы зачем?

– Ну, выпили – вон из той бутылки, – кивнул Андрей на опорожненную ранее посудину, – а в этой кислота. Её хорошо за-

ткнуть надо, не дай Бог кто попутает. Ты пробку капроновую пощи, а то бумажную-то разъест.

Жена, ворча, нашла пробку, Андрей заткнул бутылку и убрал ее вместе с паяльным набором в ящик.

Поскольку Григория и след простыл, Андрею ничего не оставалось делать, как вздохнуть и довольствоваться тем, что было выпито. Только на следующее утро он вынул бутылку с «кислотой» из ящика и принес её на работу. Здесь они и решили опохмелиться. Губы и язык друга были крепко обожжены, и пить из стакана он не мог, но разве это могло остановить русского человека. Отрезав от пластмассовой бутылки горлышко, он вставил его в рот и благополучно опохмелился.

Серёзино радио

 У Глафиры Ивановны, пожилой учительницы, еще не утратившей веселого и лукавого нрава, жил племянник Сергей. Был он по характеру подстать тётке – весельчак, к тому же изобретатель. Например, поднятый им над крышей на высокой жерди ветряк с динамо, подпитывал электричеством радиоприемник, в который была вставлена металлическая труба, проведенная Серёгой с чердака. При появлении в доме несведущего человека из вещательного аппарата вдруг раздавался отливающий металлическим тембром голос невидимого диктора Серёги, чем многих приводил в замешательство.

Как-то к учительнице зашел старый рыбак – Иван Яковлевич, живший в соседней деревне. Увидев гостя, Серёга быстро поднялся на чердак и стал наблюдать в специальную щелку за посетителем. Гость сидел за столом, важно поглаживая кудлатую бороду, и попыхивал трубкой.

– Как раз самый подходящий момент! – решил Серёга и заговорил в металлическую трубу голосом Хрущева:

– Здравствуй, Иван Яковлевич! Слышал я, что ты много рыбы ловишь?

Рыбак вздрогнул и уставился на учительницу. Глафира Ивановна глазами показала на радиоприемник.

– Неужели, миня в Москве сам Хрущев знат? – задрожавшим от волнения шепотом спросил учительницу Иван Яковлевич. Женщина пожала плечами и, чтобы спрятать улыбку на лице, отвернулась к окну.

– Иван Яковлевич, я к тебе обращаюсь, – снова заговорил «Хрущев», – ты, говорят, по осени в прорубь упал и своими поярковыми валенками истоптал ловушку для рыбы.

– Была такая ошибочка, товарищ Хрущев, – пролепетал рыбак в сторону радиоприемника, не смея подняться со стула, – но я потом фитиль-от изладил и теперь снова ершей ловлю.

– Только ершей? – строго спросил Хрущев.

– Нет, ишо и чурагаек тожо, – ответил рыбак и виновато опустил голову.

– Ну, ладно, иди, но ловушки больше не топчи! А то с такими рыбаками, как ты, нам Америку по вылову ершей никогда не догнать!

Иван Яковлевич послушно вскочил со стула и, учтиво поклонившись радиоприемнику, быстро вышел из дома, даже не попрощавшись с хозяйкой.

– Эй, охальник, слазь, – застучала по трубе Глафира Ивановна Сереге и, глядя в окно, добавила со смехом: – Вон как человека настрадал: летит по улице, аж бродни земли не достают!

Профессионалка

 Утетки Фёклы было четыре сына. Все они были давно взрослыми, но почему-то холостыми. Наконец старший, Гоша, женился. А получилось все просто. Однажды он поехал в город продавать мясо, поехал-то один, а вернулся с девкой и объявил ее своей женой. Поселились молодые в Гошином родительском доме. Девушка оказалась смазливой, ленивой и наглой. Если свекровь делала ей замечание, то невестка посылала ее в такие трехэтажные задворки, что тётка Фёкла надолго теряла дар речи.

Братья всегда жили дружно, и поэтому Гоша с первых же дней сказал жене:

– Слушай, Верунчик, если братья у тебя чего попросят, то ты им не отказывай! Мы всегда друг другу помогаем.

Верунчик быстро приняла это указание к сведению и, если мужа не было дома, стала по очереди ублажать его холостых братьев.

Просыпалась молодуха обычно к полудню, наскоро омывала лицо, садилась за стол и с завидным аппетитом поедала приготовленное свекровью. Затем она густо красилась и уходила к кому-то в деревню или слонялась по дому из угла в угол.

Свекрови, естественно, порядком надоело такое праздное блудие невестки.

– О, Господи, – вздыхала она, – хоть бы родила, что ли? Может, тогда бы образумилась!

Однажды тетка Фёкла все же не выдержала и в сердцах стала высказывать невестке:

– Готовить ты не можешь, стирать не хочешь, на работу и ротой солдат не выгонишь. Ты, наверное, и с Гошей-то спать не умеешь!

– Что? – опешила невестка. – Ах ты, карга старая! Уж насчёт чего-чего, а насчёт этого – Гоша не пообидится! Да ты и у остальных сыночков спроси – они мне сами говорили, что их никто ещё так сладко не ублажал!

– О, Господи! – воскликнула тетка Фёкла и ушла на кухню.

– Да я еще тебя, старая кошелка, этому делу обучу! – крикнула ей вдогонку невестка.

...Через год Верунчик родила Гоше сыночка. А вскоре, собрав все ценные вещи, она исчезла в неизвестном направлении, оставив чадо на попечение свекрови и своих четверых мужей.

Обручальное кольцо

Анатолий с Виктором удили рыбу. Поклевки не было, и рыбаки, от безделья, вели негромкий разговор, изредка поглядывая на неподвижные поплавки. Анатолий, видимо, раздраженный безрыбьем, или от нечего делать, потихоньку стал рассказывать о своих сложных отношениях с женой. Виктор тактично слушал, с пониманием кивал головой и поддакивал другу. Однако Анатолий, распалялся все больше и больше. Наконец, со словами:

– Да пропади оно всё пропадом, заманала меня такая жизнь! – стал снимать с пальца обручальное кольцо и, с трудом сорвав его, бросил в воду:

– Всё, разведусь я с ней, к чёртовой матери!

Виктор вроде бы равнодушно проследил за полетом кольца и, зорко отметив место его падения, поддакнул:

– Ну и правильно, раз такая жизнь, чё кота за хвост тянуть!

Круги на воде от падения кольца слегка качнули поплавки, и зеркальная гладь воды снова успокоилась. Больше разговор не клеился. Анатолий посидел ещё некоторое время и вскоре, смотав удочку, попрощался:

– Ладно, ты сиди, если хочешь, а я пошел домой. На кой хрен я буду здесь время впустую тратить, рыба все равно не клюет. Бывай!

Как только он скрылся из виду, Виктор, поглядывая на при-
меченное место, стал раздеваться.

– Ну и дурак, – негромко приговаривал он, – развод разво-
дом, а золото, как не крути, всегда в цене. За него-то не одну
бутылочку испить можно.

Вода была холодной. Виктор, ежась и повизгивая, осторожно
лег в воду и стал ощупывать дно. Найти кольцо, как он и пред-
полагал, было не просто. Прошло минут двадцать. Золотоиска-
тель посинел, покрылся гусиной кожей, и зубы его уже стали
постукивать.

– Всё-таки какое же я балда! – досадливо ругал он себя. –
Разве найдешь его в такой ледяной воде. Бесполезно!

Но только Виктор собрался выбираться на берег, как его
пальцы нащупали искомый предмет.

– Есть! – возликовал старатель, извлекая кольцо на свет божий.

На берегу обладатель драгоценности судорожно оделся, и
только потом стал рассматривать добычу. Пытаясь разглядеть
пробу, он то подносил, то удалял кольцо от глаз. Пробы на ме-
талле не было. Зато явно просматривался подозрительный от-
тенок, очень характерный для меди... Глубочайшее разочарова-
ние исказило лицо старателя.

– Ах ты, гад такой! Жених самоварный! Это же надо – в наше
время и кольцо из меди! Правильно тебя баба не любит! – чуть
не плача оттого, что его провели, стал ругаться Виктор. Он бро-
сил безделушку наземь и с яростью стал топтать её ногами.

...А «самоварный жених», наблюдавший эту сцену из кустов,
катался по траве в безудержном смехе.

Нечистая сила

 Л ишь только рабочий день приблизился к концу,
работяги гаража сгношили на несколько бутыл-
лок водки. Закуска в таких случаях, как обычно,
не предусматривалась, но дежурная корка хлеба где-ни-
будь находилась всегда. Несколькими бутылками дело не
ограничилось, наскребли еще деньжат, послали гонца в
магазин и лишь с наступлением темноты с песнями стали
расходиться по домам.

Слесарь Григорий, возраст которого соответствовал поговорке «седина в бороду – бес в ребро», домой пошел не напрямую, а через двор одной своей зазнобушки. Зайдя к ней, Гриша попросил чего-нибудь выпить. Хозяйка радушно заулыбалась желанному гостю, выставила на стол поллитровку и, похотливо подмигнув, сказала:

– Ты, Гришенька, пока разогревайся здесь, а я займусь женскими делами.

Любовница исчезла в ванной комнатке.

Делами хозяйка занималась долго, и, когда одетая подобающим образом вышла из ванны, Гриша уже почти ничего не соблажал. Он оторвал тяжелый взгляд от стола с опустошенной бутылкой и уставился в проем двери...

Перед ним стояло привидение: с распущенными до плеч седыми волосами, в длинной белой ночной рубашке...

Гришино лицо перекосила гримаса ужаса:

– Уйди, уйди, нечистая! – хриплым голосом закричал он и выставил вперед руки, защищаясь от видения. Однако «нечистая» надвигалась на него, обнажив железные зубы в хищной, плотоядной улыбке. Ополоумевший Гриша бросился на улицу:

– Врешь, не возьмешь, костлявая! – крикнул он призраку.

Прибежав домой, перекрестился на, висевшие в углу иконы, и со словами:

– Слава Богу, пронесло! – отправился спать.

Ночью Григорию снилась пустыня. Нещадно палило солнце, пот застилал глаза, невыносимо хотелось пить. Мучимый похмельным «сушняком» Григорий поднялся и на ощупь направился к бадье с водой, стоявшей в прихожей. Гремя ковшиком, с жадностью накинулся на воду. И вдруг в проеме двери снова появилась ОНА – снова с распущенными волосами, снова в белой ночной рубашке, только со свечой в руке...

Ковшик выпал из Гришиных рук.

– Господи! Помилуй! Изыди, нечистая! – запричитал слесарь и стал истово креститься.

Нечистая сила вдруг спросила голосом Гришиной жены:

– Ты что, гусей погнал? До чертиков, видно, допил, алкаш синеносый?

Григорий облегченно вздохнул – в дверях действительно стояла его встревоженная супруга.

– Да иди ты! Просто сон дурной приснился. Спать ступай. Шляешься по ночам, да еще со свечой.

В одно время в Бобровском лесоучастке работал катер с двадцатисильным двигателем. Однако, несмотря на скудность лошадиных сил, его мало-мощная дизельная установка работала с таким шумом, что её было слышно за полчаса до появления самой посуды.

Капитаном, механиком и матросом в одном лице ходил на нём мужичок средних лет, очень не равнодушный к выпивке, – Гоша. Он подвозил на этом суперлайнере, в основном, товары для магазинов из Горноправдинска. И причём всегда помогал при погрузке, а за это продавцы его одаривали (в зависимости от количества товара) бутылкой-другой водки. Событьником в потреблении заработанного был у Гоши его сосед – Петро. Днем они работали порознь, каждый на своем месте, а вечерами, затарившись водкой, уходили на катере на другую сторону реки, где и пили без помех. А вскоре вечернюю тишину оглашали песни, исполняемые хорошо слаженным дуэтом.

Жены приятелей, заслышав знакомые серенады, ходили по берегу и грозили кулаками в сторону недосягаемых мужей:

– Ну, погодите, алкаши, доберемся мы до вас!

Случалось – друзья пировали на том берегу все выходные, но к понедельнику всегда возвращались домой.

Так было и в этот раз. Капитан благополучно причалил катер к деревенскому берегу, и мужики, покачиваясь, направились по домам. Придя домой, капитан блаженно растянулся на кровати и только было задремал, как из дома соседа раздался громкий рев и мат.

– Интересно, что у него случилось? – подумал Гоша и осторожно заглянул в квартиру.

Друг сидел на полу в луже простокваши, среди осколков стекла. Обхватив мокрую голову руками, он стонал и раскачивался из стороны в сторону.

– Смотри, что эта проشمандовка со мной сделала, – увидев соседа, сквозь стоны стал жаловаться Петро, – ведь она мне голову до мозгов прошибла!

Капитан наклонился, осмотрел рану и успокоил страждущего:

– Да, вообще-то, ничего страшного, рана небольшая. А что насчет мозгов, если они у тебя есть, конечно, так я пока что вижу только простоквашу! И как это ты не сумел увернуться?

В меня ведь тоже благоверная чем только и не кидала, но я, как вьюн, всегда уворачиваюсь, учись, пока я живой! И как это ты, увалень, не сумел отразить нападение?

– Как-как, пришел, лег, а она, видимо, чтоб усыпить мою бдительность, так ласково говорит мне: «Что, явился, солист большого театра? Та-а-к держи теперь букет – и ка-ак шарахнет трёхлитровкой с простоквашей по моей окаянной головушке...!»

Друзья, посетовав на житуху, разошлись. Петро обтёр полотенцем голову, успокоился и, изредка постанывая, задремал. Однако, вскоре, когда он услышал рёв соседа, его как бы подбросило на койке:

– О, Господи! Это что же такое с Егорием-то?

Но, услышав, отборнейший мат капитана Врунгеля, понял, что «вьюн» на сей раз тоже не смог отразить удар.

Бабка Марья

 Как-то раз мне пришлось попить бражки с бабкой Марьей по прозвищу Волк. Она зашла к нам как бы ненароком, «на огонек». Суховатая, с морщинистым лицом старуха, постоянно курила дешевые папиросы и разговаривала громким хриплым голосом.

Волком ее прозвали за то, что когда-то они вместе с братом украли колхозную овцу. До уголовной ответственности дело не дошло, но прозвище к ней прилипло навсегда.

Дом бабки Марьи находился по соседству с нашим. Жили в нем, кроме неё, ещё дочь с мужем и внук. Зятёк, по молодости и буйству характера, сживал в местах заключения и теперь частенько подсаливал свою речь блатными словечками.

Бабка быстро переняла у зятя этот жаргон и к месту, а иногда и невпопад, частенько выражалась тюремными словечками. С особым рвением лагерный жаргон применялся ею для воспитания внука:

– Играй здесь, а за зону не перелазь! Куды полез, фуцен недорезоной? – кричала бабка хриплым надзирательским голосом, если внук пытался улизнуть за режимную зону, – я тебе сичас мурло начищу, шестерка вонючая!

Когда воспитательные слова ее не доходили до ушей непоседы, бабка хватала его за шиворот и приступала к телесным наказаниям, звучно шлепая лагерника по заднице:

– Будешь ишо режим нарушать, будешь? Или я тибя в карцер упакую, – при этом надсмотрщица показывала на курятник. Внук вопил во все свое подневольное горло и размазывал сопли по щекам.

– Да замолчи ты, рожа камерческа! А то я тибе ишо не так по фене наботаю!

Вот в таком духе она и воспитывала своего внучка.

Сейчас, когда после выпитой бражки на душе у бабки захо-рошело, она, покуривая папироску, заговорила о своей послед-ней поездке на речном трамвайчике.

Дело в том, что останавливался он у нашей пристани только по требованию пассажиров, и поэтому приходилось поднимать-ся в ходовую рубку и просить об этом рулевого.

– Еду, смотрю – Шалимову-ту проезжаю. Я пошла к капита-ну в рубку и говорю: «Ты миня не знашь? Я Сиверова тёшща! Он и спрашивает:

– Северова? А это не тебя Волком кличут?

– Я ему говорю: «Миня, миня, гражданин начальник. Крути руль к берегу. А то колонию мою проедем». Он уважительно так посмотрел на миня, причалил к пристани, а когда я на берег со-шла, дак ишо и гудок дал.

Вот, парень, с каким уважительством к моему зятю-то от-носятся! – гордо закончила бабка свой рассказ.

Мусоля во рту папироску, она посмотрела в окно и вдруг разразилась своей тюремной бранью:

– Ах ты, фармазон конопатой! Ты гляди-ко, побег учинил!

Оказалось, что ее непоседливый внук все-таки нарушил за-претную зону, и бабка Марья, чтобы присечь побег зека, волчи-цей ринулась на улицу.

Странный рябчик

 Два приятеля пошли на охоту за рябчиками. В бору, где, возможно, могла водиться дичь, они разошлись в разные стороны.

Побродив немного по лесу, первый охотник уселся на валёжину и время от времени стал дуть в манок, призывая птицу. Лес безмолвствовал. Но, когда, потеряв всякую надежду на желанный ответ, приманщик стал прятать манок в карман, где-то поблизости вдруг отозвался рябчик.

Охотник, воодушевленный долгожданным ответом, запикал чаще, но и невидимый рябчик тоже участил призывную серенаду. Причем он не приближался, не подлетал, а отзывался с одного и того же места.

– Какой-то дурной набор для супа попался – или старый, или уж слишком молодой? – подумал охотник и прокричал раздраженно, – Да что ты не летишь ко мне, чёртово мясо?!

Рябчик, видимо, не ожидавший такой наглости, сначала притих, а потом громко ответил голосом второго охотника:

– Сами сюда летите, проклятые перья!

«Собачья» рыбалка

 Солнце только-только заскользило первыми лучами по крышам домов, а Иван Михайлович и Анатолий Васильевич уже удили рыбу. Место для рыбалки они выбрали подальше от поселка на берегу неширокого ручья, извивавшегося меж густых хвойных зарослей.

Иван Михайлович первым поймал крупного чебака и, зачерпнув полное ведро воды, бросил в него рыбину.

У Анатолия Васильевича клева не было. Ежась и позёвывая от утренней прохлады, он смотрел по сторонам. И вдруг раздался его сиплый сдавленный голос:

– Смотри-и-и..! – Анатолий Васильевич показывал рукой на противоположный берег.

Иван Михайлович поднял голову и обомлел.

На другом берегу ручья неподвижно стоял громадный медведь, и смотрел на рыбаков колючим неприветливым взглядом.

– Давай я буду лаять по-собачьи, а ты подвывай, – таким же сдавленным голосом проговорил Анатолий Васильевич, медленно опускаясь на четвереньки.

– Гав, гав, гав! – начал он хриплым от страха голосом изображать собаку.

– У-у-у..., – заливисто подтянул Иван Михайлович.

Медведь сначала внимательно прислушивался к дуэту, а потом, видимо, разочаровавшись в исполнителях, быстро исчез в лесу.

Как только Иван Михайлович увидел, что зверь ушёл, он, не сматывая, схватил – в одну руку удочку, в другую ведро и, крикнув напарнику:

– Пошли отсюда быстрее, а то ещё, чего доброго, поймет, что за собаки тут были, да вернется позавтракать нами, – первым побежал домой.

Вскоре потный и взъерошенный Иван Михайлович был уже на крыльце своего дома и, когда протянул руку, чтобы открыть дверь, увидел, что держит ведро...

Двенадцатилитровая оцинкованная бадья была полным-полнёхонька воды, где сиротливо плавал одинокий чебак.

– Тьфу ты! – пересохшим горлом прохрипел Иван Михайлович, и в ярости выплеснул воду вместе с чебаком в ограду, куда следом полетело и новехонькое оцинкованное ведро.

Ходившие неподалеку куры разбежались, кудахтая и недоумевая, а потом дружно накинулись на чебака.

Вскоре о «собачьей» рыбалке напоминали лишь тускло блестящее боками ведро да валявшийся рядом трагического вида скелет чебака.

Напугали

 В лихую военную годину не нагулявший жира медведь повадился драть колхозных коров. В том, что зверь наносил урон дойному гурту, ничего хорошего, конечно, не было, но с другой стороны колхозники полмесяца ели свежее мясо. И все же, когда медведь в очередной раз напал на корову, мужики решили:

– Так он всех коров пережрет. А раз уж ружей у нас нет, то давайте хоть напугаем его.

Нагонять страх на медведя вызвались идти: хромой Иван, глухонемой Поликарп, три деда – один другого старше, – да еще, увязавшийся за ними паренек лет четырнадцати – Димка.

Охотники намотали на палки бересты, подожгли самодельные факелы и двинулись в путь.

Загон для скота находился в полукилометре от барака, где жила бригада колхозников. Преодолев с трудом болотные кочки, возвышавшиеся в некоторых местах почти до пояса, мужики пришли на место, где и увидели возле задранной коровы хищного зверя.

Услышав шум, медведь повернул окровавленную пасть в сторону устрашителей и грозно зарычал. Мужики мгновенно побросали палки и кинулись в стоящую неподалеку от загона избушку.

И лишь Димка, наслышанный о доблестных победах нашей армии, остался стоять на месте.

– Советские бойцы не привыкли отступать! – крикнул он звонким от страха голосом и так чесанул в сторону барака, что не заметил на обратном пути ни одной кочки.

Когда Димка прибежал на место и отдышался, то, перескакивая с пятое на десятое, стал рассказывать об увиденном другу-одногодке Антошке. Тот выслушал его, зевнул и мечтательно протянул:

– Эх, винтовочку бы мне! – и вскоре благополучно засопел, поскольку время было уже позднее.

Димка ещё долго не мог уснуть, ворочался и видел, как Антошка вскидывал руки во сне, шевелил пальцами, видимо, вел беспощадный огонь по зверю.

А мужики вернулись в барак только по утру. Хромой Иван с завистью посмотрел на мирно посапывающего Димку и пробубнил в полголоса:

– Ну, уж хрен меня заставишь ишо раз звиря палкой пугать – до сих пор понос остановить не могу!

Агрессия

 В небольшом клубе деревни Горной Субботы по случаю показа кино собрался народ. Одним из последних в наполненный зал вошел продавец – Иван Воронцев, и, стараясь не привлекать к себе внимания, тихонько сел в уголке. Однако он тут же был замечен и взят под пристальное обозрение тёти Физы, потому что лицо у Ивана было сильно исцарапано.

А пострадал он в этот злополучный день на работе, в магазине.

Покупателей не было, и поэтому, накатив от скуки пару стаканов водки, Иван пребывал за прилавком в прекраснейшем расположении духа.

В это время в магазин вошла молодая женщина Августа. Она купила сахару и собралась было уходить, но Иван предложил ей выпить.

Августа, долго не церемонясь, выкушала предложенный стаканчик. Продавец налил еще и, когда женщина выпила, Иван решил, что сейчас, пожалуй, самое время совершить агрессию на предмет обладания покупательницей. Однако Августа была готова к подобным действиям и встретила похотливого агрессора во все свои немаленькие ногти. Прода-

вец вынужден был отступить и, спасая порядком исцарапанное лицо, пробормотал:

– Ладно, ладно, хватит – иди! – а сам стал прижигать водкой пострадавшие места.

Вот с такой разрисованной Августой физиономией и явился продавец в клуб.

А тетя Физа, внимательно изучив личину пострадавшего, незамедлительно приступила к допросу:

– Ой-ё, ой-ё, Иван, это чё с тобой? И какое хоть зверьё тебя исцарапало?

– Пострадавшей не ишшотса*, а остальным дела нет! – последовал лаконичный и юридически правильный ответ Ивана.

Тетя Физа сконфуженно поджала губы и отвернулась.

А Иван победоносно осмотрел зал, горделиво поднял исцарапанное лицо и, нервно барабая ладонями по коленям, добавил:

– Что-то долго не начинают?!

* Не ишшотса – не предъявляет иска. (Прим. автора.)

Игра

 К Николаю Ивановичу приехали дочь с мужем. Тесть скользнул оценивающим взглядом по зятю – высокому, на вид флегматичному парню, и радушно пригласил гостей к столу.

Хозяин налил водку по стопарикам и, никого не дожидаясь, торопливо выпил:

– За знакомство.

После нескольких принятых стаканчиков неловкость первого застолья прошла, и завязался непринужденный разговор.

Когда вторая бутылка была опорожнена наполовину, тесть убрал ее со стола.

– Это мне на похмелку, – пояснил он.

Зятю, конечно, хотелось выпить еще, но просить водку у тестя он не решился, а про себя подумал:

– погоди, жила, я тебе припомню!

Тесть, довольный тем, что прикурковал остаток на похмелку, предложил зятю сыграть в карты. Суть игры состояла в том,

что проигравший получал несколько ударов картами по ушам. Удача сопутствовала Николаю Ивановичу, и он, выиграв два раза подряд, хихикая, с удовольствием отшлепал картами зятевы уши. Но в третьей игре победу с крупным счетом одержал зять. Деловито отслюнявив карты, он стал хлестко бить тестево ухо, которое после каждого удара багровело всё гуще.

Восьмого удара Николай Иванович не выдержал и вскочил со стула.

– Понаехали тут! – хриплым голосом прокричал он и побежал делать остуживающие примочки своему горевшему уху.

...Как говорил в последствии зять, тесть больше никогда не предлагал ему сыграть в эту, видимо, надолго запомнившуюся игру.

Зеркало

 Когда по Иртышу пошли первые речные трамвайчики, бабка Анна решила совершить поездку в деревню Тугалово.

Она надела новый платок, ненадеванную плюшевую жакетку и, посмотревшись в дореволюционных времен зеркало, пошла на пристань.

Бабка благополучно села на речной транспорт, а когда трамвай набрал ход, удивленно качала головой:

– Вот это шкандыбит, дак шкандыбит! А вал-то, вал-то, чисто, как на окяне! – восхищалась она.

– Тебе же, бабка, билет надо покупать, – напомнил кто-то из пассажиров

– А где?

– А вон там, – показала сидевшая рядом попутчица.

Бабка Анна зашла в салон, осмотрелась и, разглядев забранную из больших зеркал стенку, направилась к ней. Увидев в зеркалах четкое изображение незнакомой женщины, поклонилась и негромко спросила:

– Здорово живешь, красавица. Ты билеты-те продаёшь?

Пассажиры захихикали. Бабка, поняв, что «кассирша» не хочет с ней разговаривать, постучала и уже более настойчивым голосом попросила:

– Гражданочкя! Я к тебе обращаюся, мне бы обилетитса надо.

В салоне засмеялись уже во всю.

Наконец, стоявший неподалеку паренек, добродушно пошутил:

– Вот Севастьян – не узнал своих крестьян! Да это же, бабка, ты сама и есть в зеркале!

– То ли я, то ли не я, – недоверчиво качая головой и не отводя взгляда от отражения, засомневалась она, – однако, и вправду я.

В конце концов, бабка Анна отыскала окошечко кассы, купила билет и еще раз, мимоходом взглянув в зеркало, вышла на верхнюю палубу.

Наверху ее вновь стало одолевать сомнение:

– Да не может быть, чтобы это я была такой нарядной и красивой?!

Промучавшись этим сомнением минут двадцать, бабка решительно встала и снова направилась в салон.

Подойдя к зеркалу, она стала рассматривать себя – и в анфас, и в профиль. Затем перевязала платок и, не обращая никакого внимания на потешающихся пассажиров, сняла плюшевую жакетку. Огладила новую кофту и, поправив юбку, потом снова оделась.

– А я, пожалуй, нечё! К моему хвосту можот ишо какой-нибудь старичок принюхаться! – подумала бабка Анна и очень довольная собой вышла на верхнюю палубу.

Ворота помешали

 Деду Михею приснился сон, что в поставленную им ловушку попался медведь. А так как петли у охотника действительно стояли, то он, подумав, что сон в руку, решил на всякий случай проверить их. Не откладывая дело в долгий ящик, собрался и поехал в перемётке через Иртыш. На берегу он зарядил шомпольное ружье и с осторожностью пошёл на место.

В первой же ловушке Михей увидел стоящего на дыбах двухметрового медведя.

– Жиру-то из него, пожалуй, с ведёрко натопится, – привычно определил дед, – а вот мяско-то тяжеловато будет на берег одному стаскать.

Охотник неспешно прицелился и ахнул из своей люфы с шестигранным стволом по медведю. Но, то ли сослепу, то ли оттого, что медведь дернулся, пуля почему-то перебила петлю...

Непонятно, каким образом дед сумел добежать до реки, скинуть переметку в воду и оттолкнуться от берега что было сил...

Следом на берегу появился разъяренный хозяин тайги, однако к воде он спускаться не стал, а выпрямился во весь свой громадный рост, зарычал и, развернувшись на месте, исчез в зарослях.

Михей греб так, что весло мелькало и блестело в лучах осеннего солнца, и даже небольшой вал шел от переметки. Дед быстро переехал реку и, выскочив на спасительный берег, побежал к дому, до которого было метров триста.

Когда охотник добрался до ограды дома, он облегченно вздохнул и, отворив неширокие воротца, направился к крыльцу. Но что-то его держало. Михей нетерпеливо оглянулся и открыл рот – он притаился за собой переметку! Дед с остервенением приподнял и шмякнул лодку об землю, а потом, махнув на неё рукой, забежал в дом. Прямо с порога, не разуваясь и не разговаривая со своей бабкой Настасьей, Михей быстро направился к печке, залез на нее и не слезал оттуда почти сутки.

Опытная бабка, поняв, что излечить деда может только самогон, достала из подпола запотевшую бутылку и молча водрузила её на стол.

Как только Михей увидел наполненную самогомом посудину, тут же стал покрякивать, покашливать и, наконец, спустился из своего убежища.

Когда бабка поняла, что на душе у деда после пары выпитых стаканчиков самогонки захорошело, то спросила с усмешкой:

– Ну чё, Михеюшко, зверя-то добыл?

– Добыть-то добыл, – в тон Настасье ответил дед, – да уж шибко большой, тряси его лихорадка, оказался, в воротца не прошел, пришлось бросить его...

Урок с кнутом

 В начале лета еще не высокая, но яркая зелень покрыла холмы и распадки вблизи деревни. Повсюду, насколько мог видеть взгляд, бугрилось и проваливалось в низины немислимых оттенков покрывало, сотканное из набравшего силу разнотравья. Чистые небеса светились спокойной голубизной, и щедрое полуденное солнце бережно наполняло теплотой начинающий расцвет природы.

К подножью холма, притулившись чужеродным островком, улеглось стадо коров. Неподалеку, на растеленном плаще, безмятежно раскинув руки, мирно посапывал пастух.

Стояла характерная полудню тишина. И только деловито жужжащий полет шмеля да глуховатый голос кукушки, доносящийся из непонятно какой дали, добавляли умиротворенности в эту тишину.

Из-за угла крайнего дома деревенской улицы с криками и смехом выбежала ватага ребятишек. Улюлюкающая мальчишечья братва учила кататься на велосипеде восьмилетнего Вовку.

Вскоре они уже были на холме, и пацанва, усадив Вовку на велик, столкнула его вниз...

Судорожно вцепившись в руль, Вовка летел в бездну, задыхаясь от страха и восторга. Сердце его ликовало:

– А по фигу мне все! Вот и я выучился ездить не хуже кого! И вдруг он увидел перед собой пастуха.

Вовка даже не пытался что-то делать с рулем – просто зажмурился... и проехал прямо по его откинутой руке. Пастух очумело вскочил, матерясь так, что у коров приостановился жвачный процесс, и кинулся за велосипедом. Догнать не догнал, но пару раз ожег-таки его кнутом, правда, вскользь.

Догнала Вовку ребятня, и то только у деревни:

– Вот видишь, как ты быстро лисапед освоил! – наперебой галдели они.

А перепуганный, но счастливый Вовка глупо улыбался в ответ и с опаской оглядывался на маячившую вдалеке фигуру пастуха с ужасным кнутом в руке.

Расчёт

 У Ивана Максимыча – мужика с крепким здоровьем и крутым характером, было три сына, учились они с четвертого по восьмой класс. Своеобразность крутого нрава Ивана Максимовича выражалась в особой «методе», применяемой им для воспитания детей.

Он регулярно их порол ремнем за двойки, каждый раз регистрируя факт наказания в специально заведенной тетради. Однако и сыночки тоже были не глупцами и в ответ на действия родителя придумали свой защитный метод. Стоило ребятам увидеть, что отец ушел в школу на родительское собрание, они сразу же натягивали на себя по несколько штанов и смело дожидались папашу, глубоко неравнодушного к «успехам» своих отпрысков в школе.

Придя домой, отец доставал ненавистную ребятам тетрадь, снимал ремень и любезно приглашал на экзекуцию:

– Ну, ладно, вундыркинды, давай подходи по одному, расчет буду проводить. Так, что мы здесь имеем? Васька: четыре двойки и кол? За него вдвойне! Итого – шесть! Петька? У Петьки получается восемь... А у тебя, Ванька, вроде, одиннадцать?! Ну, вот и свели дебит с кредитом...

Выдав сыновьям положенное количество ударов, отец тыкал пальцем в тетрадь:

– Распишись вот тут, что получил сполна.

И пока отец порол одного, двое других исподтишка хихикали над притворными стонами братца. Вот так и шел этот воспитательный процесс – от собрания до собрания.

Но однажды Иван Максимович зашел в школу без приглашения учителей, где, понятно, выслушал немало «добрых» слов в адрес своих детей, и после этого выдал не подготовившимся к порке сыночкам по полной программе.

С неделю сидели братцы на краешках стульев, но успеваемость у них заметно повысилась.

Видимо, испытанная отцовская метода на сей раз сработала безотказно.

Конфликт на «Амуре»

 Не знаю, в каждом ли городе России есть улица Комсомольская, но в нашем окружном центре улица с таким названием уверенно протянулась с запада на восток, позволяя пересекать себя другим, равнозначным и не очень, улицам и переулкам. Если судить по нумерации построек, то Комсомольская берёт свое начало в логу. В нём же заканчивает свои полномочия по исчислению домов переулок Первомайский со своей неасфальтированной проезжей частью и большим количеством бездомных, а так же не привязанных хозяевами собак. Таким образом, лог является как бы границей между восточной и западной частями города. И носит громкое название – Большая Логовая.

Но, несмотря на столь высокий статус, улицей вряд ли можно назвать притулившиеся вдоль крутых склонов убогие домишки, между которыми весной и осенью бежит шустрый ручей. И мне иногда хочется назвать этот «живописный» уголок города Комсомольском-на-Амуре.

Однако хочу остановить ваше внимание на инциденте, произошедшем нынешней зимой в этом логу.

Было ещё светло, редкими пушистыми хлопьями падал снег, который успел прикрыть тонким предательским слоем нака-
таный ребятей лёд.

Со стороны улицы Комсомольской, весело помахивая цел-
лофановым пакетом, где, скорее всего, находилось спиртное,
спускалась подвыпившая женщина. Она что-то тихо напевала,
и славянское её лицо выражало нетерпеливую радость, оче-
видно, от предстоящей дозаправки спиртным.

Навстречу ей со стороны Первомайского переулка, дымя па-
пирсой, шёл невысокий мужичок «мусульманского обличия»,
бережно неся ячейку яиц. Путники, видимо, были знакомы, но
их отношения, судя по вскоре вспыхнувшей перепалке, были в
состоянии глубокой неприязни друг к другу. Когда они почти по-
равнялись, женщина вульгарно улыбнулась и громко выдала:

– Привет, бусурманин! – но тут же, поскользнувшись, с виз-
гом ухватилась за его пальто. «Бусурманин» заперевирал нога-
ми, пытаясь устоять, но не выдержал веса грузного тела, и оба
упали на, предательски скользкую, дорогу. При этом женщина
одной рукой угодила в ячейку яиц, а второй – размазала папи-
росу по «мусульманскому лику», не выпустив при этом из своей
руки драгоценного пакета.

Мужик вскочил первым и со злостью заорал:

– Ты что нателала, логовой плять! Пошти все яйца мне раз-
тавила? Горячий боброс по морде размазала! Пить только уме-
ешь да плятовать!

Женщина тоже встала на ноги и, оперев руки в бока, чекан-
ным голосом сформулировала достойный ответ:

– А ты, татарская шушера, какого чёрта лезешь со своими
яйцами мне под ноги, а?! Да ещё куришь как паровоз! Я, может,
из-за дыму-то и упала. Моли бога, что бутылка у меня не раз-
билась, а то бы тебе кырдык пришёл.

Чингисхан-от, наверное, не курил, а ты, обмылок косо-
глазый, смолишь свой боброс вонючий, – удачно передразнив
своего оппонента, закончила она свою речь.

Мужичок снова открыл было рот, но, поняв, что в этой дискус-
сии ему и слова не дадут сказать, обречённо махнул рукой. Под-
няв ячейку с остатками яиц и спустившись с дамбы, он пошёл по
правому склону лога. Следом, награждая басурманина «ласковы-
ми эпитетами», подалась и женщина, но – по левому склону.

Вероятно, и дома их стояли по разным берегам погранично-
го ручья-«Амура», и стеклянные взгляды их окон всегда были
полны антагонистического противоречия.

Весенние скачки

Иртыш нынешней весной вскрылся рано, и уже через сутки лёд почти пронесло. Лишь кое-где одинокие, сероватого оттенка льдины, сталкиваясь и с шумом осыпаясь хрустальными иглами в воду, торопливо догоняли уплывших на север собратьев. Навстречу им уверенно наплывали низкие серые облака, мстительно разрешаясь нудным дождём, вперемежку с крупинчатым снегом. Дул порывами северо-западный ветер, погода была явно нелётная.

Однако такая непогодь была только на руку мужикам из посёлка Сибирский. Потому что было меньше шансов угодить в «объятья» рыбнадзора, так как во время весеннего нереста рыбы ловить её нельзя. Но, несмотря на запрет, местные мужики каждой деревни постоянно рыбачат в этот период. Я думаю, и будут они заниматься весенним промыслом всегда, ведь рыбы-то от этого меньше не становится.

И сейчас, разъезжаясь на шлюпках по излюбленным местам, рассуждали:

– Какой дурак выпустит в такую падеву вертолёт с рыбнадзором и охотоведом?!

На одной из разлившихся речек собрались вместе сразу пять или шесть лодок. Опытные рыбаки выставили сети и вскоре, добыв первую рыбу, развели костёр. Вбили рогатину и, подвесив на сырую палку ведро, заварили уху. Когда варево было готово, разлили его по кружкам, а рыбу выложили на расстеленный целлофан...

Если вы сейчас подумали, что они приступили к трапезе, то глубоко заблуждаетесь – ни один, хоть немного уважающий себя рыбак, не отправится на первый промысел без двух-трёх бутылок водки. Не был нарушен этот железный закон и в этот раз.

...Рыбаки разлили водку мерным стаканчиком по разнообразной посуде, чокнулись и, пожелав друг другу удачной рыбалки, дружно выпили. В это время вдалеке показался верховой, и вскоре к стану лёгкой рысью подъехал мужичок крепкого телосложения – Афоня. Под ним красовался упитанный гнедой мерин по кличке Гвидон. Бодро соскочив с коня, Афоня поздоровался и подсел к огню. Ему сразу же был налит стаканчик и он, воодушевлённо провозгласив:

– За рыбалку! – мгновенно опрокинул водку в обросший рыжей щетиной рот. Затем, сняв затаренный спиртным рюк-

зак, повёл устраивать лошадь. Он вырубил подходящий кол, и, крепко забив его в землю неподалёку от стана, привязал на длинную верёвку Гвидона.

...Пили мужики почти всю ночь. И только под утро, охрипшие от песен и споров, успокоились – кто где.

Крепкий утренний сон рыбаков потревожил непонятно откуда появившийся вертолёт. Он завис неподалёку, высматривая, словно коршун, добычу, и наметив её, стал приземляться. Мужики, продрав похмельные глаза, сразу оценили создавшуюся ситуацию и бросились вприпрыжку, спотыкаясь и падая, прятаться по кустам.

Афоня, поняв, что спасти его в этой ситуации от неподкупных инспекторов может только Гвидон, метнулся к нему. Вскочив на верного друга, всадник со словами:

– Выручай, Гвидонушко! – стал колотить его пятками по бокам, и яростно нахлёстывать концом повода. Гвидон, напуганный грохотом вертолёта и неистово понукаемый хозяином, взял с места в карьер. Однако, крепко привязанная верёвка, не позволила коню покорить копытами своих ног зовущую даль. И Гвидон стал нарезать круги, наматывая верёвку на кол.

Афоня же пригнулся к шее мерина и, видя перед собой только мелькающую белёсую прошлогоднюю траву, азартно нахлёстывал коня до тех пор, пока тот не остановился. Верёвка кончилась! Кавалерист выпрямился, осмотрелся вокруг, сообразил, что случилось и, хрипло крикнув:

– Сдаюсь! – мешком сполз с коня и, с поднятыми руками, пошёл к наблюдавшим за наездником инспекторам.

– Мы таких лихих джигитов не штрафуем. Да и подобных скачек отродясь не видывали. А вот твоих друзей-рыбарей озадачим! – и, улыбаясь, пошли штрафовать хмурых, уже собравшихся у стана похмельных рыбаков.

Афоня размотал верёвку, тяжело вздохнул и, вспомнив, что водка ещё осталась, побрёл следом – как-никак, а опохмелиться нужно было по-любому.

Хогоки

 Неважно, в каком из муниципальных образований Ханты-Мансийского округа произошел этот случай, но то, что дело было именно так, можно не сомневаться.

В один из понедельников два работника творческого направления Сергей и Александр, мрачно докуривая

последние сигареты, решили проверить содержимое своих кошельков. Когда, пересчитав потрёпанные десятки, друзья поняли, что их «финансы поют романсы», то, после короткого совещания, нашли спасительный выход – нужна спонсорская помощь. И оказать ее может только глава района.

– Как-никак, а он должен создавать условия для нашей нелёгкой работы.

– Да мы же – цвет российской интеллигенции! И этот районный глава будет просто счастлив оказать нам солидную финансовую поддержку, – рассудили творческие величины, и, не откладывая дело в долгий ящик, подались в муниципалитет.

Но, когда ходоки пришли к местному Белому дому и увидели на крыше здания державно развивающиеся флаги окружного и федерального значения, то финансовый зуд у Александра поух:

– Знаешь что, Серёга, идти в кабинет к главе лучше тебе одному. На язык-то ты гораздо бойчее меня. И вид у тебя, как у дипломата. К тому же – вы оба лысые, а плешивый лысого никогда не обидит.

– Ладно, учись, волосатик, пока я живой, – согласился польщённый Серёга.

Не таких чиновников доводилось уламывать. А этого – я одной левой... – и он, окрылённый надеждой, мигом взмахнул на второй этаж. Оставшись один, Александр, украдкой поглядывая на лестницу, стал нетерпеливо прохаживаться по коридору и размышлять:

– Интересно: сколько же он нам даст – гроши, чтобы отвязаться, или по максимуму?..

Наконец, минут через десять показался Серёга. Неторопливо спускаясь по лестнице, друг матово поблескивал лысиной и сиял ослепительной улыбкой. Александр, видя озарённое счастьем лицо дипломата, понял, что аудиенции закончилась удачно, разулыбался в ответ и спросил радостно-утвердительно:

– Ну что, всё в ажуре?

– Да, этот плешивый чинуша выделил нам по максимуму – на х... послал.

Причем, когда посылал на... э-э... на хутор бабочек ловить, то лысина его так гневно полыхнула красным, что я грешным делом подумал – плюнь на неё, и зашипит.

– Что-о?! – багровея лицом, недобро протянул Александр, прошедший не одну «горячую точку» в современной России.

– Что слышал!

– Ну, я ему сейчас!..

– Э, нет, пошли отсюда. Нечего после драки кулаками махать! – резонно рассудив, потянул более уравновешенный Серёга наружу вспыльчивого друга.

Ходоки вышли на улицу, стрельнули у прохожего закурить и разошлись.

Александр пошёл было домой, но тут его взгляд остановился на магазине, и он, решив заглушить обиду, приобрёл в долг у знакомого продавца пару бутылок водки. Дома, опорожнив первую бутылку, Александр вдруг почувствовал, что притихшая обида вспыхнула с новой силой. Видимо, спиртное подействовало на его творческую натуру так, как бензин на тлеющий костёр... и рука сама потянулась к телефону:

– Алё, приемная? Срочно соедините меня с главой, у нас договоренность о звонке, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

Услышав на другом конце провода знакомый голос руководителя, Александр тут же закричал в трубку грозным голосом:

– Я тебя завтра же выброшу из кабинета вместе со столом и твоей кудлатой секретаршей! Да как ты мог послать на х... представителей творческой интеллигенции России!.. – Александр хотел добавить еще что-то о цвете нации, но в трубке слышались короткие частые гудки...

Наутро, проходя мимо здания администрации, Александр, скользнув похмельным взглядом по окнам кабинета главы, с изумлением заметил, что стёкла в окнах затонированы.

– Так-так, – заинтересовался телефонный громовержец, – а что же внутри?

Когда он вошел в здание, то увидел, что на месте старичка-охранника восседает сурового вида милиционер. Страж порядка строго взглянул на вошедшего и, выразительно похлопав ладонью по кобуре, равнодушно отвернулся.

– Крепко же я его напугал, – удовлетворённо подумал Александр, – хоть сквозь рукавичку, но кукишку главе, все-таки поставил.

И он, дохнув перегаром в сторону неподкупного милиционера, вышел на улицу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Телега (или Собака на сене).....	5	Затянувшаяся опохмелка	42
Метляк.....	6	Сано и Будулай.....	44
Топор.....	7	Мужчина, он и в старости мужчина..	45
Через тернии к бабке.....	8	Коза пропала.....	47
Генеральное блюдо.....	9	Слепой поворот	48
Вчерашний суп.....	11	Серьёзное дело.....	49
Не американский метод	12	Армейская выучка.....	50
Святой нос	14	Косач (стихотворный вариант) ...	52
Медвежий прострел	14	Творческий склероз.....	53
Пари.....	16	«Кровожадный» сказочник	55
Поросячья эпопея.....	17	Салага – он и есть салага.	
«Дура» помогла	19	Бывальщина комроты.....	56
Серьёзнейшее предупреждение ...	20	Находчивый часовой.....	57
Резус.....	22	Шорник	58
Обычай не устоял.....	22	Шутливый бригадир	59
Издержки памяти.....	23	Отголоски войны.....	60
Главные выборы.....	25	Акустика подвела.....	62
Обида.....	26	Луноход.....	63
Кастрация.....	27	Удлиненные сутки	64
Конкуренция	29	Аллах Акбар.....	65
Страсти-мордасти	30	Система зажиганья	66
Попытка диалога	31	Людоед.....	67
Предконцертная зарисовка	32	Кусачки.....	68
Дояр.....	32	Двойной испуг	69
С лесины-то видней	34	Шуры-муры.....	70
Эпизод.....	35	Глухарь	71
Коронация	37	Помогли.....	73
За мирное сосуществование.....	38	Испытатель	74
Святая простота	39	«ЭВ-6»	75
Важная встреча	40	Китайский плацкарт	76
Без переводчика	41	Опытные наблюдатели.....	78

Тяжелый бомбардировщик.....	78	Генеральная проверка.....	117
День рождения.....	80	Оружейные приёмы.....	118
Оборона.....	81	Экстрасенс.....	119
Талант.....	82	Дела подтулупные.....	121
Главное дело.....	83	Втирание.....	122
Восхвалил.....	84	Свидетели.....	123
Дружественный визит.....	85	Пятый секретарь.....	124
Память подвела.....	86	Нолевой провод.....	125
Плен.....	87	Модельная обувь.....	126
Судья.....	89	Стоматологический наркоз.....	127
Дезертиры.....	90	Заявление.....	128
Приводнение.....	91	Борьба за наличность.....	130
Крестоносец.....	92	Манёвры.....	130
Без остановки.....	93	Маруся покрылась.....	131
Проверка.....	94	Дрова.....	132
Товарищ Колчак.....	95	Покос.....	133
Сиг.....	96	Паяльных дел мастер.....	134
Претензий нет.....	98	Серёгино радио.....	136
Чужая ворона.....	99	Профессионалка.....	137
Валенки.....	100	Обручальное кольцо.....	138
Помощники.....	100	Нечистая сила.....	139
Косач.....	102	Вьюн.....	141
Уполномоченный.....	103	Бабка Марья.....	142
Спецодежда поневоле.....	104	Странный рябчик.....	143
Руководитель.....	105	«Собачья» рыбалка.....	144
Передовой рыбак.....	106	Напугали.....	145
Сексохотник.....	107	Агрессия.....	146
Отставной шкипер (или Назначенный капитан).....	108	Игра.....	147
Охранник.....	110	Зеркало.....	148
Похмельная наживка.....	111	Ворота помешали.....	149
Следы человечьи.....	112	Урок с кнутом.....	150
Змея.....	113	Расчёт.....	151
Взрывное устройство.....	114	Конфликт на «Амуре».....	152
Передозировка.....	115	Весенние скачки.....	154
		Ходоки.....	155

НИКОЛАЙ ВТОРУШИН

Хотите, верьте – хотите, нет

Корректор: Т. Панкова

Компьютерная верстка – Т. Михайлова

Сдано в набор 21.09.2009 г. Подписано в печать 16.11.2009 г.

Формат 60x84/16. Объем 10 печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ 1582.

ООО «ПК «Зауралье», 640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

E-mail: zpress@zaural.ru

Вторушин Николай Михайлович родился в 1946 году в деревне Шалимово Уватского района Тюменской области.

Первые стихи были напечатаны в альманахе «Самаровский ямб». Рассказы печатались в журнале «Эринтур», окружной периодике, альманахе «Югра».

Автор книг: «Лунные ночи» – стихи, рассказы; «Непридуманные истории» – рассказы, стихи; «Просто курьёзы» – рассказы; «Китайский плацкарт» – рассказы; «Осеннее признание» – стихи; «Сборник песен» – песни.

Николай Михайлович – член Союза писателей России. Живёт и работает в Ханты-Мансийске.